

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 9(75), 2019

*Вероучение
Русской
Мечты*

Содержание:

- 2 Александр ПРОХАНОВ.
Народ мечты
- 8 **Сокровенная власть**
- 8 Александр ПРОХАНОВ.
Коды русской истории
- 10 **Учение о мечте**
- 10 Алексей КОМОГОРЦЕВ.
О русских волшебных сказках
- 15 Максим КАЛАШНИКОВ.
Иван-дурак и покорение Марса
- 20 **Эхо Херсонеса**
- 20 Виталий ДАРЕНСКИЙ.
Мечта для всех – мечта мировая
- 25 Максим МЕДОВАРОВ.
Россия – наследница
- 30 **Глаголы вечной жизни**
- 30 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Слово – Русская Мечта
- 39 Владимир ЕЛИСТРАТОВ.
Двуглавый орёл Русской Мечты
- 42 **Россия космическая**
- 42 Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
У нас мечта, искусство, наука
удивительно близки
- 49 Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Русский космизм
и новая мифология развития
- 54 **Красная буря**
- 54 Галина ИВАНКИНА.
Цвет будущего – красный
- 56 Галина ИВАНКИНА.
Устремлённые в вечность
- 60 Шамиль СУЛТАНОВ.
Кадровая система Сталина
- 68 Александр ЕЛИСЕЕВ.
Русская Мечта и советское чудо
- 73 Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Большевики и мечта
- 78 Александр ДУГИН.
Советский период
в структуре Русской Мечты
- 84 Максим ШЕВЧЕНКО.
Русский народ
против Кощеева царства
- 90 **Храм на холме**
- 90 Александр ПРОХАНОВ.
Храм русской победы
- 92 **Мечта неопалимая**
- 92 Александр ПРОХАНОВ.
Пятый Сталин
- 93 Александр ПРОХАНОВ.
Взлёт государства
- 94 Владимир МОЖЕГОВ.
Вернуть мечту своей Родины
- 98 **Исполнение заветов**
- 98 Александр ПРОХАНОВ.
Звезда Востока
- 99 Валерий КОРОВИН.
Евразийские константы
русского сознания
- 104 Василий АВЧЕНКО.
Россия. Тихоокеанское омовение
- 108 Максим КАЛАШНИКОВ.
Русская арктическая мечта
- 116 Павел ГУБАРЕВ.
Новороссия – русская судьба
- 122 Виталий ДАРЕНСКИЙ.
На Донбассе возник русский фронтир
- 126 Александр ПРОХАНОВ.
Вернуть народу мечту
- 129 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Невидимая ось мира
- 140 Александр ПРОХАНОВ.
Музыка русских сфер

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №9(75), 2019 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 28.11.2019

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1657

/ Александр ПРОХАНОВ /

Народ мечты

СОКРОВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Русские люди создали невиданное государство между трёх океанов. В то время как швейцарцы корпели над своими сверхточными «Бреге-тами», русские построили государство из 12 часовых поясов. Конечно, для создания этого государства использовались батальоны, казна, тончайшие дипломатические ухищрения, которые позволяли втянуть в состав Российского государства соседние народы, переселение крестьян, движение монахов, которые рубили монастыри к северу от Москвы. Одновременно с этими земными очевидными уложениями и деяниями в распоряжении российской власти существовали неназванные, почти безымянные постулаты и представления, которыми она пользовались наряду с земными формами. Сегодня эти постулаты, во многом забытые, могли бы быть определены как Представление о русском чуде, Учение Русской Мечты, Пасхальный смысл русской истории, Поступь Русской Победы, Святость русского оружия, Россия — ковчег спасения, Пятый Сталин, Москва — Третий Рим.

Соединение невидимых кодов с видимыми, очевидными потенциалами, коими являются казна, арсеналы ракетно-ядерного оружия, новые технологии, добытые на Западе или изобретённые нашими умельцами, сочетание русского видимого и русского невидимого обеспечивает стране долгожданное движение вперёд.

Сегодня это русское невидимое существует как сокровенное, не об-

ретённое, оно спрятано в исторический сейф, куда запихали его перестройщики, а ключ выбросили в Мировой океан. Вся «перестройка» — это уничтожение западными идеологами драгоценных основ русского сознания, из которых важнейшая — Победа. Сегодня противник, собираясь растоптать Россию, топчет эти волшебные русские коды. Имея к ним доступ, заглядывает в тайные хранилища и там умертвляет животворящие силы русской истории, чтобы они никогда не попали в руки российской власти, ибо нынешняя власть не ведаёт о содержании сейфа. Она действует рефлекторно и инстинктивно. У неё многое не получается — оттого что свой земной ресурс она не умеет сочетать с ресурсом небесным, о котором мало что знает.

Задача русского сознания и его историков, философов, культурологов, его военных интеллектуалов и прозревающих небо священников — открыть этот сейф, обнаружить его бесценное состояние, оснастить этими кодами власть.

Краеугольные постулаты русского сознания должны быть освоены властью осторожно, как осваивают драгоценное оружие. Это не прихоть историков, не каприз политологов — это оружие, с которым сражается другое оружие. Мировая история есть схватка мифов, схватка национальных постулатов, схватка видимых и невидимых идей, от столкновения которых происходят войны, меняются границы держав, появляются новые государства.

УЧЕНИЕ О МЕЧТЕ

Важнейшим из перечисленных постулатов является учение о Русской Мечте. Каждый народ — мечтатель. Есть в народе мечта — есть народ. Мечта исчезает — и вместе с ней исчезает народ. Мечта — это таинственная огненная сила, живущая в народе и толкающая его вперёд по всему историческому пути, и в то же время является тем магнитом, которым притягивает к себе, влечёт народ. Мечта переносит народ через «чёрные дыры» его истории, через страшные поражения, оккупации и попрания. Благодаря мечте народ вновь возносится к историческому творчеству, движется к своему лучезарному будущему.

Мечта то близко, рядом, кажется, можно коснуться её рукой. Но она удаляется, как волшебное светило, уходит за горизонт и светит оттуда, словно таинственная заря. Эту Мечту не угадаешь сразу. Её не выскажет одинокий мудрец, желающий стать проповедником. Её не выскажет и сонм мудрецов, сошедшихся за круглым столом. Её можно понять, если кропотливо исследовать весь путь нашей истории от древних времён до нынешних дней, если услышать, как высказывают эту Мечту самые прозорливые, самые просвещённые люди разных русских времён: её пророки, её ясновидцы, её великие, прозревающие будущее политики и поэты.

Начитавшись в детстве русских сказок, теперь, когда сказочников не осталось, я всё-таки улавливаю эти сказочные дуновения. Сказочники — это ведуньи, это пророки, мудре-

цы древности, которые наставляли правителей, обучали и укрепляли простой люд в его знаниях. Сказка о яблоне и молодых яблоках говорит о том, что если ты надкусишь этот медовый плод, вдохнёшь его дивный аромат, то разглядятся твои морщины, твой унывающий дух воспрянет, ты станешь вновь способным творить, любить, созидать. Сказка о мёртвой и живой воде говорит о воскрешении из мёртвых. Окропи мёртвой водой смертельные раны сражённого витязя — и они затянутся. Окропи живой водой павшего богатыря — и он воскреснет, сядет на коня, возьмётся за свой меч-кладенец. А сказки об Иване-дураке? Он оказывается смыслёнее и способнее всех умачей и гордецов, приближённых к престолу. Это Иван-дурак за одну ночь возводит прекрасные города, строит удивительные дворцы, и ему в руки даётся божественная Жар-птица. А ковёр-самолёт, который летает со скоростью мысли? А скатерть-самобранка, которая способна напитать множество людей?

Сегодня мы наблюдаем эти заветы старины в современных медицинских центрах, в прекрасных реабилитационных клиниках. Национальные проекты, возводящие онкологические больницы по разным городам и весям нашей России, выполняют эти заветы. В закрытых лабораториях учёные ставят эксперименты по продлению жизни тех или иных организмов, вплоть до победы этих организмов над смертью. Проблема бессмертия поставлена уже и в научном мире.

Русские сказки своим неповторимым языком поведали нам о нашей Мечте, которую сегодня мы продолжаем воплощать в наших лабораториях, на наших нивах, на наших хлебных полях.

ЭХО ХЕРСОНЕСА

Когда в Херсонесе совершилось Крещение Руси, и православие хлынуло, как ясный свет, на все русские пространства вплоть до Тихого океана, тогда православие одарило нас величайшими храмами, фресками

и иконами, изумительными текстами наших летописей. Тогда же православие одарило Россию двумя великими православными мистиками.

В псковском Спасо-Елеазаровском монастыре я остро ощутил тот невероятный духовный подвиг, который когда-то совершил подвизавшийся здесь старец Филофей, создатель теории «Москва — Третий Рим». Ударяя в било, я вспоминал его заветы, с которыми он обращался к великому князю, говоря, что задача правителя — не только в том, чтобы увеличить пространства своей державы, чтобы стяжать богатую казну и укрепить войско, но в том, чтобы беречь драгоценный дар — православие, учение о Царствии Небесном, учение о том благе, к которому должна стремиться человеческая душа, изживая из земного бытия скверну, зло и насилие.

Старец Филофей говорил, что первый Рим, который раскинулся на капитолийских холмах и когда-то был столицей христианского мира, этот Рим пал, он осквернён католиками, из него излетела истинная вера. Второй Рим, который был в Царьграде, сиял в Византии, тоже был осквернён, тоже пал, и величайшая православная святыня — Святая София, оказалась окружённой, как пленница, мусульманскими минаретами. Россия, спасая эти православные ценности, перенесла их в Подмоскovie, пересадила на новую почву, как пересаживают саженцы, давая им новую жизнь и цветение.

Другой православный мистик, патриарх Никон, возвёл под Москвой Новый Иерусалим. И сейчас под Москвой есть Храм Гроба Господня, Голгофа, есть Крестный путь, есть Гефсиманский сад, Генисаретское озеро, есть Иордан — так нарекается теперь подмосковная речка Истра. Патриарх Никон верил, что сюда, в Россию, в свою любимую землю, явится Христос во время своего Второго Пришествия. Здесь, под Москвой, он объявит о завершении ветхого тленного мира и начале мира божественного и бессмертного, принесёт на Землю Царствие Небесное.

Сегодня, когда Запад теряет свои христианские ценности, когда попи-

раются идеалы семьи, человека, идеалы божественного, небесного в угоду земному, денежному, Россия вновь становится защитницей этих ценностей, вновь собирает вокруг себя ревнителей семьи, нравственности, справедливости и человеческого достоинства.

Старец Филофей и патриарх Никон — мечтатели и пророки.

ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Русская литература во все века своего существования — это псалом, который русский народ обращает к Небу, и там, в Небе, ищет ответы на земные вопросы. Русские писатели — это великие мечтатели. Пушкин мечтал об империи могучей и крепкой, о той, над которой сияет «звезда пленительного счастья», которая наполнена благодатью, благородством и красотой.

Гоголь в своей «птице-тройке» рассказал о Русской Мечте, которая несётся в беспредельную даль, загадочную не только для окрестных народов и государств, но и для себя самой. Таинственная Русская Мечта...

Тютчев говорил, что Россию умом не понять, «в Россию можно только верить» — верить, как в божественное начало. Он сравнил Россию с Царствием Небесным.

Лев Толстой в своих прозрениях полагал, что со злом можно бороться непотворением. Он создал теорию «непотворения злу насилем», мечтал о том времени, когда исчезнут войны, когда люди перестанут угнетать друг друга, когда зло будет побеждено милосердием.

Достоевский всю жизнь сражался с бесами не только на страницах своих романов — он сражался с ними и в жизни. Когда его одолевала болезнь и он в падучей валился на землю и бился в приступе, казалось, что он своей грудью закрывает чёрную скважину преисподней, из которой бесы валят на землю. Он одолевал их и закупоривал ад. Тем самым он совершал извечный русский подвиг, который повторил советский солдат Александр Матросов, закрыв своей грудью адский фашистский дот.

РОССИЯ КОСМИЧЕСКАЯ

Россия — страна космическая. Русские — космический народ. Впервые в космос полетел русский человек. Великий Циолковский был учеником другого великого человека — Николая Фёдорова, русского космиста, который создал теорию Общего дела, когда все люди объединяются для задачи спасения и воскрешения умерших отцов, исчезнувших поколений. Когда современный человек исцеляется от пороков, просветляется себя, становится носителем духа, для этого он соединяет себя с высшими достижениями науки: физики, химии, биологии. Это сочетание позволяет воскрешать умерших отцов, когда раскрываются могилы и из них восстают умершие, облачённые новой плотью.

Но эти воскрешённые поколения переполняют землю, им некуда больше ступить, и тогда появляется Циолковский со своей первой и второй космической скоростью. Он задумывает ракеты, с помощью которых земные люди будут расселены по Вселенной, по мирозданию. И разве не продолжением этой утопической мечты является «Бессмертный полк» — грандиозное шествие, которое движется 9 Мая по всем российским городам и весям, когда люди несут над собою образы своих отцов и дедов, воевавших или сражённых на великой войне? Это шествие напоминает пасхальный ход, который грезит о воскрешении. И порой кажется, что те, кто изображён на снимках и картинах, берут на руки нас, идущих по земле, и возносят к небу.

Русская Мечта — мечта космическая. Она несётся в мире с первой и второй космической скоростью, она несётся в мире со скоростью света.

КРАСНАЯ БУРЯ

Большевики возмечтали построить на земле рай земной, хотели спустить Бога сюда, на землю. Гениальный Петров-Водкин написал «Купание красного коня», эту икону молодой революционной России. Красный

Большевики хотели проложить путь в Царствие Небесное, но на обочинах этого пути они оставляли груды костей. И вместо справедливости возникла страшная несправедливость, вместо благодати и равенства возникли насилие и мука. Иногда кажется, что вся Красная идея потонула в стенаниях и невинно загубленных душах. Но великим искуплением этого зла явилась Победа 1945 года, когда Советский Союз одолел страшные адские силы фашизма.

конь — это буря революционной истории. Золотой всадник — это молодое человечество. Синее озеро — небесная лазурь.

Большевики божественным называли труд, обожествили его. Они полагают, что с помощью труда, с помощью великих трудовых свершений возможно построить на земле Царствие Небесное. Верили, что через труд можно вернуть человека в рай. И скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница» — это изображение Адама и Евы, которые вознесли к небу орудия своего труда и с помощью труда обрели Царствие Небесное. Эти серебряные, ангелоподобные люди с развешивающимися за спиной крыльями возвращаются в рай.

Большевики хотели проложить путь в Царствие Небесное, но на обочинах этого пути они оставляли груды костей. И вместо справедливости возникла страшная несправедливость, вместо благодати и равенства возникли насилие и мука. Иногда кажется, что вся Красная идея потонула в стенаниях и невинно загубленных душах.

Но великим искуплением этого зла явилась Победа 1945 года, когда Советский Союз одолел страшные, адские силы фашизма. Война и Победа стали победой райских советских смыслов над смыслами ада, когда ад был запечатан, и в очередной раз Россия, Советский Союз взяли на себя — на свою грудь, на своё сердце — все самые страшные, злые силы мира, победили их, и ценою гибели миллионов своих сыновей и дочерей вновь вернули миру возможность развиваться и творить, вновь превратили тьму в свет.

ХРАМ НА ХОЛМЕ

Так в чём же она, Русская Мечта? Это мечта о могучем и праведном Царстве, которое окружает и охраняет общество великой справедливости, любви и благодати, где в гармонию приведены силы природы и силы техники, силы отдельного человека и всемогущего государства. Где жизнь лесного цветка и жизнь мерцающей звезды небесной соединены общим ощущением мировой симфонии. Эта благодать добывается великими трудами, великими усилиями всего нашего российского общества, каждой российской земли, каждого проживающего на этих землях народа.

Американская мечта — это «град на холме», это крепость, построенная на горе, с которой видны все другие, лежащие в долинах города и селения. И если в каком-то из этих селений возникает беспорядок, американцы из своих бойниц посыпают долинные города и селения своими крылатыми ракетами.

Китайская мечта, которая сопрягается с Великим Шёлковым путём, — это мечта о восстановлении китайского достоинства, того достоинства, которое на протяжении долгих лет попиралось то англичанами, то японцами, достоинства, которое было растоптано. И сегодня Китай, достигая великого возрождения, стремится утвердить своё существование в гармоничном и цветущем мире.

Русская мечта — это храм на холме. Мы построили холм из наших верований, страданий, поражений, из великих побед и открытий.

На вершине этого холма мы построили храм, который своими крестами касается небесной лазури, касается света Фаворского. И этот свет проливается к нам, на землю, в наши семьи, на наши космодромы, в наши гарнизоны, на наши заводы.

МЕЧТА НЕОПАЛИМАЯ

Мечта создаёт народ. Поселяется в нём, свивает в нём своё гнездо. Мечта дарит народу его государство, дарит ему достойных правителей, создаёт неповторимый стиль в архитектуре, живописи, музыке, определяет народу нравы, делает народ неповторимым и незаменимым. Но иногда мечта становится тесно в народе, тесно в государстве, тесно в правителе — и она излетает. Тогда наступает тьма, чёрная дыра в народной истории.

Наша история движется по таинственной синусоиде. Российское государство возникает, расцветает, достигает высших своих проявлений — и срывается вниз, в пропасть, превращается в «чёрную дыру», исчезает, и кажется, народу и государству больше никогда не подняться. Но в силу неведомых, таящихся в народе мечтаний государство вновь возрождается, народ восстаёт из праха.

История государства Российского — это история пяти великих империй. Киевско-Новгородская империя — первая. Вторая — Московское царство. Третья — Романовская империя. Четвёртая — Красная империя Сталина. И пятая держава — та, которую мы сегодня создаем. Она состоит из множества земель, народов, верований, языков, векторов развития. Всё это дышит, цветёт, объединено державной идеей, объединено Русской Мечтой.

После 1991 года мечта излетела из Красного государства. Разверзлась «чёрная дыра», в которой истлели остатки прежней эпохи. Казалось, Россия канула, и ей больше не быть. Но в этой чёрной бездне, не видимая глазу, притаилась Русская Мечта. И наступит время, когда она себя обнаружит, когда она взлетит и взовьётся.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАВЕТОВ

В чём сегодня проявляет себя Русская мечта? Она проявляет себя в том, что она, мечта, вырвала Россию из «чёрной дыры» истории. Вынесла её к свету нового исторического творчества. Русская мечта созидает новое государство Российское.

Сегодня Россия осуществляет три великих геостратегических проекта, продолжает в этих проектах свои предшествующие труды и свершения, делая работу, которую русские люди недоделали в предшествующие исторические периоды.

Грандиозный арктический проект, когда по всей кромке Северного Ледовитого океана мы восстанавливаем полярную цивилизацию, рухнувшую в 90-е годы. Мы восстанавливаем промышленные посёлки, погранзаставы и радиолокационные станции, способные заглядывать за горизонт и предупреждать нападение на Россию американских бомбардировщиков Б-52 с грузом крылатых ракет. В Арктике, во льдах, строятся заводы, перерабатывающие газ. Строятся порты, туда устремляются железнодорожные ветки. Атомные ледоколы распахивают полярные льды, ведут за собой караваны танкеров и сухогрузов, прокладывая Великий Северный морской путь, как китайцы прокладывают свой Великий Шёлковый путь.

Арктический проект есть проект Русской Мечты. Его задача — не только обогащение России месторождениями углеводородов, не только создание мощного северного оборонительного пояса, не только прокладывание грандиозных глобальных коммуникаций, именуемых Северным морским путём. В Арктике, под Полярной звездой, звездой пленительного русского счастья, возрождается русский пассионарный человек, мечтатель, продолжатель тех очарованных странников, которые двигались в полярные льды в поисках Беловодья, Русского Рая. Сегодня русский человек, осваивающий Арктику, прошедший сквозь полярные бури и северные сияния, гонимся для любой работы. Он может быть генералом,

губернатором, священником, строителем — тем, в ком воплотилась Русская Мечта. Арктика — это родина Русской Мечты в восхитительном, сверкающем, как лёд, оперенье.

Второй проект — дальневосточный. Там Россия встречается с гигантами Востока: Китаем, Японией, Южной Кореей. Оттуда русский взор устремлён в Океанию, к Индонезии, к Австралии. Там создаётся синтез, в котором Россия сочетается с великими цивилизациями Тихого Океана. В Комсомольске-на-Амуре на авиационном заводе строят истребители пятого поколения — лучшие в мире истребители. Судостроительный завод в Комсомольске строит фрегаты и корветы. На дальневосточных верфях закладываются супертанкеры, способные перемещаться в северных полярных широтах. Владивосток становится мозговым центром дальневосточной русской цивилизации. Космизм Николая Фёдорова, великого русского мечтателя, воплощается в космодроме «Восточный», в городе, который носит имя его ученика — Циолковского.

И третий проект, который осуществляет Россия, — южный, средиземноморский. Россия восстанавливает во всей полноте южный рубеж обороны. Это наши военные базы в Южной Осетии и Абхазии, возвращение Крыма и сбережение Черноморского флота, который пополняется новыми кораблями и подводными лодками, установление контроля над Чёрным морем, выход через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, где вновь появляется сводная российская эскадра, собирающая корабли со всех флотов, базы в Сирии: военно-морская и военно-воздушная, присутствие России на Ближнем Востоке — в этом солнечном сплетении мира.

Все эти проекты являются выполнением наказов прошлого. Мы, русские люди, завершаем дела, недоделанные прежними мечтателями.

Русская Мечта — это полёт, которому нужно огромное небо.

Россия по-прежнему остаётся страной мечтателей и героев.

Сокровенная власть

ЗАДАЧА РУССКОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ИСТОРИКОВ, ФИЛОСОФОВ, КУЛЬТУРОЛОГОВ, ЕГО ВОЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ПРОЗРЕВАЮЩИХ НЕБО СВЯЩЕННИКОВ – ОТКРЫТЬ СЕЙФ, ГДЕ ЛЕЖАТ РУССКИЕ КОДЫ, ОБНАРУЖИТЬ ЕГО БЕСЦЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНАСТИТЬ ЭТИМИ КОДАМИ ВЛАСТЬ

/ Александр ПРОХАНОВ /

Коды русской истории

В сознании русских людей присутствуют коды, которые, как драгоценные клады, были добыты народом на всём протяжении его исторического пути. Эти коды позволяют народу преодолевать великие трудности, превращать поражение в победу, возрождать из праха падающее государство Российское. Этими кодами владели великие русские правители: князья, цари и вожди, — используя их для создания великого царства между трёх океанов. Хотя в этом были задействованы батальоны, дипломатические ухищрения, казна. Эти русские правители соединяли видимые инструменты с невидимыми кодами и достигали грандиозных исторических результатов. Последним, кто владел этими тайными кодами, был Иосиф Виссарионович

Сталин. Благодаря этим кодам он провёл стремительную и жестокую модернизацию страны. Благодаря этим кодам он выиграл величайшую в истории войну. Благодаря этим кодам измученный, израненный народ в считанные годы восстановил разорённое государство.

Последующие советские правители забыли эти коды, государство существовало стихийно, по инерции, доживая свои последние десятилетия. И там, где была цветущая идеология, осталась сухая бессмысленная шелуха.

Но эти заповедные русские коды изучал стратегический противник. Огромное количество американских и европейских советологов и русологов в исследовательских центрах изучали русские летописи, песни, русскую литературу, мысли великих русских философов и про-

видцев. Они извлекали эти коды и учились их уничтожать в процессе холодной войны. Горбачёвская «перестройка» — это чудовищная бойня, в которой противник, оснащённый знанием, убивал драгоценные константы, живущие в русском сознании, константы, на которых держалось государство. Когда последний код, последний постулат были разгромлены и раздавлены, советское государство пало.

Сегодняшнее государство Российское чудом возникло из чёрной дыры истории вопреки могучему победителю. Русское государство ныне слабо владеет этими кодами, действует рефлекторно, сражаясь с противником, наносит удары в пустоту. Чего не скажешь об умном, оснащённом враге, который является всё тем же вековечным русским недругом, не меняющим

свою сущность от столетия к столетию. Нынешний противник, оснащённый опытом разрушения СССР, обладает мощным инструментарием, позволяющим блокировать развитие Российского государства. Он наносит удары в самые чувствительные и незащищённые места, управляет энергиями, разрушающими Российское государство. Эта невидимая для неподготовленного сознания брань едва обнаруживается в доктринах безопасности, в экономическом курсе, в конструировании многонационального государства имперского типа. Эта схватка отчётливо наблюдается во внешнегосударственной, общественной сфере. Наиболее яркие, прозрачные художники, общественные деятели, публицисты в своих выступлениях и делах демонстрируют эту схватку.

Блистательный лидер «Ночных волков» «Хирург» устраивает грандиозные байк-шоу, собирает на них сотни тысяч молодых людей, которые зачарованно взирают на огненные грохочущие мистерии, самозабвенно скандируя: «Россия! Россия! Севастополь! Севастополь! Сталинград! Сталинград!» «Хирург» создал несколько потрясающих мистерий, таких как «Пятая империя» — рассказ о появлении нынешнего государства Российского. «Русский реактор» — о том, как Крым разбудил русское сознание и вновь превратил русский народ в пассионарный субъект истории. «Русское чудо» — о том, как вопреки исторической логике каждый раз из пепла восставало государство Российское. «Русская Мечта» — о той загадочной и восхитительной силе, что ведёт народ через все тернии к божественным высотам. «Вавилон и Ковчег спасения» — о том, как рушится современная Европа, и Россия принимает к себе гибнущие европейские ценности, сберегая их до будущих времён.

Хирург умудряется высокую метафизику облечь в грохот мотоциклетных моторов, в полыхание лазерных вспышек, в могучий тяжёлый рок.

Государство ныне слабо владеет русскими кодами, действует рефлекторно, сражаясь с противником, наносит удары в пустоту. Чего не скажешь об умном, оснащённом враге, который является всё тем же вековечным русским недругом, не меняющим свою сущность от столетия к столетию. Нынешний противник обладает мощным инструментарием, позволяющим блокировать развитие Российского государства. Он наносит удары в самые чувствительные и незащищённые места, управляет энергиями, разрушающими Российское государство.

Это делает «Хирурга» художником абсолютно нового народного типа.

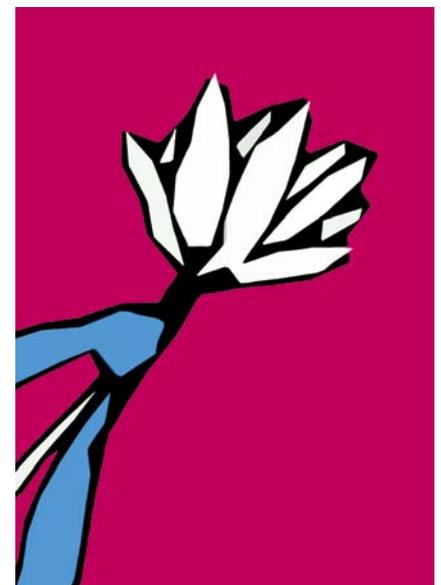
Ему противостоит Александр Невзоров — блестящий метафорист, тотальный нигилист, виртуозный словесник. Он, как и «Хирург», владеет этими русскими кодами и направляет свою энергию на их истребление. Его жизненный путь — это сканирование основных явлений потаённых русских энергий. Он пел в церковном хоре и знает не понаслышке внутреннюю жизнь храма, знает православные ценности. Он сражался с Собчаком и с его сварливой, высокомерной супругой, называя её «дамой в тюрбане», он знает подоплёку либеральных воззрений. Он был апологетом советских ценностей, защищая в своих незабвенных «600 секундах» падающий Советский Союз. Работая с Березовским, создавая с олигархом ельцинскую идеологию нового патриотизма, он великолепно изучил великую русскую традицию. Сегодня, работая на «Эхе Москвы», еженедельно в своих «Невзоровских средах» он сжигает из огнёмёта эти волшебные русские коды.

Если говорить о сегодняшних противоречиях в русском самосознании — это не противоречия официального государства и протестантов Навального. Это не политические битвы вокруг выборов, будь то выборы в Государственную думу или Мосгордуму. Эта схватка отчётливо видна в сражении «Хирурга» с Невзоровым. «Хирург» в своих потрясающих байк-шоу выпускает

в грохочущее небо русских ангелов на мотоциклах «Ямаха». Невзоров сбивает этих ангелов на взлёте, вонзая в них огненные стрелы своего сарказма. Ангелы с опалёнными крыльями устремляются к земле. Но их подхватывает «Хирург» и вновь запускает в русское небо.

Пусть государственные мужи современной России внимательно исследуют эту схватку. Тогда они поймут, почему многие их начинания, многие титанические усилия не достигают цели. Почему исчезли, как дым, созданные администрацией патриотические движения «Наши» и «Молодая гвардия». Почему затуманилось солнце Крыма. Почему Иосиф Сталин и через сто лет — всё такой же желанный вождь России.

Кремлёвские мужи, умеете читать потаённые коды России!

Учение о мечте

МЕЧТУ МОЖНО ПОНЯТЬ, ЕСЛИ КРОПОТЛИВО ИССЛЕДОВАТЬ ВЕСЬ ПУТЬ НАШЕЙ ИСТОРИИ ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НЫНЕШНИХ ДНЕЙ, ЕСЛИ УСЛЫШАТЬ, КАК ВЫСКАЗЫВАЮТ ЭТУ МЕЧТУ САМЫЕ ПРОЗОРЛИВЫЕ, САМЫЕ ПРОСВЕЩЁННЫЕ ЛЮДИ РАЗНЫХ РУССКИХ ВРЕМЁН: ЕЁ ПРОРОКИ, ЕЁ ЯСНОВИДЦЫ, ЕЁ ВЕЛИКИЕ, ПРОЗРЕВАЮЩИЕ БУДУЩЕЕ ПОЛИТИКИ И ПОЭТЫ. НАЧИТАВШИСЬ В ДЕТСТВЕ РУССКИХ СКАЗОК, ТЕПЕРЬ, КОГДА СКАЗОЧНИКОВ НЕ ОСТАЛОСЬ, Я ВСЁ-ТАКИ УЛАВЛИВАЮ ЭТИ СКАЗОЧНЫЕ ДУНОВЕНИЯ. СКАЗОЧНИКИ – ЭТО ВЕДУНЫ, ЭТО ПРОРОКИ, МУДРЕЦЫ ДРЕВНОСТИ, КОТОРЫЕ НАСТАВЛЯЛИ ПРАВИТЕЛЕЙ, ОБУЧАЛИ И УКРЕПЛЯЛИ ПРОСТОЙ ЛЮД В ЕГО ЗНАНИЯХ.

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

О русских волшебных сказках

«Сказки няньки и песни бабушки внушили мне смутную уверенность, что есть кто-то, кто хорошо видел и видит всё глупое, злое, смешное, кто-то чужой богам, чертям, царям, попам, кто-то очень умный и смелый. <...> За сказками, за песнями мною чувствовалось какое-то сказочное существо, творящее все сказки и песни. Оно как будто и не сильное, но умное, зоркое смелое, упрямое, всё и всех побеждающее своим упрямством. Я говорю — существо, потому что герои сказок, переходя из одной в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру».

М. Горький, О сказках, 1935 г.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СКАЗОЧНОГО ГЕРОЯ

Русскую народную сказку можно сравнить с чудесным ларцом, в котором надёжно сохраняются глубинные коды русского национального харак-

тера. Она же выполняет роль виртуального Ковчега Завета, с помощью которого поддерживается незримая и непрерывная связь внутренних контуров сознания современного русского человека с его истоками. А эта связь во многом определяет

существование русской цивилизации в настоящем и будущем времени. Сказка лежит выше времени — об этом свидетельствует сам факт неизменного сохранения сущностной основы сказки в постоянно изменяющихся культурных условиях. Тра-

диционное сознание в этом смысле весьма категорично — **сохраняется лишь то, что актуально, что пребывает в функциональной связи с действительностью**¹.

Русская сказка многофункциональна — в умелых руках она может стать мощным информационным оружием, способным эффективно транслировать всему миру русские смыслы. В качестве примера можно привести российский мультипликационный сериал «Маша и медведь», пользующийся популярностью во многих странах мира. В 2017 году в интервью крупнейшей финской газете Helsingin Sanomat преподаватель института коммуникаций Таллинского университета Приит Хыбемяги охарактеризовал этот мультсериал как «часть гибридного воздействия, в котором отрицательный образ России заменяется положительным»².

Следуя за главным героем сказки, мы вольно или невольно отождествляем себя с ним и словно по мановению волшебной палочки впитываем целый набор архетипических смыслов. Начиная с особой сказочной модели поведения героя и заканчивая его отношением к окружающему миру.

Герой русской сказки никогда не пытается самостоятельно разобраться в причинах проблемной ситуации, не погружается в анализ, он идет по другому пути — узнает способ, имеющийся в распоряжении *знающих* персонажей (Бабы-яги, идолища, старичка, птицы и т.п.). Для того чтобы разрешить проблемную ситуацию, ему нужно знать о правильных способах взаимодействия с окружающим миром, который воспринимается не как внешняя среда, а как который воспринимается им как целостный живой и одушевленный субъект, мир-собеседник, мир-родственник, таинственный помощник и испытатель. Герой должен проявить неподдельную

доброту, скромность, сообразительность, вежливость. Только проявив свои истинные качества, он заслуживает получения **чудесного средства**, которое и обеспечивает ему успех.

Один из центральных мотивов русской сказки — волшебное преобразование героя, а вместе с ним (что особенно важно!) и всей сказочной ситуации в целом. Иными словами, в русской сказке мы обнаруживаем описание механизмов **преобразования** внешней реальности посредством изменения реальности индивидуальной.

Поначалу активность героя представляется вынужденной, спровоцированной извне: отец высылает из дому, возникает необходимость отправляться на поиски чего-то и т.п. Классический пример — сюжет с былинным героем Ильей Муромцем. В былинке, в отличие от сказки, первоначальной бездеятельности придана благообразная форма (болезнь), в то время как в сказке фигурирует именно лень (Емеля), во всяком случае, как лень она квалифицируется окружающими.

В данном случае сказка, как и былина, отражает принципиально важное качество, присущее русскому человеку: среднестатистический русский бездействует, куда пред ним не ставится сверхзадача, зачастую кажущаяся совершенно невыполнимой. Активизация наиболее высоких (идеальных, героических) качеств русского человека тесно связана с возникновением непосредственной и очевидной внешней угрозы — для его близких, Родины или всего остального мира, — которую он воспринимает как личный вызов.

Одной из практических производных этой национальной особенности является функционирующая в России на протяжении многих веков т. н. «маятниковая» модель управления. В ее рамках принято

различать стабильные (застойные) и нестабильные (кризисно-мобилизационные) периоды развития. Именно в кризисных условиях (войны, социальные потрясения) русская проектно-мобилизационная модель управления демонстрирует феноменальную результативность³.

Яркими примерами практического приложения таких волшебных стратегий является освоение Сибири, победа над Наполеоном, Победа в Великой Отечественной войне, вывод на орбиту первого искусственного спутника Земли, полёт в космическое пространство первого человека и многое другое.

Не в этой ли области следует искать заветный «золотой ключик» к настоящему пониманию глубинной психологии русского народа, а главное — к **механизмам пробуждения русского национального самосознания?**

Русскому народу необходимо напомнить о таящейся в глубине его ментальности вере в **возможность Большого Чуда** и Большого Преображения. Нужно вспомнить о чудесах, сотворённых нашими соотечественниками на протяжении всей нашей истории. Ведь Большое Чудо складывается из отдельных чудес и сотворивших их героев.

А примеров чудес можно привести очень много. Сегодня мало кто помнит, что именно советский историк и лингвист Юрий Кнорозов сыграл решающую роль в расшифровке письменности одной из крупнейших культур доколумбовой Месоамерики. В 1952 году в журнале «Советская этнография» была опубликована его статья «Древняя письменность Центральной Америки», в которой излагались основные принципы дешифровки письма майя. Вопреки мнению подавляющего большинства американских исследователей Кнорозов полагал,

¹ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та., 2000. 181 с. С. 13.

² В Прибалтике сочли мультфильм «Маша и Медведь» элементом гибридной войны // URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1813379/>

³ Комогорцев А. Подъём России — в «длинных» стратегиях. // Изборский клуб, № 7 (53). 2017. С. 96–101.

что письменность майя является иероглифической, а не идеографической, «то есть принадлежит к тому же типу, что и письменность древнейших в мире центров цивилизации (Китай, Шумер, Египет)». Дешифровка Кнорозова оценивается филологами выше открытия Жана-Франсуа Шампольона, раскрывшего тайну египетских иероглифов, поскольку в случае языка майя отсутствовали параллельные тексты на известных языках. За расшифровку письменности майя Кнорозов был награждён орденом Ацтекского орла, который вручается мексиканским правительством иностранным гражданам за исключительные заслуги, и Большой золотой медалью (Гватемала).

Мало кто, кроме узких специалистов, знает о колоссальной роли Комиссии по изучению естественных производительных сил России в наиболее важных стратегических проектах развития нашей страны. Комиссия была основана в 1915 году при Российской академии наук академиком Владимиром Вернадским. Именно деятельность КЕПС заложила устойчивый фундамент развития экономики страны на многие годы вперёд. В 1916 году в ее составе были представлены 10 научных и научно-технических обществ и 5 министерств. После Октябрьской революции КЕПС существенно расширяет сферу своей деятельности, обеспечивая преемственность основных научных школ страны в переходный период. Весной 1918 года КЕПС разрабатывает программу научного обеспечения первоочередных нужд нового государства, принимает участие в подготовке плана ГОЭЛРО и первого пятилетнего плана. В 1930 году на основе объединения КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН СССР создается Совет по изучению производительных сил (СОПС), к которому переходит роль основного

«мозгового центра» сталинского СССР. Масштабность работы СОПС наглядно иллюстрируется его участием в подготовке планов индустриализации и организацией перебазирования промышленности из Европейской части России на восток в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Последняя операция во многом предопределила исход Второй мировой войны. До сих пор большинство историков продолжают придерживаться мнения, высказанного некоторыми непосредственными участниками этих событий, что столь сложная и масштабная операция была якобы следствием вынужденного экспромта. Созданный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 24 июня 1941 года Совет по эвакуации был всего лишь необходимым прикрытием, призванным убедить немецкую разведывательную агентуру в неподготовленности мероприятий по эвакуации советской военно-промышленной базы. Настоящие организаторы этой блестящей стратегической операции в лице СОПС оказались в тени даже после окончания Второй мировой войны, поскольку вся их последующая деятельность была связана с ключевыми военно-промышленными программами СССР, и в том числе, с советской атомной программой.

По мотивам таких сказочных по своему масштабу и смыслу событий нужно снимать фильмы и сериалы!..

ПРО РУССКОГО «ДУРАКА»

Детали волшебных перипетий, происходящих с героем сказки, могут многое поведать о глубинных чаяниях и скрытом (до времени) потенциале русского народа. Зачастую герой сказки в своем исходном состоянии выглядит как самый «неудачный» с бытовой точки зрения персонаж:

сирота, младший крестьянский сын, обделённый наследством, недалекий. Нередко он просто «дурак».

Конечно, это можно приписывать таким **бесспорно глубинным свойствам русской природы, как жалостливость и идеализация обездоленного**. Однако при внимательном рассмотрении это свидетельствует о глубочайшей народной интуиции, прозревающей *дремлющие глубины*, которые могут скрываться под совершенно неказистым обликом. Кстати, подобное отношение в русской сказке переносится и на материальные предметы, проявляясь, например, в чудесных свойствах невзрачной медной шкатулки и т.п.

В сказочном ключе понятие «дурак» следует понимать не в значении глупый, но в значении делающий, думающий не как все, нарушающий обычай, приличия, принятое поведение. Глупость его, обычно мнимая, проявляется в пассивности и чудачески-бессмысленных поступках (невыгодная покупка или мена, выбор из нескольких вариантов наихудшего).

Состояние сказочного «дурака» можно сопоставить с некоей мистической практикой религиозного толка. Его душа пребывает в состоянии восприимчивой пассивности, когда сознание приглушено, а истина открывается человеку как бы сама собой, без усилий с его стороны. То есть вопреки несовершенному человеческому рассудку. «Дурак» не доверяет ни разуму, ни органам чувств, ни жизненному опыту, ни наставлениям старших. Зато он как никто другой исполнен необыкновенного доверия Высшим силам, которые приходят ему на помощь в виде *волшебного помощника*, помогающего решить текущие проблемы⁴.

Однако не стоит поспешно отождествлять сказочного «дурака» с историческими образами древнерусских шутов и юродивых⁵. Реали-

⁴ Синяевский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. — М.: Аграф, 2001, с. 37–48.

⁵ Никитина Л.Б. Архетипические истоки современных языковых репрезентаций человека в его интеллектуальной ипостаси. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 120–127.

зубная в сказке *способность* героя к изменению своего статуса на более *высокий* и *стремление* к этому изменению (de facto сюжетообразующие основы сказки!) ставят под серьёзное сомнение такие попытки.

Принципиально важно, что *низкое* стартовое положение героя в русской сказке представляется как явно негативное состояние, из которого желательно выйти. Иванушка-дурачок или Емеля в конце сказки переходят в высокое состояние (женятся на царевнах и получают полцарства) не просто в силу сюжетных условий: они получают то, что им хочется иметь⁶!

Ровно по той же самой причине русский «дурак» принципиально отличается от типичного западноевропейского сказочного дурака, до конца остающегося в этом *органическом* для него состоянии⁷. У западных народов дурак, как правило, не совершает финального *преображения*, которое является стержнем русской сказки! Это различие маркирует *метафизическую пропасть* не только между русской и западноевропейской сказкой, но между двумя типами подхода к реальности, или, если угодно, двумя принципиально разными ментальными матрицами. Матрицами, которые продолжают оказывать колоссальное влияние на сознание породивших их (или порожденных ими) народов и элит.

В терминологии «маятниковой» модели управления данное обстоятельство можно расшифровать как **перманентную готовность русского народа к переходу от стабильной к кризисно-мобилизационной фазе развития. Развития, радикально преобразующего не только отдельного чело-**

века и общественные институты, но и саму природу.

В этой связи заслуживает упоминания т.н. Сталинский план преобразования природы. Эта не имеющая мировых аналогов комплексная пятнадцатилетняя программа научного регулирования природы в СССР осуществлялась в 1949–1955 годах. План был утвержден постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года по инициативе Сталина. Центральное место в плане занимало полезащитное лесоразведение и орошение. В соответствии с ним предстояло изменить климат на площади 120 миллионов гектаров — территории, равной Англии, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландам, вместе взятым. Предусматривалось создание 8 крупных лесных полос в степных и лесостепных районах СССР общей протяженностью свыше 5300 километров. После смерти Сталина план был постепенно свёрнут. Многие лесополосы были вырублены, а 570 лесозащитных станций были ликвидированы по распоряжению Хрущева. Сворачивание плана и внедрение экстенсивных методов увеличения пашни привело к экологической катастрофе 1962–1963 годов, связанной с эрозией почв на целине, итогом которой стал разразившийся в СССР продовольственный кризис.

ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ

Советский филолог-фольклорист Владимир Пропп в классической работе «Исторические корни волшебной сказки» (1946) предположил, что наиболее архаические слои русских змееборческих сказок

содержат представление о происхождении героя от самого змея. Более того, Пропп выдвинул тезис, что «*ни от какой другой руки змей погибнуть не может*»⁸.

Действительно, в цикле славянских мифов об *Огненном Змее* момент происхождения героя от самого чудовища зафиксирован буквально. *Огненный Змей* вступает в брак с женщиной (или насилует ее), после чего рождается существо *змеиной породы*. Впоследствии сын *Огненного Змея* вступает в единоборство с отцом и побеждает его.

Современная политическая история, хотя и не столь буквально, но зато с завидным постоянством демонстрирует торжество этого принципа.

Здесь можно вспомнить о некоторых фактах:

- сотрудничество представителей русского Генерального штаба и большевиков в преддверии Октябрьской революции 1917 года; необычно высокий процент генштабистов (85–90%), оказавшихся на стороне Красной армии во время Гражданской войны; к концу 1918 года высшая штабная элита занимает ведущие должности во всей структуре военного управления Красной армии⁹;
- значительная (если не решающая) роль в демонтаже советской государственности КГБ СССР, а также высшей партноменклатуры КПСС;
- и, наконец, внезапное появление на российском политическом Олимпе Владимира Путина — бывшего сотрудника КГБ, выходца из либерального окружения Анатолия Собчака.

Как мы видим, помимо прочего, в русской сказке содержится ещё и описание неких универсальных

⁶ Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки. // Структура волшебной сказки. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 234 с.

⁷ Павловская А.В. Народные сказки и русский характер. // http://national-mentalities.ru/diversity/russkij_nacionalnyj_harakter_i_mentalitet/pavlovskaya_a_v_narodnye_skazki_i_russkij_harakter/

⁸ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 274, 276.

⁹ Перслегин С. Секретное оружие элит. Революция как элемент управления. Опубликовано в журнале «Солдаты России», № 9–10 (сентябрь 2009) под псевдонимом Х. Селдон.

Убивая чудовище, герой переподчиняет эти бытийные энергии, заново вводя их в конструктивный миростроительный оборот. Именно в этом эпизоде в наибольшей мере раскрывается Русская Мечта, красной чертой проходящая через всю сказку: вырвать волшебные богатства из лап чудовища и поставить их на службу всему миру. Только так можно построить могучее Царство всеобщей справедливости.

траекторий, по которым движется мировая история. Только нужно научиться их правильно читать.

Однако если герой-змееборец несет в себе «чудовищное» начало, помогающее ему одолеть змея, то и герой, получающий в конечном итоге Царство в придачу, должен нести в себе исходно царское начало. Эту версию подтверждает российский славист Татьяна Цивьян. Она указывает, что *превращение* героя ни в коем случае не воспроизводит клише «из грязи в князи», подразумевающего несоответствие полученному им высокому положению. В подспудном слое сказочного повествования содержится тайна *особого* (божественного, царского) происхождения героя, его причастности к сакральному. Именно скрывающаяся под маской «дурака» его истинная высокая сущность дает герою право проникнуть в мир *высокого*¹⁰. По мере развёртывания сказочного сюжета все *низкое* и *дурацкое* оказывается лишь маской героя.

ВОЛШЕБНЫЕ РЫЧАГИ ВЛАСТИ

Глубокий пакет смыслов, заключенных в русской сказке, связан с образом *иного* (тридцатого) царства. Попробуем продемонстрировать некоторые из них.

Иное царство — мир первопринцип и истинного знания. Туда от-

правляются, чтобы получить власть над животными, жизнью и смертью, болезнью и исцелением. Это функциональная изнанка мира, откуда возможно непосредственное или опосредованное влияние на события, происходящие в нашей реальности, своего рода волшебная коррекция. Там хранятся несметные сокровища и волшебные предметы (оружие, доспехи, золотые молодильные яблоки и т.п.).

Главный насельник и хозяин иного царства — чудовищный змей. Если многочисленные волшебные персонажи, связанные с рельефами иного царства — образы амбивалентные (например, Баба-яга), то змей и Кощей Бессмертный — однозначные и бесспорные супротивники героя. Одно только появление змея в сказке всегда подразумевает не локальное бедствие, а нарушение миропорядка, даже в том случае, когда от него, на первый взгляд, не исходит прямой угрозы.

Символизм иного царства теснейшим образом связан с образом золота. Пропп пишет: *«Золото фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать это тридцатое царство золотым царством. Это — настолько типичная, прочная черта, что утверждение: “всё, что связано с тридцатым царством, может иметь золотую окраску”, —*

может оказаться правильным и в обратном порядке: “всё, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдаёт свою принадлежность к иному царству”. Золотая окраска есть печать *иного царства*»¹¹.

Согласно народному толкованию, золото, как и драгоценные камни (т.е. сокровища), нужны змею для освящения *иного царства*, зачастую локализуемого под землей.

Золото в русской сказке — трансформация солнечного света, попадающего на землю благодаря действиям живых существ (ящериц, змей или лягушек), аккумулирующих солнечную энергию, буквально — пьющих, съедающих Солнце. Попадая с помощью этих существ под землю, световое начало мутирует, приобретаемая магические, оборотнические свойства и выходя на поверхность земли не только в образах разных существ и предметов, но и в виде огня, искр, свечения по ночам¹². По сути, охраняемые змеем сокровища — аккумуляторы первичных энергий, сохраняющие в себе сокровенную пульсацию Бытия. Убивая чудовище, герой переподчиняет эти бытийные энергии, заново вводя их в конструктивный миростроительный оборот.

Именно в этом эпизоде в наибольшей мере раскрывается Русская Мечта, красной чертой проходящая через всю сказку: вырвать волшебные богатства из лап чудовища и поставить их на службу всему миру. Только так можно построить могучее Царство всеобщей справедливости. Образы иного царства из русской сказки передают глубинные представления о существовании **скрытых рычагов власти над миром**, которые могут радикальным образом изменить его к лучшему. Конечно, при условии, что они попадут в руки человека, облечённого подлинным достоинством.

¹⁰ Цивьян Т.В. Из балканского пастушеского текста. // Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. Под ред. В.Н. Топорова. М., 1999. С. 225–227, 235–237.

¹¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 285.

¹² Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб., 2001. С. 186.

Очень похожие представления мы обнаруживаем в Царском (Королевском) Искусстве — алхимии. Один из аспектов Царского Искусства состоит в знании рычагов управления тайными общественными силами и умении на них нажимать надлежащим образом и в нужной последовательности.

Это совпадение отнюдь не случайно, т. к. при внимательном рассмотрении волшебная трансформация героя русской сказки по своему внутреннему содержанию чрезвычайно близка трансмутации алхимиков. Итогом алхимического Великого Делания является получение Философского Камня (который есть образ Потерянного Царя), способного превращать «неблагородные» металлы в золото. Но ведь и герой русской сказки зачастую оказывается тем самым **Потерянным Царем**, получающим доступ к золоту иного царства и скрытым рычагам власти над миром. Более того, при внима-

тельном рассмотрении основные этапы пути героя русской сказки удивительным образом совпадают с соответствующими стадиями Великого Делания¹³!

В отсутствие героя, волшебные рычаги власти и заколдованное золото находятся под эгидой чудовищного змея или Кощея Бессмертного. В актуальном политическом смысле сокрытое царство, где сосредоточены рычаги тайной власти над миром, весьма напоминает разветвленный мир современных закулисных структур. В этих сферах так же, как и в ином царстве, — незримое могущество, овеществлённое колоссальными финансовыми потоками. В т. ч. тем же самым золотом и драгоценными камнями. Ходят слухи, что у современных Кощеев и свои «волшебные» технологии имеются, куда более продвинутые, чем принято демонстрировать в телевизионных новостях. Поставить бы это богатство на службу всему человечеству, глядишь и на Марс бы

как к себе как домой летали, а может, и ещё дальше...

Покуда же России как никогда требуется собственное чудо, чтобы остановить гибельное балансирование на краю пропасти неолиберального реванша, чреватого разрушением хрупкой российской государственности. В русской сказке скрыты важные указания на прикровенные механизмы *преображения* русского общественного бытия и сознания, способные воспрепятствовать падению в эту пропасть. Но для того чтобы получить доступ к этим *волшебным* рычагам, современной российской власти требуется коренное преобразование. Русская сказка говорит о том, что для подобного масштабного преобразования требуется *преобразившаяся* личность, *внутренне подготовленная* к тому, чтобы овладеть этими рычагами и уже с их помощью *трансформировать* всю властную систему государства.

Как говорится: сказка — ложь, да в ней намёк...

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Иван-дурак и покорение Марса

Ч чтобы понять Россию, нужно проникнуть в русский культурный «генокод». А как он выходит на поверхность? Да через сказки, порождения духа народного.

Пожалуй, ни у какого другого народа нет столько чудес в сказках. А у нас — и скатерть-самобранка, и сапоги-скороходы, и ковры-самолёты, и мечи-саморубы, и движущиеся печи, и летающие коромысла. Целая сокровищница волшебных технологий! Что такое скатерть-самобранка? Да те самые нанорепликаторы, о которых мечтал сам автор термина

«нанотехнологии» Ричард Фейнман в 1959 году. Чудо-установки, что могут создавать всё из атомов той органической грязи, что лежит буквально под ногами. А в сказках русов вы легко найдёте мечты о роботах, о полётах на принципах антигравитации, о животных, ставших разумными друзьями человека. Об оживлении мёртвых и вечной молодости...

Ни в одной другой культуре сказочные технологии не играют такой роли в судьбе героев. Ни один народ мира не имеет главным героем сказок Ивана-дурака, повелителя удачи. Иван-то хоть дурак дураком,

а с помощью чудесных технологий выигрывает поединки с судьбой и посямляет своих, казалось бы, более умных и удачливых братьев. То ему медведь подыграет, то ветер «правильно» подует, то волшебная кобылица Конька-горбунка обеспечит. И Василиса, кстати, Премудрая любит почему-то не старших солидных братьев, не всевластного и архибогатого Кощея Бессмертного (это сказочное предчувствие Сообщества Тени!), а именно Ваню-Дурака. Мудрого сумасшедшего. Гения парадоксов.

У западников в сказках всё иначе. Кто такой Кот в сапогах? Да инве-

¹³ Подробнее см.: *Комогорцев А. О герметическом толковании волшебной сказки. // Волшебная гора № XIV. — М. 2007. С. 324–377.*

стиционный банкир, «разводящий» высокопоставленный народ рассказами про маркиза Карабаса и его угоды, житницы и прудовое хозяйство. А этот американец, волшебник страны Оз (он же волшебник Изумрудного города)? Это же великий Гудвин, гений «паблик рилейшнз», мастер по части пускания пыли в глаза и создания иллюзорного мира, где он, некогда заурядный провинциальный циркач, превратился во всемогущего мага. Он всех заставил носить зеленые очки и превратил белокаменный город в изумрудный!

А вот у нас всё по-другому. У нас мастер Данила не обманывает окружающих, устраивая трюк с цветными очками. Он удивляет Хозяйку Медной Горы мастерством и сметливостью, вырезая из камня чашу, прекрасней которой нет на всём свете. Он творит подлинное чудо. Мы не создаём видимость чудесного города, как Гудвин, — мы просто строим настоящий волшебный град! У нас есть великий мастер Левша, который блоху подковал, посрамив самую развитую страну мира. Они там за мухами охотятся, а у нас блохи куют. Вернее, одну блоху. Уникальную. Единственную. Неповторимую.

Русских народных сказок много. Почти четыре сотни. Включая и взрослые, грубоватые. На изучении сказок сделана не одна диссертация. Но мы вычленим в них самое главное. Глубинное. Стержневое.

В русских сказках, что входят в нашу плоть и кровь с детства, всегда побеждает Иван-дурак, младший сын. Вечный мальчишка. Именно этот сюжет очень часто дополняет сказочные «технологии чуда», воображаемые технологии творения — скатерть-самобранку, сапоги-скороходы, меч-кладенец, Жар-птицу и так далее. Ибо они покоряются тому, кто так и не захотел повзрослеть и остепениться. Именно Иванушка-дурачок и торжествует над миром взрослых,

солидных. И в этом — сокровенный философский смысл русских сказок, метафизическое чудо-оружие нашей национальной мечты.

Мир взрослых — серая вселенная живых картезианских автоматов. Взрослый и степенный подчиняется жёстким схемам и стереотипам, его мышление и видение мира зашорено. Летать, как птица, невозможно — ибо этого не может быть никогда. Еще никогда никто не летал. Да и вообще, мечтать о полётах взрослому неприлично. Как и вообще мечтать. Взрослый должен повиноваться принятым канонам поведения. Стяжать, богатеть, строить себе богатые хоромы, одеваться в шелка, искать себе красивую и послушную жену. Нужно приращивать земельные угоды, интриговать, соперничать вот с тем соседним баринном (боярином, дворянином). Рваться к власти, идти по головам, воровать из казны. Нужно иметь богатое поместье, роскошный конный выезд (сверкающий лимузин «Майбах»), шубу соболью (костюм в 40 тысяч долларов ценою). Надо быть высоким чиновником или богатым купцом, дабы жизнь твоя состоялась. Вечное коловращение в банальных до икоты «взрослых» сюжетах. Думая одни и те же мысли, стремясь к одному и тому же.

А Иван-дурак нарушает все установленные условности и правила поведения. Он — ребёнок в теле взрослого, он не знает, что вот это — невозможно и неприлично. Его взгляд на мир острее, он видит то, чего не видят эти зомби-взрослые. Его воображение на порядок богаче, он умеет мечтать и делать то, чего не делали другие. Над ним не довлеют замшелые стереотипы. Его не угнетает застывший порядок вещей из мира скучных и серых взрослых. Неведение того, что считается возможным или невозможным в мире зрелых и степенных, даёт герою русских сказок невероятную внутреннюю свободу. А потому Иван-

дурак всех этих взрослых и солидных побеждает, превосходя грубые силу и богатство сметкой, изобретательностью и чудесными технологиями. Пока его враги движутся, словно живые трупы или часовые механизмы, он бьёт их смелым новаторством и нетривиальными ходами. Иван-Дурак оказывается на поверку истинным мудрецом, что правит миром.

История подтверждает глубинную народную мудрость. Ведь величайших побед, коренным образом изменяющих мир, добиваются именно «взрослые дети», вечные мальчишки с неуёмным воображением — а никак не жёстко запрограммированные и косные «солидные». Возьмём самый яркий пример того — эпопею создания ядерного оружия в XX столетии. А если говорить шире — историю овладения энергией атома. Об этом мечтали ещё в начале XX века (достаточно вспомнить роман Герберта Уэллса «Освобождённый мир»), но сам сэр Резерфорд, измеривший заряд электрона и проникший в тайны атомного ядра, считал использование ядерной энергии фантастикой.

«11 сентября 1933 г. на съезде Британской ассоциации содействия развитию науки (аналог нашего общества «Знание») выступил Резерфорд, как известно, открывший атомные ядра и их расщепление. Резерфорд в своей речи заявил, однако (это было широко освещено в газетах), что «всякий, кто ожидает получения энергии в результате трансформации атомов, говорит вздор». Иными словами, Резерфорд отрицал реальность использования атомной (ядерной) энергии. В этом он был не одинок и совершенно прав в том смысле, что в 1933 г. действительно не было видно никакого пути для использования ядерной энергии. Однако всего через пять лет ситуация полностью изменилась — было открыто деление урана, а через девять лет (в 1942 г.) заработал первый атомный котёл»¹.

¹ Гинзбург В.Л., О физике и астрофизике. Какие проблемы представляются сейчас особенно важными и интересными? — М., «Наука», 1980. — с.141.

Но как такое стало возможным? В 1939–1940 годах злой «взрослый мальчишка», Гитлер, поразил мир совершенно безумными, нетривиальными военными победами. Победами на грани безумия, ломающими все стереотипы. У Гитлера могучий форт Эбен-Эмаэль из стали и железобетона брала рота десантников, что высаживалась с планеров и применяла самую передовую инновацию того времени — переносные кумулятивные заряды. При этом сами бойцы не знали усталости и сонливости, принимая амфетамин. Вспомним историю молниеносных войн Гитлера тех лет: воздушные десанты. Захват столицы Дании теми, кто спрятался в трюме сухогруза. Перебрасываемые по воздуху пушки и пехотинцы. Умелое сеяние паники и замешательства в тылу противника с помощью радиопередач, слухов и фальшивых катренов Нострадамуса. Смелые и глубокие рейды танковых дивизий. Невероятные темпы операций, удары с самых неожиданных направлений.

Все это вселило глубокую тревогу в душу ещё одного хулигана, взрослого мальчишки — британского премьер-министра Уинстона Черчилля. Он ещё в Первую мировую был в числе тех, кто сломал сопротивление косных старых генералов на пути появления нового тогда оружия — танка. Живое воображение Черчилля мигмом свело воедино имеющиеся сведения. Итак, Германия ведёт в области ядерной физики, у нее имеются запасы урановой руды, Гитлер — мастер по части военных новаций. Значит, немцы могут создать урановую бомбу чудовищной разрушительной силы. Черчилль не только начинает британскую программу ядерных исследований, но и будоражит своими письмами президента США Франклина Рузвельта. Того самого, что в декабре 1941 года начинает американскую атомную программу, тот самый будущий Манхэттенский проект.

Начать вложения громадных государственных ресурсов в то,

В русских сказках, что входят в нашу плоть и кровь с детства, всегда побеждает Иван-дурак, младший сын. Вечный мальчишка. Именно этот сюжет очень часто дополняет сказочные «технологии чуда», воображаемые технологии творения — скатерть-самобранку, сапоги-скороходы, меч-кладенец, Жар-птицу и так далее. Ибо они покоряются тому, кто так и не захотел повзрослеть и остепениться. Именно Иванушка-дурачок и торжествует над миром взрослых, солидных.

что невидимо, что нельзя пощупать, что существует в виде непонятных формул и столь же непонятных экспериментов? Это равносильно тому, как если бы сегодня триллионы рублей вкладывались бы в проект какого-нибудь антигравитационного корабля. Существующего лишь в виде расчётов и полукустарных опытных установок, демонстрирующих какое-нибудь отклонение ниточки...

Но дело в том, что Франклин Делано Рузвельт (Рузвельт Второй) сам был по природе своей нарушителем канонов, вечным мальчишкой с буйной фантазией. Этаким американским аналогом Иванушки-дурачка.

Сама по себе идея атомной энергии большинству казалась чистейшей фантастикой в 1941 году. Даже великий физик Резерфорд, напомним, 12 января 1933 года заявил: «Из этих процессов мы можем извлечь гораздо больше энергии <...>, однако рассчитывать на них как на постоянный источник энергии мы не можем... Любопытно, кто попытается использовать в качестве источника энергии превращение атомов, получит излучение с мощностью лунного света. Всё это вздор...»

А идея о том, что атомную энергию можно получать путём самотёчной цепной реакции, а не с помощью неких «пушек»-излучателей, казалась фантастикой вдвойне. Таким образом, Рузвельт — юрист по образованию и политический делец по жизни, — поверил в двойную фантастику!

Мне стало интересно: почему? Что сподвигло его, далёкого от фи-

зики человека, решиться на это? Только ли письмо, подписанное Эйнштейном и только ли убедительные речи банкира Сакса, что передал сие послание Рузвельту в сорок первом? И тут я, изучая биографию ФДР, сделал интересную находку. Оказывается, Рузвельт был помешан на самых смелых научно-технических инновациях. В годы Первой мировой, служа заместителем военно-морского министра Соединённых Штатов, Рузвельт познакомился с очередным изобретателем, обещавшим делать горячее из простой воды. Рузвельт выбил казенные средства на опыты. Увы, изобретение оказалось пшиком. Но Рузвельт не утратил своего инновационного, мальчишеско-хулиганского пыла. В 1920-е годы, временно отойдя от активной политики и будучи уже с парализованными ногами, Франклин Делано Рузвельт занимался бизнесом. Знаете, куда он вложил деньги? В самую (на тот момент) технологическую «крутизну»: в компанию «Фотоматон», которая делала кабинки, где каждый желающий мог, опустив монетку в прорезь, сфотографироваться. В 1928 г. Рузвельт создаёт компанию «Камко»: создание магазинов-автоматов, продающих товары без продавцов. Увы, оба предприятия попали под обвал Великой депрессии 1929 года. А в 1923 году Рузвельт (правда, без особого успеха) пытался создать компанию «Дженерал Эйр Сервис», которая занималась бы организацией воздушного сообщения между Нью-Йорком и Чикаго на дирижаблях.

То есть Ф. Д. Рузвельт был, как и полагается инноватору, хулиганом и полным фантазий сорванцом в душе, не боявшимся нарушать «общепринятые правила». В отличие от скучно-косных, «взрослых и солидных» субъектов, он не боялся нового и смело шёл на эксперименты. Его ум был готов воспринимать новое и необычное, не вписывающееся в закостеневшие представления. Он — родственная нам душа. Рузвельт сполна обладал мышлением мирового лидера: не трусить перед «невыполнимыми задачами» и не бояться делать что-то первым в мире. Никакого «Как бы чего не вышло!», никаких там «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» или «А что скажут другие?». Наплевав на общее мнение мирового «птичьего двора», смело идти вперед — ибо всего один инновационный успех оправдывает всё и покрывает все издержки. Идти вперед, сметая с пути маловеров и нытиков, не копируя никого рабски, ибо только дерзость, только внутренняя свобода приносит мировое лидерство.

Но и Сталин, в 1942-м начавший ядерную программу СССР и привлекая к ней гениев разведки, тоже был из племени вечных мальчишек с богатым воображением и способностью к нетривиальным ходам! О Сталине мы знаем гораздо меньше: он остался во многом закрытым для современников и потомков. Но он ведь тоже с огромным вниманием отнесся к съёмкам футуристическо-фантастического кино «Космический рейс» в 1936 году. И ведь именно в тридцатые годы начинает восходить звезда физика-атомника Игоря Курчатова, а сталинское правительство (еще до открытия эффекта цепной реакции) вкладывает громадные средства в циклотроны-ускорители. Да, и Сталин нёс в себе то же «мальчишество» плюс психологию и мышление мирового лидера. Именно Сталин потом поверил в будущее мощных ракет, способных перелетать с материка

на материк, хотя многие считали ракеты неуправляемыми и непредсказуемыми шутками. А он увидел их потенциал как дешёвого, асимметричного ответа на авианосные эскадры и тысячи реактивных «летающих крепостей» Соединённых Штатов!

Президент Кеннеди, принявший решение в 1961 году высадить на Луну человека «ещё до конца десятилетия», также был воспитан мощнейшей литературой научной фантастики, буквально взорвавшейся в США с 1920-х годов. Его ум был готов к принятию фантастических планов на уровне страны.

Вот вам пример Иванов-дураков в истории. Пример победы тех, кто мог верить в сказки и дерзкие мечты, попирая каноны скучно-стереотипного мышления «взрослых серьёзных людей». Ирония его заключается в том, что злой магальчишка Гитлер не смог разглядеть перспектив атомной бомбы. Но он включил настоящую «цепь» из тех самых взрослых детей с нестандартным мышлением!

Казалось бы, вот оно, наше метафизическое чудесное оружие. Важнейшая часть Русской Мечты. Будь свободен душой, будь мальчишкой в теле зрелого человека, сохрани молодость души — и вкладывай ресурсы в те самые чудесные, прорывные и подрывные, «закрывающие» и миротворящие технологии. Благо, даже сейчас денег у страны полно. Одних резервов — на полтриллиона долларов, каждый год сырьевая торговля даёт 300–400 миллиардов «условных единиц». Но злая ирония судьбы состоит в том, что народ наш, создав философию прорыва в своих волшебных сказках, так и не смог в полной мере воплотить её в жизнь. Серое болото «взрослой» обывательщины, примитивной алчности и глупости слишком часто засасывало наше Отечество.

Давайте вспомним судьбу Игоря Сикорского, который первым в мире построил (в Российской империи!)

многомоторный самолёт — подлинный воздушный корабль. Сперва — «Русский витязь», затем — «Илью Муромца» (1913 г.). Откроем книгу воспоминаний начальника медицинской службы эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец» Константина Финне. «Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского». Увидевшая свет в Белграде поздней осенью 1929-го, книга была написана ярым врагом Советской власти. Но тем ценнее было ее читать. Казалось, давно усопший белогвардеец говорит сейчас, о современной Эрэфии, и сердце его сжимается от горечи.

«Несмотря на то что «Муромец» обратил на себя внимание и, казалось, всколыхнул даже стоячую воду в обывательском болоте, широкие слои русского общества остались безучастными и не проявили своего сочувствия делу И.И. Сикорского, полностью самобытному и носившему ярко национальный характер не только по одному названию. Немногие задумались над тем, что воздушный корабль Сикорского — не только первый русский, но и первый в мире большой многомоторный самолет — знаменовал собой начало новой эры в авиации, что развитие воздушного транспорта при помощи таких больших аэропланов сулило России — стране с необозримыми границами, бесконечными равнинами и слабо развитыми путями сообщения — неисчислимые выгоды. Не было сделано серьёзных шагов к тому, чтобы организовать большое русское предприятие, собрать внутри страны крупные средства на открытие специального завода для постройки аэропланов Сикорского и моторов к ним.

В этом сказалось существенное различие между русскими, преклонявшимися перед «заграницей», и иностранцами. Вспомним, как отнеслись немцы к создавшему громадный управляемый аэростат, названный его именем — графу Цепеллину...»

«...Остаётся лишь пожалеть, что мы, русские, благоговевшие перед

всем иноземным, порой рабски копировавшие «заграницу» и не обращавшие внимания на своё хорошее, русское, не позаимствовали у немцев главного: беспредельной любви к своему отечеству, взаимной поддержки, системы в работе и того добросовестного к ней отношения, которое не отделяет мелочей от главной сути дела. Пассивности русского общества, проявленной по отношению к «Илье Муромцу» Сикорского, можно противопоставить ту кипучую деятельность и самопожертвование, которые проявляла часть интеллигентного русского общества в подготовке российского государства к развалу.

Само собой разумеется, эти русские люди не считали нужным поддерживать «Муромцев», хотя бы и потому, что их поддерживало ненавистное им «императорское» правительство. Громадное же большинство русских людей считало, что не их дело думать о поддержке изобретения Сикорского. Мало ли строят всяких аэропланов? Над тем, как поддержать это русское дело, нужно было еще подумать, а ведь это отвлекало от игры в винт, бридж, преферанс и других тому подобных «серьёзных» занятий...

...Возможно, что если бы Сикорский избрал целью своего полета не Киев, а Москву, где ему следовало поклониться тамошним золотым тельцам, то московские меценаты, поливавшие в свое время шампанским дорожки в саду у Шарля Омона, «чтобы не пылило», или жертвовавшие в 1905 г. «миллион на революцию», и сделали что-либо. Но шум моторов «Муромца», летевшего из бюрократического Санкт-Петербурга в Киев, не достиг Москвы, и постройка «Муромцев» продолжалась в маленькой мастерской Русско-Балтийского завода...

Волшебную философию русских сказок прежняя Империя не смогла использовать ни для Сикорского с его воздушными кораблями, ни для Гаккеля с его монопланами обтекаемых форм, на двадцать лет опередивших

время, ни для Попова с его радиосвязью...

Увы, и СССР, изначально провозгласивший символом красной веры смелость в построении того, чего мир прежде не видел, науку и технику, логику прорыва не выдержал. Все снова скатилось к рабскому подражанию Западу, к глухому неверию в русский национальный гений. И несть числа примерам того, как и Советский Союз упускал великолепнейшие, сказочные возможности для того, чтобы управлять будущим всего мира. Вспомним хоть первый в мире мобильный телефон Куприяновича, хоть первую в мире спутниковую передачу телевизионного сигнала...

Философия Русского чуда, что содержится в наших сказках, «протоколы Ивана-дурака», лежат буквально на поверхности. Да вот беда: чтобы понять их, а тем паче — использовать в жизни, надо самим быть тем самым священным Иваном-простецом. Нужно самому быть вечным ребенком.

Но таких людей мало. Зато много тех, кто, дорвавшись до власти и богатства, сваливаются в мещанство с миллиардами. Становятся теми самыми «мертвотушными взрослыми» с банальными до ужаса устремлениями. Купаясь в деньгах, они давно могли бы окружить себя творцами и конструкторами. Ну как Медичи, что щедро финансировали Леонардо да Винчи. Но вместо парусных кораблей новой эры с жёсткими мачтами-крыльями, вместо гибридных воздушных кораблей или установок низкоэнергетического термоядерного синтеза эти приматы спускают по пять миллиардов рублей на свои квартиры. Или покупают кричаще роскошные яхты немецких верфей «Люрссен». Они страшно заняты. 24 часа и семь дней в неделю они хапают, крадут из казны, грызутся друг с другом в аппаратных войнах, плетут интриги и подсигивают друг друга. Искреннее считая себя неутомимыми трудягами, они иступленно спускают и проматывают Русское будущее. То, что они спустили на ро-

скошно-расточительные олимпиады и мундиали по футболу, могло бы с лихвой хватить на высадку русов на Марсе...

Если русский изобретёт нечто, чего ещё не изобрели нигде в мире, то испугается сам. Если же не «перелякается» и продолжит работать, то затем налетит на расейского чиновшу, который первым делом спросит: «А это уже есть на Западе? Нет? Иди-ка ты подальше...» Да только ли в чиновниках дело? Перед русским новатором встанет толпа местных идиотов. Тупых богачей, которые теперь, конечно, уже не поливают дорожки шампанским, но по-прежнему тратят шальные миллионы на все, что угодно, только не на поддержку русских гениев. Эти мрази выбросят горы золота на яхты и любовниц, на очередную церковь или на футбольные клубы, однако удавиться будут готовы, коли речь зайдёт о средствах на новую разработку. Господи, неужели это — родовое русское проклятье? И не из-за этого ли моя страна нынче — трясина, гиблое место для изобретателей с учёными?

Смогут ли стать властью в России Святые Простецы, сказочные Иванушки? От этого зависит наше национальное выживание...

Эхо Херсонеса

РОССИЯ, СПАСАЯ ЭТИ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ, ПЕРЕНЕСЛА ИХ В ПОДМОСКОВЬЕ, ПЕРЕСАДИЛА НА НОВУЮ ПОЧВУ, КАК ПЕРЕСАЖИВАЮТ САЖЕНЦЫ, ДАВАЯ ИМ НОВУЮ ЖИЗНЬ И ЦВЕТЕНИЕ. СЕГОДНЯ, КОГДА ЗАПАД ТЕРЯЕТ СВОИ ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ, КОГДА ПОПИРАЮТСЯ ИДЕАЛЫ СЕМЬИ, ЧЕЛОВЕКА, ИДЕАЛЫ БОЖЕСТВЕННОГО, НЕБЕСНОГО В УГОДУ ЗЕМНОМУ, ДЕНЕЖНОМУ, РОССИЯ ВНОВЬ СТАНОВИТСЯ ЗАЩИТНИЦЕЙ ЭТИХ ЦЕННОСТЕЙ, ВНОВЬ СОБИРАЕТ ВОКРУГ СЕБЯ РЕВНИТЕЛЕЙ СЕМЬИ, НРАВСТВЕННОСТИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА. СТАРЕЦ ФИЛОФЕЙ И ПАТРИАРХ НИКОН — МЕЧТАТЕЛИ И ПРОРОКИ.

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ /

Мечта для всех — мечта мировая

Роль России в мировой истории всегда была неожиданной, мощной, стремительной и основополагающей. Являясь словно ниоткуда и внезапно представшая перед изумлёнными соседями в виде новой могучей силы, она всегда смешивала их карты и заставляла считаться с собой, а затем и сама создавала новые правила игры для всех. Так, Византия в пору расцвета своего могущества, эта великая империя и тогдашний центр всей мировой истории, вдруг была разгромлена

неведомо откуда явившимися «северными варварами» — русичами и по договору стала платить им дань. Эти недавние «варвары» очень быстро создали и своё великое государство, не менее могущественное, чем Второй Рим, и более могущественное, чем все тогдашние государства Европы, наперебой спешившие породниться с русскими правителями — Рюриковичами. Эта новая страна, «богатая городами», взяла из слабеющих рук Византии скипетр мировой хранилища истинного христианства — православия,

стала священным Третьим Римом — центром мировой истории.

Этот дар Русь приняла, только пройдя великое и страшное испытание — нашествие мировой империи монголов, покоривших Евразию. Благодаря жертвенному подвигу Руси была спасена Европа, а затем и сами великие завоеватели были Русью повержены в прах. И вновь, как за полтысячи лет до этого, Русь внезапно появилась на арене мировой истории как одна из главных её сил. Европа в полной мере осознала это в эпоху

правления Ивана Грозного, впервые принявшего титул императоров погибшей Византии и начавшего борьбу за возвращение всех русских земель, оккупированных западными соседями. Тогда Европа впервые объединилась против России, не желая возвращать отнятые у неё земли. Тогда же была предпринята попытка западных миссионеров склонить царя и всю Россию от православия, и тогда же в ответ на отказ на Западе была сконструирована идеология русофобии, основные мифы которой не изменились и по сей день. Тогда же впервые Россия столкнулась и с внутренней смутой части элиты, не желавшей самостоятельного развития своей страны, но желавшей лишь собственного благоденствия ценой сдачи национальных интересов и подчинения России интересам Запада. Царь создал уникальный институт опричнины во многом по модели недавно разгромленного им же Ливонского ордена и справился со смутой с минимальными потерями для страны. И тогда же Россия сделала огромный прыжок на восток — территория и население страны при Иване Грозном увеличились в разы. Именно за всё это имя царя Ивана Васильевича до настоящего времени окружено целыми завалами лжи в русофобской историографии.

В наше время, к сожалению, священный смысл Российской державы как хранительницы истинного христианства — православия, переданный ей погибшей Византией, — этот смысл обычно рассматривается только как некая историческая реликвия, не имеющая отношения к современности. На самом же деле, это высшее призвание России не имеет «срока давности» и нисколько не изменилось за прошедшие века. Более того, именно оно только и может объяснить как всю уникальность, трагичность и непостижимость русской истории, так и миссию России в современном мире.

Не смогло бы небольшое княжество Московское, затерянное в лесах, с территорией, в четыре раза меньшей нынешней Московской области,

собрать земли всей Руси, победить мировую империю монголов и создать державу на 1/6 части земной суши, если бы «московскими людьми» не двигало какое-то совершенно особое сознание своего долга, своей ответственности перед Богом и своей миссии в мире — иное, чем у всех других народов. Одними человеческими силами сделать то, что сделали они, абсолютно невозможно. И даже без письма старца Филофея великому князю московскому эта миссия Третьего Рима осознавалась самим народом и вдохновляла его на подвиги. Без осознания своей вселенской миссии русский народ не явил бы миру уникальных духовных качеств своего характера в своей великой культуре. Эти качества и сейчас сохраняются у значительной части народа, несмотря на «эксперименты», проведённые над ним в XX веке.

Москва стала Вторым Константинополем — столицей Православного Царства, хранителя истинной Церкви Христовой. Но и при отсутствии царя Москва по-прежнему остаётся Вторым Константинополем — её миссия в мире остаётся навсегда, независимо от исторических перипетий. Эта миссия также делала Москву и символическим Новым Иерусалимом — духовным центром человечества. И это тоже хорошо осознавалось не только святыми старцами, но и самим народом: например, Покровский собор на Красной площади в народе долгое время именовался Иерусалимом — то есть главным храмом на земле. Исходя из такого народного самосознания патриарх Никон строил Новый Иерусалим под Истрой — как сакральный центр мира.

У Запада, отпавшего от Православной Церкви на путь апостасии, это, по понятным, причинам вызывало ярость и агрессию, ибо Запад центром мира мнит только себя. Предательский удар Запада в спину Византии привёл её к смерти (турки подобрали лишь её остатки, но главный удар нанесли ей европейские варвары погромом Константинополя в 1204 году). После смерти Ивана Грозного Запад органи-

зовал уже коллективное нашествие на Россию — преемницу Византии, и оно стало прообразом будущих нашествий Европы — наполеоновского и гитлеровского. Запад добился временного успеха за счёт организации внутренней смуты в самом государстве. Присягание пустому трону польского принца русской знатью, согласившейся признать его царём, — исторический символ и прообраз всех будущих предательств элиты. И освобождение страны народным ополчением Минина и Пожарского — это также исторический символ, прообраз и «код» любого возрождения и освобождения России вплоть до настоящего времени.

Русская история уникальна тем, что главным и решающим в ней всегда был фактор духовно-нравственный, а не материальный. Русь неоднократно возрождалась, как Феникс из пепла, после страшных погромов, когда не было никаких материальных предпосылок для будущего величия. По одним лишь материальным критериям страна была обречена стать колонией своих агрессивных соседей, но это не произошло. И точно так же Россия внезапно обрушивалась именно в тот момент, когда достигала своего максимального величия и развития — так было в 1238-м, 1605-м, 1917-м и в 1991-м. Никакие материальные факторы не могли её спасти, если не работал фактор духовный — единение народа ради спасения государства. И этот главный закон русской истории в полной мере действует до сих пор, и именно он определяет наше будущее. Но как сработает этот закон в очередной раз — на созидание и подвиг или на крах и разрушение — это не предопределено и зависит от нас.

Главный закон русской истории — господство духовно-нравственного фактора над материальным — даёт ключ и к пониманию тех возможностей и перспектив, которые имеет и современная Россия. Материальные ресурсы России по-прежнему велики, хотя у её геополитических противников они все равно намного больше. Поэтому противостоять им, только опираясь на материальный фактор, —

просто невозможно. Особенно слаба сейчас Россия демографически: ведь население и «коллективного Запада», и Китая, и мусульманского мира — ныне превосходит население России на порядок. По человеческим ресурсам Россия находится уже почти на уровне Нигерии. И можно ли вообще ставить перед собой всемирно-исторические задачи, имея так мало людей в соотношении с нашими «заклятыми партнёрами»?

Очевидно, что если опираться только лишь на один материальный фактор, то нет. Свои собственные огромные малозаселённые территории нужно кому-то защищать, не говоря уже о том, чтобы распространять своё влияние за их пределы. Для всего этого нужны в первую очередь люди — но не просто люди, а такие, которые способны выполнять столь тяжёлые задачи. Это должны быть люди русские по духу (независимо от национальности), то есть для которых Россия является такой высшей ценностью, за которую не жалко отдать жизнь. Много ли сейчас таких людей? К счастью, достаточно много, если этот бесценный человеческий ресурс найти и мобилизовать.

У России, как всегда, нет выбора — она вновь, уже в который раз в своей тысячелетней истории, должна либо победить, либо исчезнуть. Сейчас на кону стоит уже само существование России — ей угрожают смертельные опасности и извне, и изнутри. Извне — если Россия не устоит экономически и будет полностью подчинена мировой экономической системе, это быстро приведёт к её политическому подчинению, а затем разоружению и распаду. Такая опасность уже существовала в 1990-х годах, но была преодолена. Изнутри — в результате быстрого вымирания коренного населения и наплыва мигрантов Россия уже к середине XXI века может стать мусульманской страной с последующим «растворением» в мусульманском мире. Обе эти опасности действуют мощно и стремительно, и они могут привести страну к краху уже в ближайшие десятилетия. Как этого из-

бежать? Победить в войне цивилизаций ничуть не легче, чем в войне армий. И победить можно только одним-единственным способом — Россия должна быстро стать абсолютно самодостаточной и неуязвимой во всех сферах — не только в военной, но и в экономической, политической и культурной. Каким образом? Так же, как это делали наши великие предки, пользуясь их победной стратегией. Это опыт веков — ведь Россия почти всегда жила в такой же смертельной опасности.

Особый закон русской истории, о котором сказано выше, сложился в результате специфического положения России среди соседних народов и цивилизаций. Для соседей Россия всегда представлялась «окраиной» их собственного мира, который они считали «цивилизованным» и которому эту русскую «окраину» всегда пытались подчинить в качестве экономической, культурной и политической колонии. Так смотрела на Русь Византия, а затем Западная Европа. Как ни странно, но исключением были татары, которые только требовали дань, назначали главного князя, но никак не вмешивались во внутренние дела. Точнее, вмешивались, но чаще в позитивную сторону — подавляли княжеские усобицы и охраняли права Православной Церкви. Но татарский период закончился, и с тех пор и до настоящего времени Россия составляет предмет колонизаторских вожделений Запада. Но когда на заре Нового времени Европа не смогла сделать из России свою колонию, ее объявили якобы «отсталой» и «варварской» страной, и в этих русофобских фантазиях Запад показывает свои комплексы неудачного захватчика.

Это положение страны, на которую соседи смотрят как на «окраину» цивилизации, подлежащую подчинению и перевоспитанию, и создало тот главный закон русской истории, без понимания которого нельзя понять и саму Россию. В русском обществе и в русской истории всегда действуют две противоборствующие силы: с одной стороны, достоинство и самоува-

жение народа, который живет по заветам своих предков, почитает свои святыни и поэтому не хочет никому подчиняться ни в духовном, ни в материальном отношении; с другой же — приспособленчество слабых духом, которые хотят стать «цивилизованными» по чужому образцу и устроить себе комфортную жизнь ценою сдачи интересов и чести Родины иностранцам. В спокойные и «комфортные» периоды истории, когда не требуются подвиги и высота духа, этот последний тип людей захватывает влияние в обществе и во власти, в конце концов сдавая её своим покровителям за рубликом. Но потом наступает момент, когда Россия стоит на грани распада и гибели — и вот тогда вновь приходят Минины и Пожарские, и они восстанавливают великую страну.

Этот главный духовный по своей природе закон русской истории хорошо осознавался и самим народом в сказании о граде Китеже. Когда Русь уничтожают враги — священный град становится невидимым, скрывается в водах, но затем чудесным образом появляется вновь. Указывают даже и конкретное место, где это происходит. Но не меньшим чудом является и глубина прозрения народного ума в сущность своей истории.

В свою очередь, античный символ Гипербореи, основанный на реальных сведениях о народах, проживавших к северу от Азовского моря, имеет большое значение для понимания вечной души России. Гипербореи воспринимались эллинами как народ, способный существовать в особо тяжелых условиях, но при этом создавать свою, ни от кого не зависящую цивилизацию, непонятную другим народам. Именно эти атрибуты и унаследовала Россия с точки зрения людей Запада — и в этом смысле Гиперборея существует до сих пор. Территория Гипербореи, по современным научным данным, — это прародина ариев (индоевропейцев). Здесь символ полностью совпадает с исторической реальностью — Гиперборея оказывается «началом начал», которое вовсе не утеряно, но продолжает существовать до сих

пор — в форме исторической России. Россию можно рассматривать не только как возрождение, но и как реальное продолжение Гипербореи — прародины цивилизации «белой расы», и в этом смысле продолжающей быть этой прародиной вплоть до настоящего времени. Трагическая судьба России, её повторяющееся тяжёлое, почти предгибельное состояние объясняется именно тем, что против неё направлен главный удар сил мирового зла — цивилизации смерти. Это выразилось в нашествиях объединённой Европы (Наполеон, Гитлер) и в распространении с Запада деструктивных идеологий, направленных на духовную деградацию и депопуляцию народа.

В русской культуре это понимание истории вышло на уровень философской рефлексии начиная с романа В. Одоевского «Русские ночи», ключевая идея которого в том, что Россия должна прийти на смену «дряхлой Европе» и подхватить угасающий огонь дальнейшего развития христианской цивилизации. Ту же самую мысль сформулировал и «поздний» П. Чаадаев, говоря о «другом начале» русской цивилизации, которая «открывает новую страницу» мировой истории и призвана «разрешить все вопросы», заданные Европой. И реальный ход русской истории подтвердил эти пророчества.

Чтобы победить своих геополитических конкурентов, цели которых не новы и общеизвестны, и даже просто для того, чтобы выжить, Россия должна действовать по тому «алгоритму» духовно-нравственной и социальной мобилизации, который был отработан нашими великими предками и уже не раз спасал страну. Решающим фактором мобилизации является человеческий ресурс — отбор людей. В свое время А. С. Пушкин вывел свою «формулу» русской истории: «у нас не было феодализма, но была аристократия». Что это значит? А. С. Пушкин был не только гениальный поэт, но и не менее проницательный историк, умевший схватывать сущность сложнейших явлений в одном лаконичном опре-

делении. Феодализм — это олигархия знатных родов с наследственными правами, не зависящими от личных качеств их обладателей и от их службы обществу и государству. Даже наоборот, эти права были противопоставлены государству. Аристократия же в пушкинском понимании — это сословие людей, постоянно отбираемых по своим заслугам по службе государству, а следовательно, и народу. Здесь все определялось только личными заслугами, а «древность рода» вовсе не давала никаких привилегий. Феодализм — принцип европейский, а аристократия в том особом смысле, в котором говорит А. С. Пушкин, — это основа великой евразийской державы, впервые апробированная в державе Чингисхана (об этом книга Н. Трубецкого «Наследие Чингисхана»), а затем заимствованная Московской Русью и ставшая основой её колоссального роста и могущества.

Именно в России само понятие «аристократия» точно соответствовало его изначальному смыслу — «власть лучших», в то время как на Западе оно в Новое время приобрело почти прямо противоположный смысл, обозначая касту привилегированных социальных паразитов. Русское дворянство в XIX веке на 3/4 состояло из потомков выходцев из Орды, Литвы и Западной Европы — потому что Московская Русь была уникальным местом, где каждый мог реализовать свои лучшие качества на службе царю, независимо от своего происхождения. Московская Русь увеличилась в десятки раз, и из маленького княжества стала великой державой именно потому, что была уникальным для своего времени «обществом равных возможностей». И не только для дворян — «людей государевых», но и для всех сословий без исключения: огромная Россия была создана в основном не завоеваниями, а колоссальной народной колонизацией новых земель. Государство приходило на новые земли уже потом — после того, как они уже были освоены свободными крестьянами и казаками. Сам огромный феномен казачества — самостоятельно, без помощи госу-

дарства освоивший целый континент от Днепра до Амура, — по сути, не имеет аналогов в мировой истории. В отличие от европейцев, истреблявших местное население почти поголовно и так уничтоживших население трёх (!) континентов — двух Америк и Австралии, — русские не только этого не делали, но вступали в симбиоз и рождались с другими народами, которые после присоединения к России многократно увеличивались в численности. Русское крестьянство, вопреки лживым мифам, всегда было свободным и легко переселяющимся на новые земли — за исключением сравнительно короткого исторического периода от Петра до середины XIX века, когда в России в рамках «европеизации» было создано «крепостное право» по европейскому образцу. В Европе «крепостное право» существовало намного раньше и намного дольше по времени — и именно там оно могло привить народу «рабскую психологию», а вовсе не в России, как привыкли лгать все профессиональные русофобы. Русский народ — это народ свободно живущих крестьян и казаков; и именно эта жизнь создала русский характер, который потом уже не смогло сломать ни краткое крепостничество, ни ещё более краткие колхозы. И этот характер сохранился до сих пор.

И пока ещё жив этот народ со столь уникальными качествами и столь уникальным историческим опытом, Россия обладает огромным человеческим ресурсом, который нужно лишь уметь правильно использовать. Принцип поиска и отбора («рекрутирования») талантливых и нравственных людей во всех сферах деятельности — это единственное, что может возродить народ России и государство Российское. Этот принцип даже может быть прямо назван государственной «политикой аристократизма», если вернуть этому термину изначальный, подлинный смысл. Системная политика *народного аристократизма* — поиска и поддержки лучших людей — это единственная возможность использовать человеческий ресурс России, без которого все остальные её ресурсы, сколь бы

Когда-то народы Азии входили в состав России под покровительство «Белого царя» — так они называли самого справедливого правителя, взявшего их под защиту от враждебных соседей. И в наше время Россия может стать таким же «Белым царем» для той части мира, которая не желает становиться вассалами Запада.

Парадокс ситуации состоит в том, что Россия не устоит, замыкаясь в самой себе и пассивно отдавая конкурентам весь остальной мир, — но устоит и станет ведущей мировой державой, если предложит новый тип миропорядка для всех.

ни были они богатыми, останутся просто бесполезными¹.

Политика «народного аристократизма» изначально создала Россию, и она становилась наиболее явной в периоды её наибольшего роста — «скачка»: при святом Владимире Крестителе, при св. Андрее Боголюбском, при св. Александре Невском, при св. Димитрии Донском, при Иване III Великом, при Иване Грозном, при Петре Великом, при Екатерине Великой и позже вплоть до рекрутирования народных масс в сталинскую эпоху. Суть современной высокотехнологической цивилизации такова, что теперь не требуется просто масса населения для того, чтобы страна была великой и играла всемирную роль. Сейчас вопрос не в количестве, а в качестве. Стране нужно развивать передовые технологии во всех сферах, прежде всего в военной, восстановить высокий уровень национальной культуры, который бы защищал народ от враждебного идеологического воздействия, и создать эффективную систему управления. В этом случае страна может стать мировым лидером, даже несмотря на то что у её конкурентов население на порядок больше. В нашу эпоху масса населения сама по себе уже ничего не решает, все решает только его качество в ключевых сферах деятельности. Это требует специальной системы отбора и подготовки людей, которая в современной России de facto существует,

но только в стихийной и хаотической форме, а не в форме государственной политики. Огромная масса талантливых людей потеряна и занимается не своим делом, а на их местах оказываются люди случайные, которые подбираются по родственным и коррупционным связям и в силу своего непрофессионализма и корыстолюбия делают сферы своей работы крайне неэффективными и закрытыми для инноваций.

Государственная система поиска, отбора и специальной подготовки талантливых людей — это вовсе не секретное, но просто игнорируемое «русское оружие», которое и создало, и спасало Россию на протяжении тысячи лет. В наше время эта система должна действовать параллельно той «системе образования», которая есть и которая уже не поддаётся серьёзному реформированию по объективным причинам. Это тоже опыт: ведь всё новое в России всегда создавалось сначала параллельно старому, не ломая его, а потом старое уже само быстро отмирало в силу своей неэффективности.

Вторая составляющая русской победы — тоже плод нашего великого исторического опыта. Этот опыт свидетельствует о том, что Россия только тогда побеждала внешних врагов и становилась великой мировой державой, когда она не гналась за так называемыми «цивилизованными странами», но утверждала свои цен-

ности в мире, сама создавала правила международных отношений. Эта традиция была заложена уже в отношениях Руси с великой Византией и длилась до XX века. Даже Петр Великий, столь активно учась у Запада техническим новинкам, не делал свою страну колонией, но, наоборот, сразу явился в Европу со своими правилами и целью на мировое лидерство. И таким лидером Россия уже фактически стала в эпоху Екатерины Великой. То же самое Россия должна сделать и сейчас, иного выбора у нее нет.

В настоящий момент глобальный мир находится в точке перелома: уже созрели все предпосылки для того, чтобы модель цивилизации, созданная Западом и навязанная им остальному миру, стала безальтернативной. Суть этой модели состоит в абсолютном доминировании материальных интересов и тотального эгоизма во всем человеческом бытии. Этому подчинены и экономика, и политика, и остатки культуры. Формируется новый глобальный человек, которого можно назвать «биосоциальным автоматом» — существо с абсолютно приземлёнными и легко манипулируемыми потребностями, но наивно воображающее себя «свободным» в силу незнакомства с подлинной духовной свободой. Существо, предсказанное романами-антиутопиями XX века, которое в христианских категориях называет «человеком последних времён», предшествующих приходу Антихриста. Однако до сих пор в мире сильны цивилизации, сохраняющие ещё модель человека как образа Божия. Таковы древние цивилизации Индии и мусульманского мира, а среди стран христианской традиции такая сейчас осталась одна — Россия.

Уже только одним этим фактом Россия снова поставлена в центр мировой истории, даже независимо от того, насколько она к этому готова и насколько люди, живущие в России, это понимают. Понимают только люди воцерковлённые, ко-

¹ См. об этом нашу статью: «Народный аристократизм» как феномен русской мобилизации // Свободная мысль. 2018. № 3.

торых всего несколько процентов населения. Но и этого достаточно — это та евангельская «закваска», которая может созидать новый народ, достойный своего призвания. Это не означает навязывания единой для всех идеологии: мировое призвание России может быть по-разному понято в рамках разных мировоззрений. Когда-то народы Азии входили в состав России под покровительство «Белого царя» — так они называли самого справедливого правителя, взявшего их под защиту от враждебных соседей. И в наше время Россия может стать таким же «Белым царем» для той части мира, которая не желает становиться вассалами Запада. Парадокс ситуации состоит в том, что Россия не устоит, замыкаясь в самой себе и пассивно отдавая конкурентам весь остальной мир, — но устоит и станет ведущей мировой державой, если предложит новый тип миропорядка для всех. В этом случае она приобретет мощных союзников, которые умножат ее силы.

В современном мире есть огромные силы, противостоящие диктату Запада, — но эти силы чаще всего разрознены, и Запад ловко сталкивает

их между собой по принципу «разделяй и властвуй». Мусульманский мир внутренне расколот на прозападный и антизападный; он же в лице Пакистана противостоит Индии, а Индия враждебна Китаю. А ведь все это не просто страны — это традиционные цивилизации, противостоящие той деградации человека, превращаемого в «биосоциальный автомат» без Бога, души и совести, которую Запад пытается навязать всему миру. Но его политика «управляемого хаоса» заставляет их все свои силы тратить на вражду между собой, а не противостоять общему цивилизационному противнику. В этой решающей ситуации **Россия призвана сыграть уникальную роль объединения мировых антидеградационных сил** — всех традиционных цивилизаций.

В настоящее время в международной политике Россия стихийно, но неуклонно движется именно в этом безальтернативном направлении. Уже есть все предпосылки для фундаментального шага: **Россия должна создать мировую доктрину союза традиционных цивилизаций для противостояния «антрополо-**

гической катастрофе». Это новая **русская доктрина** — но не для «внутреннего употребления», а для всего миропорядка. Для неё не нужно придумывать ещё одно название в общем ряду других мировых доктрин: либерализма, фундаментализма, марксизма и т. п. Она должна называться просто — русская, и этого будет достаточно. Узнавая, что такое «русская», любой человек в мире, способный к свободному мышлению, сам сможет понять все великие смыслы, которые несёт в себе это слово. Русская — это значит хранилище подлинной христианской традиции — православия. Это значит, удерживающая мир от окончательной победы сил зла и прихода Антихриста (Катехон, Третий Рим). Это значит — наследница самой великой христианской культуры. Это значит — наследница тех, кто победил самых страшных мировых завоевателей — Чингизидов, Наполеона и Гитлера. Это значит — в течение уже нескольких веков успешно противостоящая всему «коллективному Западу». Это значит — привыкшая освобождать поработанные народы. Это значит — побеждающая братством, а не насилием.

/ Максим МЕДОВАРОВ /

Россия — наследница

У Русской Мечты — несколько источников и граней. В ней есть и чисто славянская удаля, и евразийская, тюрко-монгольская тяга к широким родным просторам. Прежде всего, это всегда мечта о свободе народа в своём пространстве — в большом пространстве, не разрезанном по-живому таможенными и визовыми границами с колючей проволокой. Однако есть у Русской Мечты и еще один компонент, римско-византийский, без которого она едва ковыляла бы с одним крылом, а не гордо парила над кон-

тинентом. Достаточно посмотреть, что случилось и со славянскими, балканскими, восточноевропейскими народами, и со степными, лесными, евразийскими народами без прочного имперского станового хребта, идею которого Русь получила извне.

Много сказано о том, что инок Филофей, выдвигая пять веков назад хлётский тезис: «Москва — Третий Рим», вовсе не имел в виду никаких геополитических притязаний на Рим и Константинополь, а, напротив, полагал, что внутреннее содержание и сокровенный смысл римской

и византийской государственности перешёл в Москву. Не ради исторических изысканий, а исключительно в контексте наших дней зададимся вопросом: какие аспекты римской мечты и византийской мечты живы сейчас в России?

То, что нам не подходит, то, что не прижилось на Руси, само собой, не нужно искусственно возрождать. Неслучайно, например, никаких попыток копировать римско-византийское публичное право у нас вовсе не предпринималось никогда. Далее речь пойдёт только о тех чертах, кото-

рые уже восприняты в отечественной политической культуре, хотя не всегда чётко осознаются. Есть что-то такое в Риме, что унаследовали итальянцы, и что-то такое в Константинополе, что унаследовали только греки. У них тоже есть свои мечты. Прекрасный пример в XX веке явил, в частности, Гвидо де Джорджио — великий подвижник, ставший живым чудом и показавший, как древняя Римская Традиция напрямую продолжилась в облике христианства. Но мы остановимся на римско-византийских аспектах именно Русской Мечты.

РИМСКИЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Говоря о жизненном императиве римских завоеваний, приведём лишь две достаточно известные цитаты. Одна из них принадлежит Вергилию, который в своей «Энеиде» учил, что римляне уступают другим народам в науках и искусствах, зато имеют иное призвание:

*Римлянин! Ты научись народами
править державно —
В этом искусство твоё! —
Налагать условия мира,
Милость покорным являть
и смирать войною надменных!*

Вдумаемся в эти строки: недаром двести лет назад проживавший тогда в Петербурге Жозеф де Местр именно их ставил в пример и образец для России. В самом деле, удивительно: Вергилий, поэт-язычник, певец мощнейшей военной державы тех дней с первой поистине профессиональной армией в мире воспеваёт не захваты, не нападения, не войны сами по себе, а милосердие и справедливость, возведённые в политический принцип. Вместо обычной практики массового истребления покорённых, которую можно было видеть повсюду на Древнем Востоке и в Древней Греции, Вергилий выдвигает идеал мягкости и мудрого управления подчинёнными землями. Не всегда реалии римской истории

соответствовали этому идеалу, хотя божественный Август действительно очень сильно старался приблизиться к нему. И с другой стороны — война воспринимается лишь как внешнее средство смирения агрессоров ради обеспечения прочного мира и счастья.

Но разве не к этому всегда стремилось государство Российское? Практически все его завоевания были направлены либо на спасение гибнущих малых народов от угнетателей (например, Грузия, Армения, Молдавия), либо на защиту страдающих крестьян от жесточайших, изуверских властей (например, Малороссия, Белоруссия, Прибалтика, Казанское и Сибирское ханства), либо на отбрасывание и смирение государств, являвшихся источниками агрессивных набегов и работорговли (Крым, Северный Кавказ, азербайджанские и среднеазиатские ханства). Освободительная миссия России остро чувствовалась уже в ходе войн Ивана III с Литвой, когда земли от Калуги до Брянска были освобождены от католического гнёта; она открыто проявилась во взятии Казани, Полоцка и Кашлыка при Иване IV. Откровенно освободительный характер носили походы Алексея Михайловича в Белоруссию и Литву в 1655 году и его вмешательство в судьбы Малороссии (Переяславская Рада). Пётр I в народной памяти белорусов, латышей, эстонцев тоже отложился как Царь-Освободитель. Эту линию продолжили Екатерина II и все последующие монархи, вплоть до глубоко чтимого болгарами Александра II и до ставшего надеждой для галицких русин и турецких армян Николая II. «И слово: Царь-Освободитель/За русский выступит предел!» — пророчески предсказывал ещё в 1860-е годы Фёдор Тютчев. Этот императив сохранился и в советское время. Мощные освободительные походы Красной армии 1939–1940 и 1944–1945 годов завершили формирование римской по своим корням парадигмы России как империи, наказывающей агрессоров и щедро милующей освобождённые ею народы. Новейшая

эпоха в августе 2008 года подарила нам новую формулировку, по чёткости не уступающую вергилиевской: миссия России — *принуждение к миру* поджигателей войны. Сегодня точно так же, как в 1945 году.

Однако в римской литературе можно найти ещё одну достойную упоминания цитату. В поэме Лукана «Фарсалия» в уста Цезаря, переходящего Рубикон, вложены такие слова:

*Здесь нарушаю я мир
и врагом осквернённое право;
Счастье, иду за тобой;
да не будет отныне законов!
Ныне веряюсь судьбе,
война да предстанет судьбою!*

Имеется ли здесь в виду беспринципная воинственность? Опять же нет! Речь, как у Вергилия, идёт о том, что враг осквернил право, поправил его, и потому Цезарь как носитель римской мечты вынужден отбросить все условности и вступить в войну с ним. В словах Лукана несколько по-иному раскрывается всё та же освободительная миссия России: разрушать агрессоров, которые своими вопиющими беззакониями и неслыханными преступлениями попирали права народов. Именно поэтому Россия нанесла смертельные удары по дюжине работорговых ханств, по Османской империи, по Речи Посполитой (в двух её изданиях), по Наполеоновской империи, по Австро-Венгрии и по гитлеровскому Третьему рейху. Везде, куда приходили русские войска, всегда безоговорочно отменялось рабство личное и рабство национальное. Это редкая константа русской политики, которая существовала из века в век и явилась продолжением сугубо римского императива.

Однако любые победы требовали жертв, и немалых. Потому такое значение имел культ предков — как в Риме, так и в России. Русская семья никогда не имела столь строгих патриархально-клановых черт, как древнеримская, но почитание предков, и особенно — павших за Отечество воинов, всегда было укоренено

в народе. Такой редкий по своей оригинальности мыслитель, как Владимир Карпец (1954–2017), для которого была характерна отличная юридическая и историко-правовая подготовка, отмечал, что широкое празднование Дня Победы и шествия Бессмертного полка являются, по сути, калькой с римских алтарей Победы и с церемониальных шествий римлян в дни памяти предков, когда они несли скульптурные изображения покойных членов своего рода по улицам. Разумеется, никто в России искусственно и не думал подражать Риму: и День Победы как всенародный праздник, и Бессмертный полк родились и выросли стихийно именно потому, что контуры народной мечты в обоих случаях схожи. Заметим, что и после прежних войн в России имело место особое почтение павших воинов, впервые в явном виде — после Куликовской битвы, когда было установлено их поминовение в день Рождества Богородицы. Но теперь такое почитание достигло своего пика и напоминает нам о старой римской традиции. Говоря словами поэта Сергея Яшина (1964–2019):

*К забытым алтарям мы возвратились
вновь,
Сопутствует опять нам солнечная
слава.*

ВИЗАНТИЙСКИЕ КОРНИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Основное отличие Второго Рима от Первого — его открыто христианский характер, симфония государственной власти и церкви. То, что было предвосхищено в Первом Риме, наяву воплотилось в Константинополе, в державе, некорректно именуемой Византией. Сами византийцы называли себя ромеями («римлянами»), и это слово оставалось самоназванием современных греков вплоть до XX века, когда уже западные правительства через систему школьного образования повсеместно насадили книжный этноним «эллин». Даже османские турки отчасти

переняли имя ромеев (в названии Рум, Румелия для своих балканских владений), использовали на своих знаменах византийского двуглавого орла (восходящего к хеттам), а завоеватель Константинополя султан Мехмед Фатих в подражание Цезарю ездил на развалины Трои — легендарной прародины Энея — и именовал себя «кайсар-и-Рум».

Отчасти римское и византийское наследство материально присутствуют на окраинах исторической территории России: на Черноморском побережье Кавказа, на Тамани, на южном берегу Крыма, на юге Бессарабии. Однако решающее значение имело распространение православного христианства — сначала в этих точках, а затем, после X века, по всей Руси. Важнейшим моментом является то, что, в отличие от греков или грузин, эфиопов или англосаксов, принявших христианство уже давно сложившимися народами, древнерусский этнос сплавился из пятнадцати союзов племен в единое целое лишь *после и вследствие* Крещения Руси, в XI веке. Отсюда следует, что другие православные народы, включая тех же греков, имеют свои особенности и выстраивают свои отношения с Богом и миром иначе, чем русские, характер религиозности которых, как подмечал ещё Николай Трубецкой, схож с «бытовым исповедничеством» других народов лесостепной Евразии.

Акцентируя внимание на серьёзных различиях русской и византийской религиозности, проявлявшихся в типах святости, в характере церковной архитектуры, фресок, иконописи, мы не должны забывать в то же время принципиального единства православного вероучения и культуры византийского круга, в котором Русь была одной из неотъемлемых частей. Россия — наследница многих черт Первого Рима, но тысячелетний православный, христианский характер основ её государственности и культуры делает её наследницей Второго Рима. По преданию, незадолго до взятия Константинополя турками огненные языки

вырвались из окон собора святой Софии и умчались в сторону севера. Москва восприняла это огненное преемство в духе. Правда, в России никогда не было запретов на исповедание других религий, а уровень веротерпимости существенно превосходил византийский. Многоконфессиональный характер нашей страны сложился исторически. Однако это не только не отрицает, а подчёркивает православный характер осевой русской культуры, поскольку терпимость и уважение к верующим других традиционных конфессий — неотъемлемая черта православной этики, осуждающей грех, а не грешника, ересь, а не еретика.

Византийский вектор в интерпретации Филофея и русских царей XVI–XVII веков никогда не предусматривал намерения силой завоевать Константинополь. Недаром всё это время наши правители стремились избегать столкновений с турками. Не в военно-политической экспансии, а в укреплении братских духовных связей с греками и сербами, румынами и болгарями, грузинами и православными арабами черпало Московское царство свою внутреннюю силу, и все эти связи активно развивались и в период Российской империи. И неслучайно сразу после победного 1945 года Патриарх Алексий I совершил свой триумфальный визит по православным землям византийского круга культур, повторив эту поездку также в 1960 и 1962 годах. Вопреки тому бедственному положению и той политической раздробленности, в которые Запад вверг православные страны после распада Советского Союза и Югославии, вопреки нищете балканских стран, вопреки постигшим Кипр и Косово катастрофам — Россия как духовная наследница Византии и сегодня не имеет права бросать в беде и на произвол судьбы своих братьев по тому цивилизационному кругу, в котором все мы когда-то вместе выросли. Византизм не должен быть для России пустым звуком, как не должно быть всего лишь лозун-

Всемирная сокровищница накоплена и сделана доступной в России — ею можно пользоваться. Дело осталось за малым — чтобы как можно большее количество современных россиян воспользовались этим преимуществом на практике. Но какова будет парадигма такого использования? На наш взгляд, её можно определить как парадигму России — Ковчега, России — Хранительницы, России — Музея. Погибли древние культуры и цивилизации — и вот оказывается, что именно наша страна сохраняет их наследие. Собственное наследие тысячелетней культуры Запада оказалось ненужным современной либеральной Европе — и вот выясняется, что именно в России оно может не просто уцелеть, но быть снова пущенным в дело.

гом и римское преемство. Оба они — необходимые составляющие Русской Мечты, необходимые крылья для её взлёта в XXI веке. Недаром главный певец римского и византийского наследия России в XIX веке — Фёдор Тютчев — был не просто поэтом или безответственным фантазёром, а являлся дипломатом высочайшего класса и опытным государственным деятелем. Исполнение тютчевского завета — достойная задача для государственных мужей наших дней.

РОССИЯ — СТРАНА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА

Когда Ломоносов, Пушкин, Достоевский говорили о собирании сокровищницы человечества в России, о всечеловеческой широте русской культуры, то они имели в виду, прежде всего, уникальную возможность для нас познавать плоды культур народов Запада и Востока и быстро усваивать их, в то время как те народы слишком мало знают о русской культуре, слишком редко обращаются к изучению на русском языке или в переводах трудов наших классиков, равно как и русского народного наследия, и творчества других народов России-Евразии. К сожалению, были правы критики, указывавшие на то, что долгое время — особенно до XIX века — Россия обладала лишь потенциальной возможностью со-

брать сокровища от всех мировых цивилизаций, но на практике эту возможность реализовывали лишь единицы высококультурных деятелей. Тем не менее круг таких лиц постоянно расширялся. Уже Владимир Соловьёв, Константин Леонтьев, Константин Победоносцев свободно «плавали» в нескольких культурах Востока и Запада сразу. У корифеев Серебряного века, от Павла Флоренского до Николая Гумилева, эта энциклопедичность стала поистине всеохватной. На протяжении нескольких десятков лет советского периода сотни отечественных учёных произвели титанический труд по переводу на русский язык сокровищ культуры буквально всех народов планеты. Этот труд вынужденно сбавил обороты в постсоветское время, но и в наши дни всё-таки продолжается в масштабах, неслыханных нигде в мире. За исключением английского языка, ни на одном языке мира нет такого количества переводов всемирного наследия, как на русском. В том числе это касается римской и византийской литературы и исследований: вспомним, что долгое время западные учёные просто не могли угнаться за успехами русской и советской византистики. Кроме того, мы имеем то преимущество, что к нему мы добавляем собственно русское наследие, которое очень редко знают даже на англоязычном Западе.

Итак, всемирная сокровищница накоплена и сделана доступной в России — ею можно пользоваться. Дело осталось за малым — чтобы как можно большее количество современных россиян воспользовались этим преимуществом на практике. Но какова будет парадигма такого использования? На наш взгляд, её можно определить как парадигму России — Ковчега, России — Хранительницы, России — Музея. Погибли древние культуры и цивилизации — и вот оказывается, что именно наша страна сохраняет их наследие. Собственное наследие тысячелетней культуры Запада оказалось ненужным современной либеральной Европе — и вот выясняется, что именно в России оно может не просто уцелеть, но быть снова пущенным в дело. Даже европейских классиков социально-политической мысли XIX–XX вв. всерьёз сегодня воспринимают только у нас.

При всей фантастичности некоторых идей Николая Фёдорова, в его трудах всегда было немало здравых мыслей. В частности, никто не отрицает его заслуг в развитии музейного и библиотечного дела в России. Между тем образовательная парадигма Федорова предусматривала тесное **слияние школы и музея**, приоритет музейной направленности в занятиях школьников по собиранию природного и культурного наследия. Бережное отношение к богатствам природы и сокровищам культуры следует воспитывать с детства. И образ России как сберегательного ковчега, как одного великого музея, как планетарного «укривища» под открытым небом, думается, вполне может соответствовать данному вектору. Остатки Традиции из тех стран, где она гнула под ударами поборников «прогресса», естественным образом скопились в нашей стране. Пора пустить в дело их все, не исключая и римско-византийского наследия. Ведь музей не должен быть просто мертвой грудой неиспользуемого хлама. Традиция есть передача пламени, а не пепла. В таком случае тот огонь, который воодушевлял Два Рима на их победы и свершения, с новой силой вспыхнет в Третьем Риме.

Глаголы вечной жизни

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ВСЕ ВЕКА СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ – ЭТО ПСАЛОМ, КОТОРЫЙ РУССКИЙ НАРОД ОБРАЩАЕТ К НЕБУ, И ТАМ, В НЕБЕ, ИЩЕТ ОТВЕТЫ НА ЗЕМНЫЕ ВОПРОСЫ. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ – ЭТО ВЕЛИКИЕ МЕЧТАТЕЛИ. ПУШКИН МЕЧТАЛ ОБ ИМПЕРИИ МОГУЧЕЙ И КРЕПКОЙ, О ТОЙ, НАД КОТОРОЙ СИЯЕТ «ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ», КОТОРАЯ НАПОЛНЕНА БЛАГОДАТЬЮ, БЛАГОРОДСТВОМ И КРАСОТОЙ. ГОГОЛЬ В СВОЕЙ «ПТИЦЕ-ТРОЙКЕ» РАССКАЗАЛ О РУССКОЙ МЕЧТЕ, КОТОРАЯ НЕСЁТСЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНУЮ ДАЛЬ, ЗАГАДОЧНУЮ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ОКРЕСТНЫХ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ, НО И ДЛЯ СЕБЯ САМОЙ. ТЮТЧЕВ, ГОВОРЯ О ВЕРЕ В РОССИЮ, СРАВНИЛ ЕЁ С ЦАРСТВОМ НЕБЕСНЫМ.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Слово – Русская Мечта

Россия – страна мечтателей. В ней всё одухотворено мечтой: труд, служение, творчество. Мечта – не фантазия, не праздность, не безделье. Мечта – «половина дела, лучшая половина». Мечта – желанный образ, то, к чему стремишься, такой явственный и никогда недостижимый горизонт. Идешь на него, одолевая преграды, покоряя вершины, об-

устраивая мир, и не настаиваешь. А мечта всё пленительнее, всё ярче.

Если добраться до самых корней, слово «мечтать» значит «мерцать», «сверкать». Мечта – путеводная звезда и одновременно полёт к ней. Не зря в народе говорят: «человек без мечты, что птица без крыльев», «мечта – крылья, не знающие усталости».

В каждом искреннем русском слове есть это мерцание, сверкание,

свечение. Русская словесность тоже рождена мечтой. Историю русской литературы от фольклора до наших дней можно написать как историю мечты, историю вдохновения, удивительных озарений и прозрений.

Русский фольклор и Русская Мечта – ровесники. Они произрастают из общего корня бытия. Фольклор соткан из природы, верований, творчества. И в мечте живут золотое

солнце, серебряные ручки, бесконечное небо, память о пращурах, преобразование мира вдохновением безымянного художника, сказителя и жреца.

Музыка и танец, поэзия и лицедейство — в фольклоре всё неразоторжимо, всё переплетено. И когда каждое из искусств с веками начнёт отделяться от остальных, пойдёт своим путём, отыщет свой язык — мечта останется во всём, творец будет мечтателем, поселит мечту в ноту, жест, изваяние. Но больше всего мечты вберёт в себя литература, что сохранит крепкую связь со словом, которое было живой речью, не ведало букв, ещё не записывалось, а произносилось, пелось. Слово сохранит память о нашем естестве, о том, какими мы были, когда не стремились никому подражать.

Оттого русская литература, истосковавшись по русскому человеку, всегда возвращается к фольклору, в поисках Русской Мечты писатели и поэты пересказывают сказки, укладывают в стихотворные размеры и строфы хороводные песни, вплетают в сюжеты романов легенды и предания.

Вхождение человека в жизнь начинается с колыбельных и закличек, былин и сказок, загадок и поговорок. Через них мы оказываемся сопричастны роду, через них обретаем веру в чудо, в счастье, в бессмертие, в немеркнущую красоту. На защиту тебе всегда придёт Илья Муромец, из любых тупиков выведет путеводный клубок, Василиса Премудрая всегда поможет найти ответ.

В фольклоре мечта и быль ещё не расподобились, сказка не лжёт, не фантазирует, она ведает то, что ещё сбудется, что обязательно случится. Жизнь следует за сказкой ради того, чтобы мечта воплотилась, а после её воплощения появилась новая мечта. И эта дорога бесконечна.

Сказка являет человеку идеал. Она не воспевает лентяя и дурака. Она дарует богатство только ще-

дрому, тому, кто не станет скверноприбытчествовать, тому, кто готов всё отдать ближнему. Сказка наделяет силой заступника, который защитит, спасёт слабого, а не пленит и поработит. Сказка превращает в мудреца того, кто никогда не будет искушать и лукавить. В сказке мудр тот, кто на стороне справедливости.

Справедливость — главная мечта сказки. Добро и зло сталкиваются в ней, как свет и тьма. И свет неминуемо побеждает. Но сказка грезит, чтобы зла не было вовсе, грезит о мире абсолютного добра. Зло влечёт за собой все несправедливости, которые предстоит одолеть сказочному герою.

Старость и смерть — величайшее зло, величайшая несправедливость. Созреют в потаённом саду молодильные яблоки, пробьётся из-под земли неизбывным ключом живая вода, но молодость будет дарована лишь творящему благо. А злодея настигнет смерть, пусть даже он утаил её на кончике иглы.

В мечте о младости и вечной жизни сказка стремится укротить время: повернуть его вспять, замедлить или ускорить, лишит всякого исчисления, чтобы за ночь можно было возвести дивный дворец или соткать невиданной красоты ковер. «Долго ли, коротко ли», «жили-были» — вот оно бытие вне времени, безначальное и бесконечное.

Наши предки мечтали разомкнуть фольклорное кольцевое время.

Они чувствовали, что вечность — это не постоянное хождение по кругу от сева к жатве и вновь к севу. Вечность — это небесное восхождение. Пусть «как бы сквозь тусклое стекло», но языческое сознание наших предков прозревало Христа, предощущало, что спасать надо не бречное тело, не нажитое богатство, а то, в чём таятся мечта и вера в справедливость — душу.

Потому языческий фольклор и христианская в своей основе древнерусская литература не вытеснили, не отменили, а обогатили друг друга, пересеклись в точках мечты о вечной жизни. Легенды и предания войдут в летописи, в кондаках и тропарях порой будет угадываться интонация народной песни, переплетутся сказка и житие и поведают нам о Петре и Февронии Муромских.

Но древнерусская литература сторонилась слова «мечта», связывая его с языческой ворожкой, помрачением разума, призраком, обманом. И лишь в некоторых диалектах «мечта» была «мыслью», «думой». Древнерусская литература искала слово, которое выразило бы устремление души к горнему, поименовало бы то, что ждёт душу на небесных высотах.

Такое слово пытаются угадать в «Повести временных лет» посланцы князя Владимира, которым открылась красота христианства и присутствие в нём истинного Бога: «и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ: нѣсть бо

Пусть «как бы сквозь тусклое стекло», но языческое сознание наших предков прозревало Христа, предощущало, что спасать надо не бречное тело, не нажитое богатство, а то, в чём таятся мечта и вера в справедливость — душу. Потому языческий фольклор и христианская в своей основе древнерусская литература не вытеснили, не отменили, а обогатили друг друга, пересеклись в точках мечты о вечной жизни. Легенды и предания войдут в летописи, в кондаках и тропарях порой будет угадываться интонация народной песни, переплетутся сказка и житие и поведают нам о Петре и Февронии Муромских.

на земли такого вида или красоты такая, недоумѣемъ бо сказать. Токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ съ челоуѣкы пребываетъ». От избытка сердца глаголют их уста, но пока не находят заветного лучистого слова.

Это слово изречёт митрополит Илларион, произнося проповедь о Законе и Благодати: «Истина и Благодать — служители Будущего Века и Жизни Нетленной». Благодать озарит словесность Древней Руси, поселится в каждой летописи, наставлении, житии. Владимир Мономах начнет своё «Поучение» с чтения Псалтири, будет говорить об устройении жизни по Христовым заповедям, по Благодати. Святослав в «Слове о полку Игореве» призвѣт к братскому единению, и в том тоже будет стремление к «Будущему Веку». Благодати станет тесно в «Русской Правде», закон не вместит всей полноты Истины, которая ищет не только воздаяния, но и милосердия, не только человеческой, но и Божественной справедливости. По Благодати будет написан «Домострой», где быт, семья, труд станут приурочением к «Жизни Нетленной», где жизнь устремится к житию.

Жития и летописи — главные охранители Благодати в древнерусской литературе. Летопись — житие народа, житие — летопись святости. Здесь земная история сопрягается с историей небесной, земные события соотносятся с библейскими. Всякое братоубийство — каинов грех. Всякое предательство — иудин грех. Всякое искушение — шѣпот змия в Райском саду. Но и любая жертва за веру — Христова Жертва. Святость Александра Невского, Сергия Радонежского, Дмитрия Донского — Христов Свет, утверждение Благодати, грядущей жизни, в которой не будет греха. Эту жизнь приближает слово, рождѣнное мечтой о чистоте, мечтой о Фаворском свете.

Не отрелась от Фаворского света и следующая эпоха, промыслительно названная Просвещением. Если,

согласно расхожему мнению, в эту пору и восторжествовал свет разума, то на русской почве разум был неразрывно связан с душой, духом, как в Рождественском тропаре «возсия мирови свет разума». Познание через науку и творчество не стремилось поставить человека на место Бога: главное открытие Просвещения в России в том, что у человеческого познания, у человеческих сил есть пределы, что есть грань, за которой факты и законы становятся бессмысленны. За этой гранью живѣт Божественная тайна, и главная мечта эпохи — соприкоснуться с тайной, осознать непостижимое и беспредельное: «Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна».

XVIII век поставил на первое место среди искусств именно литературу, утвердил слово выше скульптуры, живописи, архитектуры. Эти искусства предполагают нечто рукотворное, ремесленное, а слово вне материи, только оно связано с тем Словом, что «было у Бога» и «было Бог». Эпоха предполагала предельную мобилизацию слова в языке, литературе, образовании, государственном строительстве. Проповеднические воззвания Феофана Прокоповича, грамматика и «теория трёх штилей» Ломоносова — всё стремилось упорядочить словесную стихию.

В такой мечте о гармонии слова рождается ода — «старший жанр» классицизма, взлелеянный архангелами русской литературы — Михаилом Ломоносовым и Гавриилом Державиным. Будут басни и сатиры, драмы и комедии, но одическая интонация станет главной: «Восторг внезапный ум пленил» — этот «первый звук Хотинской оды» станет «первым криком жизни». Звуком, с которого началась мечта о великой Державе «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Этой Державе будут важны не только пушки, могучий флот, Московский университет и Академия наук, но и память о том,

что Россия — земля, где построен Новый Иерусалим. Держава станет сферой на ладони Удерживающего. О Державе поэт Державин напишет главную оду эпохи — «Бог», в которой воспоѣт не земных царей, не ратные победы, а Того, Кому «числа и меры нет»:

*Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истѣк.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!*

Эта ода станет словесной Державной иконой, на которую следующий век наденет золотую ризу.

Золотой век русской поэзии подобен золотому веку, о каком грезит человечество. Веку, где нет вражды и ненависти, нет противоречий, где «разновидное с единством согласилось». Душа поэтов золотого века предельно обнажена, всё материальное истончилось, душа соприкоснулась с природой, стала самой природой. Каждый порыв души — преображение мира, каждое движение в мире — радость сердца. Любовь подобна рассвету, счастье — радуге.

Кажется, что для изъяснения этого не существует слов, что «лишь молчание понятно говорит». Если поименовать всё зримое, слышимое, осязаемое, всё равно останется нечто невыразимое, когда «наш язык земной» отступает «пред дивною природой». Потому мечта поэтов золотого века — выразить невыразимое, наполнить земной, светский язык небесными смыслами, найти сочетания слов, которые будут равновелики природе.

Иначе всё неуловимо, всё ускользает, «скрывается от очей» сама мечта. Поэты золотого века — первые, кто возмечтал о мечте, первые, кто стал искать её следы, ловить

лёгкую поступь. Они облекли мечту в образы античных и славянских богинь, назвали *«подругой нежных Муз, посланницей небес»*. Ведь в мечте — и вдохновение, и творчество. Мечта в одночасье способна сделать малое великим, превратить песчинку в гору, каплю в океан, мгновение в столетье. Через мечту Золотой век прозрел небывалый свет, восход «солнца русской поэзии».

Русская словесность грезилась Пушкиным. Ждала пришествия гения, который преобразит своим словом всё вокруг: изменит ход истории и судьбы людей, приведёт к гармонии разнородные стихии языка, преодолет в нём преграды между разговорным и книжным, крестьянским и дворянским, церковным и светским, заимствованным и исконным.

Пушкин — Русская Мечта. Каждая эпоха, каждый творец, каждое произведение, каждое слово отдавали свою силу, свой свет, чтобы однажды воссияло солнце Пушкина. Народные сказки, «Слово о полку Игореве», Державин, Карамзин, Жуковский — во всём и во всех предощущение Пушкина.

Пушкин — вершина русской жизни, с которой мы будем соотносить былое и грядущее. Пушкин — мера всего: гениальности, требовательности к себе, искренности. С Пушкина началось новое летосчисление русской литературы, новая временная ось — от Пушкина до бесконечности. Поэт будет жить во всех последующих эпохах, никакая власть, никакая идея не отменит Пушкина. Никто не обойдётся без него: ни школьник, впервые открывший «Родную речь», ни влюблённый юноша, ни боец, идущий в атаку, ни учёный, постигший новую тайну мироздания.

А всё потому, что мы мечтаем, как мечтал Пушкин. Каждого из нас томит *«духовная жажда»*, утолимая лишь *«божественным глаголом»*. Над каждым сияет *«звезда пленительного счастья»*, и в её свете и *«береги честь смолоду»*, и *«буду век ему верна»*, и выстрел у Чёрной речки,

и *«Кончена жизнь!»*, и *«дух смирения, терпения, любви»*.

Пушкин стал рассеивающей линзой русской словесности, русской мечты. Все, кто пришёл в мир после него, — пушкиноязычны, все понесли в себе свет пушкинского солнца.

Лермонтов — тот, кто в своей гениальности стремится к равновеликости Пушкину, тот, кто предстоит одесную вседержителя русской поэзии. Лермонтов явил противоречивость Русской Мечты, её метания между жаром и холодом, жизнью и смертью, между демоном — *«духом изгнания»* и прозрением Бога в небесах. Лермонтовская мечта *«просит бури»* и одновременно ищет *«свободы и покоя»*. Это Мцыри, что, вкусив мёд жизни, умирает, и это горные вершины, что *«спят во тьме ночной»*, когда весь мир успокоенно шепчет: *«Подожди немного, отдохнёт и ты»*.

Лермонтовская мечта — знойный сон *«в долине Дагестана»*, где спящему снится сон во сне. Спишь — и никак не можешь очнуться. Кажется, вот она — явь, но нет, новый сон. Мечта уводит всё дальше, всё глубже, будто там, в самой сердцевине, в распавшемся бутоне сна откроется мечта во всей полноте и чистоте, без тяжёлых дум о своём поколении, без *«надменных потомков»*.

И в этой мечте предстанет лермонтовский герой — герой нашего времени. Все увидят в нём не «лишнего человека», не холодного фаталиста, а *«тревожную и метущуюся душу»* — страстную, рвущуюся за горизонт, как сама Россия.

Эту русскую душу в образе мчащейся тройки воспел Гоголь. Могучие кони, в чьи гривы вплетены буйные ветры, в какой-то миг становятся невесомы, легки, крылаты, словно сказочная жар-птица. Куда летит она? К чему устремлена? Услышать на это ответ — гоголевская мечта. Но душа России безмолвствует. А может быть, ответ не слышен сквозь гул мёртвых душ, ставших чужеродными России, Русской Мечте?

Гоголь уповал на то, что души удастся оживить, что во всё помертвелое получится вдохнуть жизнь, что второй и третий тома поэмы будут не о грехе, не о скудости, мшелоимстве и стяжательстве, а о просветлении. Но промысел был иным. Задуманное не воплотилось не потому, что не хватило силы творческого гения. Рукопись в огонь бросает не отчаявшийся Гоголь, а надеющийся на то, что грех может быть попалён: если сжечь его на страницах поэмы, то и в реальности его можно будет одолеть, и тогда ничто не затмит Русской Мечты.

Гоголь прозрел её Пасхальный свет. То, что не удалось в «Мёртвых душах», он воплотил в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В последней главе книги — «Светлое Воскресенье» — Гоголь свидетельствует: *«есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близко-го закону Христа, — доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства»*.

На Пасхальный свет Русской Мечты каждый будет идти своим путём, каждый обретёт источник этого света. Для С. Т. Аксакова им станет Аленький цветочек из сказки ключницы Пелагеи. Аленький цветочек — последняя надежда мира, который погряз во тьме, опротивел сам себе. Он бежит от самого себя, но пока есть Аленький цветочек, мир можно спасти. Главное, чтобы диво дивное оказалось в руках непорочного человека, может быть, последнего праведника, способного сквозь внешнее уродство разглядеть теплящуюся красоту, способного ради страждущего пожертвовать собой. Аленький цветочек — свеча, которую укрывают от лютых ветров, которая не должна погаснуть. Она освещает дом русского человека, озаряет пруд и ручей, луга и пашни,

как в «Детских годах Багрова внука» и «Семейной хронике». Дом, где живёт свет Аленького цветочка, безграничен во времени и пространстве: молитвами дом соприкасается с небом, сказками и песнями, с корнями родового древа.

Вслед за Аксаковым русская литература в XIX веке мечтает о доме. Герои Тургенева либо тоскуют по отчему крову, либо спешат домой, либо радуются пребыванию в родных стенах. Дворянское гнездо и Бежин луг, патриархальный дом Кирсановых — мечта, взлелеянная писателем. Герой «Записок охотника» в поисках насельников русского дома идёт по губерниям, собирает лица и судьбы, страдания и радости — всё драгоценно для домостроительства.

Некрасовские мужики из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» подобны сказочным путникам. Их ведёт за собой мечта, чтобы даровать смысл, открыть то, что, казалось бы, совсем рядом, то, что во всех и в каждом. Их хождение — поиск самих себя: вышли из дома в надежде на счастье, а оно у родного порога запрыгнуло в котомку, проделало вместе со странниками долгий путь и вернуло их домой. Но на этом пути они обрели песню о Русской Мечте, песню Гриши Добросклонова о матушке-Руси:

Слышал он в груди своей силы

необъятные,

*Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья
народного!..*

Песня, явившаяся откровением в ночи, не даёт уснуть, от неё хочется ликовать, её хочется вложить в уста каждому взамен песням о неизбывной печали.

Гончаровский Обломов тоже разлучился с домом, но не ушел из него, а будто разминутся с ним на новом витке времени: дом остался где-то в благословенном детстве, а течение жизни прибило

Илью Ильича к чужой стороне, где всё бессмысленно, всё бесцельно. Но встреча с домом, пусть не наяву, а во сне, однажды случится. Сон Обломова — Русская Мечта об утраченном рае. Обломовка — это райский сад до грехопадения: *«Небо там, кажется, ближе жметя к земле, но не с тем, чтоб метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять её покрепче, с любовью: оно распротерлось так невысоко над головой, как родительская надёжная кровля, чтоб уберечь, кажется, избранный уголок от всяких невзгод»*. Здесь нет ни зависти, ни корысти, ни лжи. Смерть не знает пути в Обломовку, время тут никого не подгоняет, а, напротив, шепчет: «Не спеши... Впереди вечность». Городское окружение Обломова — не изгнанники из Рая, они просто не ведали подобного благоденствия, оттого непрестанно чего-то ищут, но никогда не осознают, что именно нужно искать. А в Обломове живёт образ рая, он последний его носитель, его хранитель. И если, уподобившись остальным, пустишься в бесконечную гонку, то потеряешь эту заветную частицу, это невесомое семечко, из которого когда-нибудь может вновь разрастись русский рай, расцвести космос Русской Мечты.

Космос — мечта Тютчева. Но тютчевский космизм иной, нежели ломоносовский или лермонтовский: не открывшаяся бездна и не разговор звезды со звездой. Это слияние античного и христианского Космоса, вселенской гармонии, противостоящей хаосу, и Вседержителя, отделившего свет от тьмы, создавшего небо и землю в первые дни творения. Оттого звезды — это очи Бога, которые отразятся в водах «последнего катаклизма». Но даже если этот катаклизм будет попущен, он не станет концом света — свет бесконечен — он окажется концом земной истории. А небесная история продлится в тех пространствах, куда мы направляем телескопы и куда однажды устремится

человек, преодолев земное притяжение. Мечта поэта о космосе сродни мечте Чижевского и Циолковского. Тютчев сумеет на мгновение увидеть Землю, окутанную водами Мирового океана, будто посмотрит на неё через иллюминатор космического корабля:

Как океан объемлет шар земной,

Земная жизнь кругом объята снами;

Настанет ночь — и звучными волнами

Стихия бьёт о берег свой.

Впервые Творец позволит своему творению взглянуть на планету извне, избрав свидетелем тайны мечтателя с просветлённым сердцем.

О таком просветлённом сердце, о «положительно прекрасном человеке» будет грезить Достоевский, станет пробиваться к нему через бесов и «тварь дрожащую», через Великого инквизитора и «морозную язву». Достоевский возмечтает создать образ человека, в котором сохранилось всё лучшее, который последовал завету Спасителя «будьте как дети». Князь Мышкин, старец Зосима, Алёша Карамазов — во всех упование Достоевского на то, что на земном пути можно встретить святость. Только важно уверовать в неё, как уверовал Алёша после кончины своего духовника: *«Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю... Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звёздною... Алёша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал её, он не давал себе отчёта, почему ему так неудержимо хотелось целовать её, целовать её всю, но он целовал её плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить её, любить во веки веков... Он плакал в восторге своём даже*

и об этих звёздах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился испуга сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а «за меня и другие просят», — прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твёрдое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твёрдым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга».

Плач Алёши Карамазова — Русская Мечта. Это плач обретения веры, когда все вокруг хотели доказательства: ждали от тела почившего старца благоухания, а ощутили смрад и уныли духом. Плач Алёши — плач великого счастья, великой свободы, когда душа не требует сотворения чуда, сошествия Распятого с креста. На такую свободу, такую веру откликается всё мироздание, от неё ликует каждая былинка. Такая вера рождает ту драгоценную красоту, что спасёт мир, своей преобразующей силой искоренит в нём зло.

«Непротивление злу насилем» — мечта Льва Толстого. Зло будет одолено не «дубиной народной войны», а «текучестью человека», что уподобится реке, уходящей в небеса. Душа будет возрастать, будет трудиться, преодолевать в мире противоречия между человеком и человеком, народом и народом, мужчиной и женщиной, любовью и нелюбовью, идеей и идеей. Противоречия копятя в мире, словно яды. Болезненные нарывы время от времени вскрываются и оборачиваются войнами, смертями, неутешным горем. Возрастающая душа, по Толстому, способна «сопрягать», находить точки единения, образы

непротиворечия. Небо Аустерлица, увиденное раненым Болконским, — такой образ: «Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно... — подумал князь Андрей, — Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..» Никакие противоборства не достигли небес, всё земное осталось земле. Небо — абсолютная гармония, в нём «эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру».

Рубеж XIX–XX веков — время особо острого противоречия между человеком и временем. Человек попадает в паутину дней, где не распознать ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Вытягиваешь из этой паутины нить, надеешься, что она приведёт тебя в будущее, а оказываешься в минувшем. Хочешь вспомнить о былом, а попадаешь в безвременье. Мечта русской литературы в этот период о том, чтобы человек жил в ладу со временем.

Мечта Чехова — мечта о минувшем, о вишнёвом саде, куда можно вернуться, возродив в действительности всё однажды пережитое. Мечта о том, что сад не будет вырублен, что стук топоров лишь померещился, ведь нельзя уничтожить память. Но время сильнее памяти, длиннее и дольше её. Память может разминуться с жизнью, если человек не успевает за временем.

Сродни чеховской мечте о вишнёвом саде бунинская мечта об антоновских яблоках. Душистый аромат повеет из прошлого, достигнет даже на чужбине, но их уже не осязать, их уже не вкушать, как молодые яблоки в сказочном саду, и не стать юным, не обрести вновь

лёгкого дыхания. Но заветная мечта Бунина — мечта о грядущем, мечта о чистом понедельнике. Чистый понедельник — преобразившийся мир, где есть что-то большее, чем любовь земная, отчаяние после расставания, где взор той, что облачилась в монашеские одежды, источает небывалое счастье и несёт о нём весть всем живущим.

Мечта Куприна тоже о счастье. Оно заложено в мир, припасено, как драгоценность, но ему не суждено сбыться ни в настоящем, ни в будущем. Это счастье прошло параллельно жизни, в каком-то ином её измерении, в другом её сценарии. Гранатовый браслет — свидетельство о счастье, случайно попавшее в реальность из непрожитой жизни. Гранатовый браслет — мечта о том, что параллельные однажды пересекутся, и счастье случится.

Мечта всегда влечёт за собой поэтов. Взлёт мечты — это взлёт поэзии. Оттого Серебряный век в вершинных стихах вершинных авторов — эпоха не «упадка», а мечты «без конца и без краю». Неслучайно основные течения Серебряного века несут идею восхождения, движения вперёд, поиска смыслов. Футуризм устремляется в будущее, акмеизм покоряет поэтические вершины, символизм сосредоточивает опыт всей мировой культуры, чтобы открыть новые дороги для мечты. Ей скучны «проложенные и мерные» земные пути, «мечта мечту в душе торопит». Мечты поэтов воспаряют, уподобляясь орлам, «кричащим в лазури».

Прекрасная дама Александра Блока — не просто возлюбленная, не только муза, это «вечная женственность», в которой живёт и верность жены, и забота матери, и пламень сердца, и кроткое благоговение. От века к веку русская словесность собирала мозаику вечной женственности: Василиса Премудрая и Ярославна, бедная Лиза Карамзина и Светлана Жуковского, пушкинские Татьяна Ларина и Маша Миронова, Ася Тургенева и русские

женщины Некрасова. Блок будто сконцентрировал все эти образы, облёк их в «*ризы величавой Вечной Жены*». «*Девушка пела в церковном хоре*» — и мир обретал надежду, ковчег спасения из житейской бури выходил к тихой пристани. «*Дыша духами и туманами*», садилась у окна Незнакомка — и зримая красота овеивалась тайной, то, что было так близко, становилось недостижимо, что было таким желанным, озарялось целомудрием. Россия останавливала на поэте смиренный «*взор из-под платка*» — и верилось, что всё преодолимо, что «*дорога долгая легка*», что впереди ещё «*годы золотые*».

Николай Гумилёв — самый имперский поэт своего века, певец могучей державы — возмечтал о «*солнце духа*»: о великой работе, о служении, о подвиге, о мире, где воскреснут «*увянувшие розы*» и оживут «*мёртвые соловьи*», где вновь расточится благоухание и раздастся дивное пение. Поэт «*песней битв*» любовно зачаровывает мечту. «*Вековая, святая мечта*» — Победа, которую «*так сладко рядить, словно девушку, в жемчуга*». Поэт-победитель — «*носитель мысли великой*», потому не может умереть, потому мечта бережёт поэта. Добытое им знание не утратится: через особое «*шестое чувство*» всё невысказанное, недосказанное воспарит на горные хребты, чтобы стать вдохновением, откровением для новых поэтов. Вдохновение и есть шестое чувство. Шестое чувство и есть мечта.

«Председатель земного шара» Велимир Хлебников жил неуёмной мечтой о словотворчестве. Нужно перешагнуть во времени через собственный век, через век Золотой, через века всех былых языкотворцев, чтобы пробиться к фольклору, взять с собой вещей Боянов на «пароход современности». Драгоценный фольклор, где корни только-только обрастают суффиксами и префиксами, где смыслы ещё не размылись оттен-

ками значений. В нём всё кажется названным точно и ёмко, своими именами. Очищенный корень слова, оголённый нерв смысла — мечта Хлебникова. Мечта о возврате к началу языка, к праязыку, чтобы пойти иными путями, чтобы родить новые словари новых слов, которых так не хватает для выражения поэтической мысли: «*усмей, осмей, смешики, смеюнчики*». Но сколько ни «*заклинай смехом*», корень всё равно не в силах давать бесконечные отростки, а значит, от словотворчества надо переходить к корнетворчеству. Привычное значение со слова снято, форма его разрушена, осталось только посягнуть на звук. Так в мечтах Хлебникова рождается «*заумь*»: «*бобэоби... взэоми... пиэо... лиэээй... гзи-гзи-гзэо...*» Это не мудрование, не игра, не профанация, не заумности. Это стремление превратить слова из рабов значений, вместилищ смысла в творцов идей. Слово должно стать первично, оно будет определять суть явлений, устройство мира.

Маяковский — футуристический единомышленник Хлебникова в пору юности — напротив, старался даровать слову прочнейшую материю, чтобы его хватило на столетия, чтобы оно смогло «*трудом громаду лет прорвать*». Неветшающее слово-металл — мечта Маяковского. Слово, что добывается, будто радий, из недр бытия. Слово-ратник, облачённое в доспехи, «*полководец человеческой силы*». Из такого слова рождаются весомые и зримые стихи, что «*готовы к бессмертной славе*». Из таких стихов слагаются поэмы, подобные артиллерийским орудиям. Каждый залп — град идей, разрушающих всё помертвелое, пошлое, банальное, лукавое. Несокрушимое слово заставляет по-иному идти часы русской поэзии, рождает такие сплавы смыслов, такую взрывную волну, что новая эра неминуема. «*Я знаю силу слов, я знаю слов набат...*» — протрубит поэт-рудокоп, поэт-сталевар, поэт-артиллерист, и строка оборвётся, стихотворение

не допишется, потому что слово уже умчится в грядущее.

Слово Есенина — тоже металл, но не тяжёлый, не сплав, не свинец и не чугун, а драгоценное золото высочайшей пробы. «*Золото волос*», «*золотая дремотная Азия*», «*роща золотая*», «*золото холодное луны*», «*солнца луч золотой*», «*золотые далёкие дали*», «*снов золотых сума*», «*золотая бревенчатая изба*». Из всего этого Есенин сотворил золотые ключи — «*ключи Марии*», ключи души. Тот, кто ими владеет, ведаёт великую тайну чистоты и святости. Поэт должен сделать всё, чтобы ключи не достались «*чёрному человеку*», чтобы святыня души не была поругана. Душа у Есенина — это Родина. Завет «*ищи Родину*» значит «*ищи душу*»: ищи в себе живую струну, которая не ослабнет и не лопнет, не даст фальшивой ноты, а родит пронзительный звук, способный коснуться небес. Есенин искал Родину во многом, берёт её в «*Руси бесприютной*» и в «*Руси уходящей*», обретал в «*Руси советской*»: «*Мать моя — Родина, я — большевик*». Но поэт-«*большевик*», охваченный «*музыкой революции*», — ещё и старообрядец. В его руках и красное знамя новой эпохи, и расшитый рушник, где предки в замысловатом орнаменте донесли весть о встрече земли с небом. Поэт был убеждён, что если хочешь сотворить новую мечту, то непременно должен сберечь старую, которая прошла через века, которая, словно конёк на крыше деревенского дома, вытянула за собой целый мир. И без этого мира светлого грядущего не построишь. Не преобразишь всего человечества, если не сбережёшь собственную душу, если потеряешь ключи от неё. Старообрядчество Есенина — в готовности пострадать за самое сокровенное, уйти в затвор, отречься от земных радостей, сжечь самого себя, только бы сохранить Родину — ту, что каждому «*вольёт в грудь теплынь*». Есенин — последний охранитель патриархальной

России, «*последний поэт деревни*», которую он отбивает от «*каменных рук шоссе*», где среди «*стальной конницы*» ещё хочет видеть «*живых коней*». И когда есть эта деревенская родина, уже «*не надо рая*», ведь она и есть рай, потому что там живёт душа, что звучит Божьей дудкой.

Такое сочетание тонкой души и прочной материи, в которую она облачена, золота Есенина и свинца Маяковского — рождает новый тип человека, новый тип героя, определившего путь советской литературы. Это «*светлые души*», закалённые, как сталь. Люди, «*за годы сделавшие дела столетий*», готовые принести себя в жертву ради справедливости.

Горьковский Данко — предвестник таких героев. Его сердце дарует свет в самое тёмное время суток. Это «*уголь, пылающий огнём*», однажды водвинутый в «*отверстую грудь*» шестикрылым Серафимом. И пусть коварный «*осторожный человек*», уже выбравшись из чёрного леса, растоптал сердце Данко, но оно, как и капли крови Сокола, однажды вновь «*вспыхнет во мраке жизни и много смелых сердец зажжёт безумной жаждой свободы, света*».

Павка Корчагин, что «*посвятил себя борьбе за всё человечество*», даже ослепший мечтает вернуться в строй, продолжить бой книгой о бое, сделать слово оружием, равным по силе штыку. Грезит о том, что с утратой зрения не наступит тьма, а всё пережитое явится в сознании в свете алой зари.

Сокровенные люди Платонова одухотворяют материю, превращают механизм в живой организм, меняют ландшафты, разбивают сады посреди пустынь, высвобождают из земных недр море, создают из бесформенных оврагов котлованы, откуда разрастутся «*города всеобщего благоденствия*». Труд сокровенных людей не противоречит природе, а только врачует её, мысль человека делает природу более жизнестойкой и плодородной. В творчестве Платонова,

как в народных сказках, живёт мечта о преодолении смерти как самой страшной несправедливости. И если облагородить мир, как Чевенгур, создать земной рай, то для смерти не останется места, она будет вытеснена, как эпидемия, от которой нашли вакцину. И каждая гибель во имя такой грядущей жизни есть шаг к бессмертию.

И во всех героях молодость, недолимая сила духа, небывалая мощь таланта. Только в такую пору был возможен Шолохов, юношей написавший «*Тихий Дон*». Если осознаешь скорость взросления, мужания в советское время, никогда не усомнишься в том, кто автор грандиозной эпопеи. Наш человек на такое способен. Ранний гений — извечная Русская Мечта, которая воплощается в разные столетия, как Лермонтов, уже в тринадцать лет написавший свои первые поэмы.

Советскую литературу создавали мечтатели, именно поэтому она не выпадает из всей предшествующей русской словесности, не противопоставляется ей, а продолжает её на новом витке, на новой высоте. Кажется, что русское слово никогда не было так близко к воплощению мечты, к её изъяснению. Грезилось, что к солнцу мечты можно подлететь вплотную, рассмотреть его, не ослепнув, омыться его светом, не опалившись.

Не померкло это солнце и во время Великой Отечественной войны. Воссияло с ещё большей силой. Советский человек и литературные герои, им рождённые, сами стали солнцем. Солнцем Правды, рассеивающим адову тьму. Пророческими оказались слова Гоголя о Пушкине как о «*русском человеке в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет*». И он явился в Краснодаре, в Сталинграде и на Курской дуге. Он оборонял Брестскую крепость и Дом Павлова, форсировал Днепр и брал Берлин. Неслучайно первой книгой, изданной в Ленинграде после снятия блокады, была «*Капитанская*

дочка» — роман о чести, которую должно сберечь смолоду, чтобы спасти свою душу и чтобы тысячи вокруг тебя спаслись. Герои войны озарены пушкинской мечтой о непоругаемой чести, их сердца всегда оставались «*для чести живы*». Оттого силы и терпение были неистощимы, оттого единица в бою в одночасье становилась равна миллиону, оттого дух оставался сильнее материи.

Роман о молодогвардейцах Фадеев писал как житие мучеников за веру. В общий строй бессмертного полка с ними встал Маресьев, что, лишившись ног, не лишился крыльев, сберег мечту о небе, в котором не позволил летать вражеским ястребам, которое сохранил для белого голубя, парящего Святым Духом над Россией. Егор Дрёмов — обезображенный в танковом бою, но не утративший красоты русского характера. Доблестный, самоотверженный и одновременно чуткий и трепетный. «*Бог войны*» и бог мира, в котором с Победой восторжествуют счастье и любовь. Христоподобный Сотников, взошедший на Голгофу, не предавший своих святых, не отрёкшийся от них. Он ещё посреди белорусских лесов нанёс врагу мощнейший удар. Шаг Сотникова на эшафот — первый шаг нашей победной поступи, ведь враг уже тогда оторопел, дрогнул, столкнувшись с невиданным мужеством.

Герои Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Константина Воробьёва, Владимира Богомолова, Григория Бакланова, Евгения Носова, Владимира Карпова, рождённые и по горячим следам, и через десятилетия после войны, открыли силами литературы второй фронт — фронт исторической памяти, духовной обороны, так необходимый теперь, когда пытаются победить нашу Победу, оболгать и обесценить её, приписать кому угодно, только бы отнять у народа небесной мечты. Но живое свидетельство о праведном бое, облачённое в прекрасные одежды русского слова, всегда сильнее любой лжи.

Мечта определит в современном творчестве всё. Только она позволит русскому языку остаться русским. Будет мечта — будут новые направления и течения, будет продуктивная борьба эстетик, содержательные творческие споры, возникнут критические школы, появятся глубокие идеи и самобытные стили. Мечта всегда шла впереди слова.

Человек, прошедший войну, одолевший смерть, никогда не утратит смысл жизни. Герой, достойный Победы, бьётся «не ради славы», а «ради жизни на земле». И среди ужасов войны важно не упустить ощущение жизни. Русский солдат хранит в кармане гимнастёрки письмо или фотографию из дома. Он пробуждает жизнь, пробежавшись пальцами по трёхрядке. Он чинит в доме стариков остановившиеся часы, будто снова запускает время жизни. Он может всё; он и плотник, и печник, он поднимет мир из пепла, сделает так, чтобы счастье в этом отстроенном мире было уютно.

Таков Василий Тёркин Твардовского. Мечтатель, живущий в каждом фронтовике, в каждом русском человеке. Его прототипом стал весь народ. Твардовский воплотил в своём герое нашу неизъяснимую суть, что-то самое сокровенное. Потомкам ветеранов хочется не утратить в себе Тёркина, хочется мыслить, говорить, действовать, как Тёркин.

Неслучайно Бунин — человек запредельной требовательности в литературе — так высоко оценил поэму: «какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова». «Василием Тёркиным» Твардовский преодолел преграду между советской и эмигрантской лирой. Доказал, что талантливое русское слово разделений не знает, для него основное мерило — талант. Поверх любых исторических барьеров оно неминуемо воссоединит литературную стихию, осенит её единой мечтой.

Твардовский «книгой про бойца» поднял советскую поэзию на пушкинскую высоту, начал новый поэтический век, сопоставимый с Золотым и Серебряным. Твардовский разогнал локомотив поэзии, дал ему настолько мощный импульс вдохновения, что во второй половине XX века мы, казалось, могли говорить стихами. У каждого поэта военного и послевоенного поколения своя грёза, из которой, как из родника, могут утолять творческую жажду потомки.

Мечта Бориса Слуцкого о том, что каждый поэт станет «свидетелем первого века», постигнет тайну сотворения мира, исправит ошибки, накопившиеся за тысячелетия: «Первый век. Всё сначала. Первый век. Всё впервые. О, какие воспоминанья живые о тебе, первый век». Николай Тряпкин, мечтавший о «времени высоты», в котором после Победы будет жить человек: «Наше право — бессмертье. Наш символ погоды — лазурь». Анатолий Передреев, в чьих стихах живёт идея «вечного материнства», когда всё на свете откликается человеку с заботой и теплотой — «Равнина. Родина. Земля...». Юрий Кузнецов, надеявшийся однажды преодолеть «безотцовство», встретиться с отцом, погибшим в первые годы войны. Он вымаливает отца у всего мироздания, ищет его след на всех путях земных, он поднимает отцовскую тень из мглы братской могилы и ведёт к родному порогу:

— Россия-мать, Россия-мать, —
Доныне сын твердит, —
Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.

«Ночная звезда» Николая Рубцова. Под ней он будет мастерить ветхую лодку, утлый челн, на котором поплывёт в сторону «холмов задремавшей отчизны», к берегам деревни, что покажется «чем-то самым святым на земле».

Святыню деревни, следуя есенинскому завету о ключах души, станут оберегать Белов, Шукшин, Распутин. Их антиурбанизм был не в отрицании прогресса, машины — такие «границы меж городом и селом» их не терзали. Страшным казалось, что в городе все разъединяются, всё расщепляется, противопоставляется: дети и родители, ремесло и творчество, реальность и память, земля и небо. В городе не обрести благодати, не найти лад. Здесь всё разладилось, всё подверглось обмену, продаже, сговору с совестью. В городе невозможен Иван Африканович с его смирением, «привычным делом», размеренным ходом жизни. Невозможны шукшинские мужики, никогда не отчаивающиеся, не унывающие. В городе, где не видно горизонта, где тесно от одиночества, «чистые души» смурнеют. Потому Шукшин устами Разина говорит: «Я пришёл дать вам волю». Ведь воля — пространство для мечты, тот самый потерянный горизонт. Но Разин запоздал.

Валентин Распутин первым осознал, что мечта уходит и из деревни, а значит, окончательно из всей русской жизни. Героини «Прощания с Матёрой» признаются, что мечтать уже поздно, что юность мечты прошла, что наступивший предзакатный возраст не знает чарующих снов. А ведь мечта — замковый камень, без которого всё рухнет, всё горит и тонет. Матёра — дом, где когда-то жила мечта. В имени острова и «мать», и «материк», что теперь уходит под воду. Но для Распутина это не Атлантида, сгинувшая навсегда, а град Китеж, затаившийся в глубоких водах. Быть может, Матёра всё же сохранила мечту, сберегла её от разuverившихся душ. Но придёт

время, и души по мечте затоскуют, взмолятся о ней — и затопленный остров всплывёт, разливая вокруг свет преображения.

Но до этого предстояло пережить время глумления над мечтой, осквернения святынь, поругания героев. Чужеродный русскому сердцу и уму постмодернизм стремился отравить всё ядом иронии, обратить всё в симулякр, когда литература превращается в игру, творчество — в эпатаж и провокацию. Постмодернизм смешивал традиции, образы, стили, цитаты, чтобы превратить всё в абсурд. Сталкивал противоборствующие смыслы, чтобы они пожрали, обесценили друг друга. Постмодернизм пытался оставить от Пушкина только «сукиного сына», спрятать Толстого под условным т, куда можно подставлять величины, стремящиеся к нулю. Тот, кто пробовал найти в постмодернизме мечту, наталкивался на пустоту: снимаешь с персонажа маску, а под ней грим, смылаешь грим, а под гримом чёрная дыра бессмыслицы.

Русское слово не могло долго жить в таком состоянии. Оно готово было умолкнуть навсегда, сделать нас безъязыкими, оставить нам для изъяснения только жесты и цифры. Но появилась спасительная, светоносная книга о. Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Она родилась не из филологических фокусов, не из постструктуралистских концепций, а из жизненного пути, опыта духовного

возрастания. О монашестве здесь написано таким языком, каким Гончаров рассказывал нам сон Обломова, каким Лесков повествовал об очарованном страннике, а Шмелёв о Валааме: *«Всё на нашей земле — простое и сложное, маленькие человеческие проблемы и находения великого пути к Богу, тайны нынешнего и будущего века — всё разрешается лишь загадочным, непостижимо прекрасным и могущественным смирением. И даже если мы не понимаем его правды и смысла, если оказываемся к этому таинственному и всецельному смирению способными, оно само смиренно приоткрывается нам через тех удивительных людей, которые могут его вместить»*. В «Несвятых святых» русское слово укрылось от скверны, как укрывались наши предки за высокими стенами монастыря во время набегов разрушителей. Слову в этой книге стало уютно, всё в ней оказалось родным: вера, природа, Родина. Слово затеплило лампаду мечты. Эту воскресшую мечту изъяснил духовник о. Тихона (Шевкунова) старец Иоанн (Крестьянкин): «Россия, будь такой, какой ты нужна Христу».

Этой мечте созвучно творчество Александра Проханова. Он главный мечтатель нашего времени. Весь его творческий путь через деревенскую, городскую, военную прозу, через романы о неугасимой Империи — это поиск мечты, поиск метафор и образов для неё. Колокольня в окне родительского

дома. Пернатое зернышко, на миг опустившееся на ладонь. Кочующая роза — комнатный цветок, сбережённый в поездках по северным городам. Дерево, распустившееся среди зимы в разрушенном Грозном. Крым, о присоединении которого грезит вся русская жизнь. В этих образах мечта приоткрывает свой лик, но остаётся неуловимой. Проханов всеми силами созидает дом Русской Мечты, желая, чтобы она никогда не покидала Отечества. Храм, окуп, космодром, завод, березовая роща — писатель готов оказаться всюду, где мечта вьёт гнездо. Каждую новую книгу Проханов пишет как портрет мечты, надеется, что современная литература станет литературой не прагматиков, циников и гедонистов, а мечтателей, что не отрекутся от тысячелетнего опыта, а примут от предшественников золото, серебро, самоцветы родного слова.

Мечта определит в современном творчестве всё. Только она позволит русскому языку остаться русским. Будет мечта — будут новые направления и течения, будет продуктивная борьба эстетик, сохранятся творческие споры, возникнут критические школы, появятся глубокие идеи и самобытные стили. Благодаря мечте жизнь органично перетечёт в искусство, искусство станет естественным, а художник начнёт творить, а не вытворять. Мечта всегда шла впереди слова. Путь литературы проложен мечтой. Возмечтаем, доверимся мечте — и не собьёмся с пути.

/ Владимир ЕЛИСТРАТОВ /

Двуглавый орёл Русской Мечты

«Мечта» — очень непростое слово.

С одной стороны, это грёза, фантазия, нечто явно нереальное и неосуществи-

мое. Утопия. «Мечтать» — значит «строить воздушные замки», «витать в облаках» («эмпириях», «между небом и землёй»), «считать звёзды». Можно «размечтаться»

(«о кренделях небесных», как один из героев фильма «Место встречи изменить нельзя»), «замечтаться», «домечтаться». «Мечтательство» — бессмысленное времяпровождение.

Неслучайно слово «мечта» — объект бесконечных шуток: «мечтать не вредно», «сбылась мечта идиота» у И. Ильфа и Е. Петрова, тост «за сбытё мечт». Кстати, отсутствие формы множественного числа в родительном падеже — достаточно мистический факт, до сих пор глубинно не познанный. В русском языке, скажем, «много генералов», но «много солдат». Почему? Семантическая тайна.

Существуют и совсем уже «экстремальные», даже в чём-то экстремистские примеры. В 90-х гг. «мечтой импотента» называли целый ряд монументальных памятников в Москве (мемориал Циолковского около ВДНХ, памятник Гагарину, памятник русско-грузинской дружбе на Тишинской площади). Мечта в некоторых диалектах русского языка — это еще и умопомрачение, призрак, видение. Другие языки могут ещё больше расширить значение этого слова. В английском, например, «dream» — ещё и сон, сновидение. То же и во французском, и в испанском. Самая знаменитая песня Кальдерона — *La vida es sueño* («Жизнь есть сон», она же «мечта»). Русская мечта этимологически связана с «miso», что значит мерцать, трепетать, сверкать, прищуривать, подмигивать. Русское мигать и миг тоже связаны с «miso», а значит, и с «мечтой». Посмотрите словарь Даля: там «мечта» — именно думы о несбыточном, эфемерном.

С другой стороны, мечта — это конкретное желание, задача совершенно конкретная, к тому же это желание очень сильное. «Желать» — это не просто «хотеть», а «жаждать», «вождедель», «алкать», «спать и видеть». Мечту можно и нужно «лелеять». «Поверь в мечту», — поют нам «Земляне». «Мечты сбываются и не сбываются», — мудро констатирует Ю. Антонов, но тут же резюмирует, что «всё хорошее и есть мечта».

И это совершенно не глупо. Действительно, если у человека

или у народа нет мечты, то есть некоей позитивно-пассионарной стратегии развития, то это значит, что они «выдохлись». Народ без мечты — «смертник», «живой труп». В этом смысле «мечта» глубинно — антоним «общества потребления» с его сиюминутными мёртвыми «тактиками», где «мечтают» только о новом смартфоне.

Пушкин пишет: «Мечты, мечты! где ваша сладость? Где вечная к ней рифма «младость»?» Это всё относится не только к человеку, но и к народу. Мечтать может только молодой и пассионарный народ. Таковым русский народ и является. Дело даже не в гумилёвском «возрасте этноса». Теория этногенеза слишком, на наш взгляд, детерминистична и «безнадёжна». Любой этнос в этой теории как бы обречён. Но суть-то в том, что можно прозябать без мечты и в молодости, а можно иметь мечту и в старости. «Главное, ребята, сердцем не стареть», «не стареют душой ветераны», «не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» и т. д. и т. п. «Мечта» — это ещё и смысловой антоним «уныния», «хандры», «депрессии».

Особенность Русской Мечты, на наш взгляд, заключается в том, что она диалектически синтезирует в себе «строительство», казалось бы, «воздушных замков» и стремление к осуществлению конкретных задач. При этом второе невозможно без первого. Является ли воздушным замком, грёзой, утопией «воскрешение всех мёртвых и расселение их на звёздах» Н. Федорова? Сложный вопрос. Но без этого «мечтательства» не было бы К. Циолковского, Ю. Гагарина и МКС. Уэллс назвал Ленина кремлёвским мечтателем («dreamer») с явным ироническим оттенком, но выяснилось, что всё-таки «осуществляются мечты» (ГОЭЛРО), в чём он сам и убедился в 1934 году.

Между «мечтой-утопией» и «мечтой-задачей», этим двуединым «двуглавым орлом» русской мен-

тальности находится колоссальное количество промежуточных вариантов.

В художественной литературе, пожалуй, самым глубоким знатком Русской Мечты был Достоевский, давший нам сложнейшую типологию «русского мечтательства» (от «мечтателей-фланёров» до «мечтателей-альтруистов» и т. д.). В рамках проекта «Русская мечта», нам кажется, будет необходимо подробнейшим образом проанализировать именно Русскую Мечту Достоевского.

Достоевский отчётливо видел все плюсы и минусы Русской Мечты, всю созидательную силу и, вместе с тем, все её «подводные камни», опасности и перекосы. И если сначала писатель относился к «русскому мечтательству» более-менее скептически, то поздний Достоевский уже очень чётко осознаёт, что без мечты-грёзы Россия никак не может достичь конкретных целей. Для сравнения: именно в русском театре появляется система Станиславского, который вводит термин «сверхзадача». Его знаменитое «не верю» есть не что иное, как констатация отсутствия синтеза этих двух русских «мечт». Полностью вжиться в образ невозможно, но если не стремиться к достижению этой сверхзадачи, если, иначе говоря, не верить в «Град-Китеж» своей роли, то лучше вообще не играть.

В настоящее время руководство России ещё не вжилось в свою роль, оно только начинает осознавать свою геополитическую и геокультурную сверхзадачу. Оно находится где-то на стадии мхатовских этюдов, бесконечно катаясь на велосипеде по планетарному супермаркету и выслушивая бесконечные «не верю». Прежде всего — от собственного народа. Но осознание необходимости сформулировать наконец-то эту синтетическую русскую сверхмечту есть. И это значит, что время Большой Мечты пришло.

Россия космическая

ШЕСТВИЕ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА», КОТОРЫЙ ПЕРЕТЕКАЕТ В ВОЕННЫЙ ПАРАД, – ЭТО ПАСХАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ, ВОПЛОЩАЮЩЕЕ МЕЧТЫ ВЕЛИКОГО РУССКОГО КОСМИСТА НИКОЛАЯ ФЁДОРОВА О ВОСКРЕШЕНИИ ИЗ МЁРТВЫХ. ПАВШИЕ ГЕРОИ БЕССМЕРТНЫ, ОНИ ЖИВЫ НЕ ТОЛЬКО В ПАМЯТИ, ИХ ЖДЁТ СВЯЩЕННОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ.

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

У нас мечта, искусство, наука удивительно близки

*Россия, Россия, Россия –
Мессия грядущего дня!*

А. Белый

Опыт истории и размышления выдающихся русских мыслителей убеждают, что мир России является удивительной самодостаточной цивилизацией. Она не относится ни к Европе, ни к Западу.

В самом деле, любимой, знаковой, символической для Европы является сказка о Золушке. Милая, добродетельная, трудолюбивая девушка действовала строго в соответствии с инструкцией, и Судьба вознаградила её за это, помогла очаровать прекрасного принца.

В наших сказках иное – Иван-дурак сильно проигрывает домовитым, хозяйственным братьям, которые и своего не отдадут, и чужого не упу-

стят. Но в экстремальной ситуации, требующей смелости, честности, отваги именно Иван принимает вызов и делает небывалое, о чём вчера и подумать не мог, да ещё и помогает многим из тех, кто встретился на его пути. И в небе он летает на верном Коньке-Горбунке, и с Месяцем Месяцовичем готов побеседовать, если дело потребует.

Отличается и отношение к ближнему. Идеал свободы и связанной с ней атомизации общества на Западе: «Каждый за себя, один Бог за всех». Императив коллективизма, соборности, общего дела в России: «Сам погибай, а товарища выручай».

Всё это можно объяснить, оглядываясь на тысячелетний путь, прой-

денный нашей цивилизацией. Страна расположена в зоне рискованного земледелия. Если в более благоприятном и мягком климате Западной Европы систематическая, упорная работа так или иначе даёт результат и одиночка выживает, то у нас иначе. Иногда «один день год кормит», а иногда работаешь-работаешь, а толку чуть. Без общины, без мира, без больших коллективных усилий не выстоять.

Из Древнего Рима пришёл любимый юристами пароль: «Пусть гибнет мир, но царствуют законы» и отзыв: «Пока царствуют законы, мир не погибнет». И действительно, закон, право, судебная власть являются столпами западной цивилизации.

У нас иначе. Роль важнейших социальных регуляторов играет *культура и совесть*. В огромной стране, где сообщения из конца в конец шли месяцы, а иногда и годы, нет возможности создать такое правовое поле, как в странах, где расстояния совсем невелики по российским масштабам и приходится опираться на смыслы и ценности, понятие о справедливости самих граждан. И очень часто справедливость и милосердие оказываются выше закона... Интересно, что, по данным филологов, в европейских языках нет слов, адекватно передающих понятия «совесть», как впрочем, и «воля», «тоска», «надрыв»... Мы очень сильно отличаемся от Запада. И надежда состоит в том, что мы и дальше будем другими, не соблазнившись перспективой стать неполноценным Западом или «влииться в лоно мировой цивилизации». У нас есть потребность, необходимость и возможность остаться самими собой. В этом и состоит наша «мягкая сила».

Судя по всему, по сравнению с Западом у нас другие механизмы социальной самоорганизации, более подходящие для наших условий. Видимо, поэтому такая форма власти, как советы, были приняты и получили поддержку многих миллионов в отличие от «мэров», «префектов», «омбудсменов», большинства наших депутатов, избранных по европейской моде.

На то, что народ у нас какой-то не такой, «неправильный» по западной мерке, обращали внимание не только недоброй памяти Егор Гайдар, но и русские цари. «Россией управлять не сложно, но бесполезно... Все страны управляются законами и правилами, а Россия живет по пословицам и поговоркам», — говорил царь-освободитель Александр II.

В истории России огромную роль сыграло православие, и при этом образ Бога, отношение к нему было совсем другим, чем на Западе. В 1517 г. Мартин Лютер прибил на дверь собора в Виттенберге 95 тезисов, касавшихся вопросов веры, и положил начало Реформации. По ходу обсуждения

этих богословских вопросов в Германии, как утверждают некоторые историки, было перебито 2/3 населения. Вопросы-то важные. Протестантство связало материальные и финансовые успехи граждан с одобрением их деятельности Богом. По мысли выдающегося социолога Макса Вебера, это сыграло огромную роль в развитии капитализма.

У нас иначе. Один из символов православия — Сергей Радонежский, служение, а не проповеди которого оказали огромное влияние и на образ мира, и на историю России. У нас удивительная страна, которую «аршином общим не измерить». «Россия отличается от всех других стран тем, что управляется Господом Богом, потому что иначе совершенно нельзя понять, почему она до сих пор существует», — писал политик и вельможа Христофор Миних.

Многие важные вещи поэты чувствуют острее и могут выразить в нескольких строках. Александр Блок писал: «Может быть, Россия и есть торжество «внутреннего человека, постоянный укор внешнему». Если историческую личность Запада можно сравнить с экстривертом, то мы, конечно, интроверты. Поскольку «Не в силе Бог, а в правде», важно быть, а не казаться, важно внутреннее, а не внешнее. Может быть, во многом именно поэтому Запад не может понять и принять Россию? Великий Лейбниц, выдающийся полководец Наполеон и ещё многие знаковые фигуры Запада грезили о том, чтобы покорить или «приручить» Россию, уменьшить её влияние на происходящее в мире. Сейчас во многих странах большая доля населения воспринимает нашу цивилизацию как угрозу, а она — надежда для всего мира и для нас тоже.

Огромную роль для нашей цивилизации всегда играл образ Будущего. Именно поэтому мечты о рае на земле, который впереди, коммунистический проект, идеи русских космистов созвучны духовному строю нашего народа.

Огромную роль для нашего народа играет то, что позволяет изменить мир

к лучшему, прорваться в будущее — технологии, образование и наука. Поэтому гуманитарно-технологическая революция, ставящая во главу угла человека, даёт огромные возможности нашей цивилизации. И, естественно, в эти сферы наносится основной удар оппонентами России.

Экономическое развитие нашей страны, по сути дела, остановлено. Очень невелик объём отечественной экономики. Её доля в мировом глобальном продукте составляла 1,8% (Китай — 17,84%, США — 24,32%), что почти столько же, сколько пустынная Австралия, несколько меньше, чем Италия, но ненамного больше, чем город Нью-Йорк. Неудовлетворительны и темпы роста — если глобальный продукт в 2018 г. вырос на 3,9%, в США — на 2,9%, в Германии — на 2,5%, то в России — на 1,7%. И схожая ситуация имеет место уже 5 лет.

Вырваться вперед, «обогнать не догоняя» (пользуясь выражением академика И.В. Курчатова) нам могли бы помочь высокие технологии, использование творческого потенциала, высокого образовательного уровня нашего народа. Тем более что во многих областях мы можем воспользоваться «преимуществом второго — можно не делать многих ошибок и избегать тупиков, с которыми столкнулись первые. Но ... этого нет.

Почему? Одна и та же история происходит на наших глазах много лет. У нас есть удивительные разработки, достижения, которые позволили бы многое изменить не только в нашем отечестве, но и в мире. Беда в том, что в условиях олигархического капитализма пионерские разработки, которые в десятки, а то и в сотни раз эффективнее и намного дешевле, чем то, что сейчас используется, просто не нужны. Олигархический капитализм опирается на растратно-затратную экономику.

И совершенно понятно почему. Ещё в 1930-х гг., развивая теорию выдающегося русского экономиста Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетер, анализируя стратегии крупных компаний, обратил внимание, что только 10%

из них стремятся изменить сложившееся положение вещей, внедряя новшества, а 90% вполне удовлетворены нынешней ситуацией, стремятся «отбить» вложенные деньги и тормозят технический прогресс.

Олигархам на внутреннем рынке не надо конкурировать, не надо стремиться изменить свое положение, — им надо его сохранить. При их привилегированном положении в системе власти свой кусок государственного пирога они всегда получают, независимо от того, будут ли они работать хорошо, или плохо. Просто плохо работать легче. При таких делах «прихлопнуть» изобретателей и инноваторов легче, чтобы не наседали, настроение не портили. В начале года «денег ещё нет», в конце — «денег уже нет», а в середине «деньги уже разделили, но, может, в следующем году что-то получится». Ещё одна хорошая присказка: «Это очень интересно. Вы всё это разработайте сами, выпустите, наладьте производство, а если нам понравится, то мы купим».

Классический случай, проясняющий суть, блеск и нищету олигархического капитализма произошел с математиком, экономистом, журналистом, создателем интернет-агентства Anna-news Маратом Мусиным. Он вместе с коллегами создал программный комплекс «Ариадна», позволяющий проследить, сколько денег украдено, а сколько выведено за рубеж крупнейшими российскими компаниями. Сделали комплекс, показали, что он отлично работает, даже выпустили книжку по его поводу. Никакого эффекта. В конце концов, он выступил на престижной Всероссийской конференции. Когда нашему крупному бизнесу было трудно, государство ему щедро помогло. «Ариадна» оценила, сколько денег ведущими компаниями России было выведено за рубеж, и оказалось, что чем больше компания вывезла, тем ей больше помогли. И опять никакой реакции. Наконец, результаты этой работы дошли до премьер-министра и произвели на него большое впечатление: «Это очень важно. Ждите. Вам позвонят

в ближайшее время». Прошли годы, но звонка Марат так и не дождался.

Он обратился в несколько крупнейших российских компаний, проанализировал их хозяйственную деятельность и показал, что их реальный бюджет на основе данных «Ариадны» и уменьшении доли того, что рассовывается по карманам, можно увеличить более чем на 10%. «Да, мы и сами знаем, что у нас много воруют. Конечно, это можно уменьшить. Но зачем?» — сказали ему в одной из ведущих компаний России.

Когда талантливые люди не могут реализовать свои замыслы и разработки на родине, это очень плохо. Кажется, Александр III сказал, что Россией правит не он, а столоначальники. Многие страны стремительно рвутся вперед, а мы... «бежим на месте». И дело не только в том, что теряется историческое время и упускаются прекрасные возможности. Меняется сама обстановка в обществе. Становится больше грубости, хамства, апатии, безразличия, исчезают общие, объединяющие общество праздники. Когда вся надежда на президента, и ему перед прямой линией приходит 1,5 млн просьб и обращений, то это означает, что не справляются со своими задачами муниципальные, региональные и другие власти.

Разрыв между самым богатым и самым бедным регионами России по душевому валовому региональному продукту (ВРП) достигает 55 раз. По сути дела, люди из разных регионов живут как бы в разных государствах, которые в десятки раз отличаются по уровню благосостояния.

Одной из важнейших социальных технологий является *идеология*, понимаемая как синтез долгосрочного прогноза, образа желаемого будущего, сложившихся научных взглядов на развитие общества. В эпоху гуманитарно-технологической революции, когда делается важнейший выбор, её роль особенно важна. Но по Конституции в нашей стране не должно быть идеологии. Средства массовой информации уже лет 30 приучают народ к отжившей своё вместе с капитализмом

либеральной идеологии, как и положено действовать в слаборазвитых странах третьего мира. А для себя, как выразился один из представителей крупного бизнеса, наша элита видит идеологию БББ (большие быстрые бабки). Но со взглядами временщиков страну, тем более такую, как Россия, не поднять.

У нас отняли будущее, мечту, перспективу. И, вероятно, это самая большая потеря за десятилетия разрушительных реформ. *Нашей цивилизации сейчас как воздух нужна идеология, образ будущего и общее дело, направленное на создание этого будущего.* Будем надеяться, что в ближайшее время все это у нас появится, что люди, видящие Россию и в будущем великой, достигнут успеха.

Будущее, наши победы и успехи рождаются за школьной партой, в университетских аудиториях, на научных семинарах. Поэтому, чтобы лишить страну будущего, надо, прежде всего, развалить систему образования. И в этом реформаторы, ставящие на развал России, добились больших успехов. В качестве палача и «смотрящего» за нашей системой образования уже много лет выступает Высшая школа экономики (ВШЭ). Введение единого государственного экзамена — ЕГЭзация средней школы, болонизация (присоединение к Болонской системе, сломавшее нашу высшую школу), цифровизация и много других «славных» дел на её совести. Возможно, это реализация политического решения людей, которые считают, что невежественными людьми проще руководить (но ведь на них нельзя и опираться). Может быть, это результат вопиющей некомпетентности. Но для пассажиров разбившегося самолёта всё равно, был ли за штурвалом террорист или пилот, купивший диплом.

А идеологи российского образования по-прежнему твердят, что «мы готовим детей к позавчерашнему миру» и что надо учить, главным образом, четырем К: коммуникации, кооперации, креативности и критическому мышлению. Помните четыре И:

инновации, инвестиции, институты, инфраструктура?

Во многих странах проводится тест для среднего школьника PISA, проверяющий способность 15-летних ребят использовать полученные знания. В подобных международных сравнениях советские школьники занимали первые места. Результаты новой России значительно скромнее (см. табл. 1). Наши школьники занимают место в конце третьего десятка.

В таблице обращают на себя внимание два обстоятельства. В лидерах находятся в большинстве своем быстро развивающиеся страны и, прежде всего, Китай. Эти страны вкладывают большие усилия в подъём своей экономики и в то, чтобы на этой основе изменить своё место в мире.

Мы смирились с тем, что наши дети не читают, не умеют говорить и грамотно писать. Это опасно. Как писал Осип Мандельштам, «Всякая попытка механически приспособить язык к потребностям жизни, заранее обречена на неудачу... «Онемение» двух-трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». Но, оказывается, в других странах иначе... Их дети добиваются больших успехов.

Пробелы средней школы не удаётся восполнить в высшей. Я преподаю старшекурсникам нескольких престижных вузов страны. Перед началом своих курсов я даю им небольшую контрольную работу и беседую с ними, чтобы представить их картину мира, — от этого зависит, чему и на каком уровне их можно научить. Задаю вопрос будущим инженерам, которым предстоит рассчитывать атомные реакторы, проектировать гиперзвуковые аппараты и развивать нанотехнологии: «Почему, несмотря на то, что Солнце притягивает Землю, она не падает на него?»

В прошлом году я услышал такие ответы: «Ей не дает упасть световое давление, которое отбрасывает её от Солнца» или «Земле мешают другие планеты, которые притягивают её» и, наконец, «В космосе действуют специальные центробежные кос-

Математика		Естественные науки		Родной язык	
1. Сингапур	564	1. Сингапур	556	1. Сингапур	535
2. Гонконг, Китай	548	2. Япония	538	2. Канада	527
3. Макао, Китай	532	3. Эстония	536	3. Гонконг	527
4. Тайвань	542	4. Тайвань	532	4. Финляндия	526
5. Япония	532	5. Финляндия	531	5. Ирландия	521
6. Китай	531	6. Макао, Китай	529	6. Эстония	519
7. Корея	524	7. Канада	528	7. Южная Корея	517
8. Швейцария	521	8. Вьетнам	525	8. Япония	516
9. Эстония	520	9. Гонконг	523	9. Норвегия	513
10. Канада	516	10. Китай	518	10. Макао, Китай	509
...		
25. Россия	494	25. США	496	23. Тайвань	497
26. Франция	493		24. США	497
27. Великобритания	492	32. Россия	487	25. Испания	496
...		33. Люксембург	483	26. Россия	495
39. США	470	34. Италия	481	27. Китай	494

Таблица 1.
Результаты теста для среднего школьника PISA

мические силы, которые и не дают». В этой группе магистров последнего года не было ни одного правильного ответа, в то время как среднему советскому восьмикласснику ответ был совершенно очевиден.

Мы пытаемся дать высшее образование тем, кто не имеет среднего. Но других студентов у нас нет. Надо работать с теми, кто есть. И ребята-то, как выяснилось, толковые, просто их почти ничему не научили, и они очень невысоко оценивают свои шансы получить работу по той специальности, которую получают. Если страна действительно будет совершать рывок (помните слова про 25 млн новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики?), то многое можно будет быстро исправить. Кроме того, профессионализм и совесть обычно оказываются очень тесно связаны.

На стене Стеллинбосского университета — одного из ведущих в ЮАР — есть такая надпись: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащимися на экзаменах. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров.

Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования — это крах нации». К сожалению, это пока про нас. Стремительная дисквалификация наших специалистов — очень серьёзная угроза для России.

Простейший способ развалить любую сферу жизнедеятельности — начать её активно реформировать, никак не соотнося результаты деятельности субъектов, дающих указания, с результатами их деятельности и состоянием объекта, который вынужден эти указания исполнять. С российской наукой происходит именно это. Ситуацию точнее всего характеризует анекдот про Горбачёва, популярный во времена перестройки. Народ из колхоза пишет генсеку, что у них дохнут куры в курятнике и спрашивает, что делать. Генсек предлагает и то, и другое, и пятое, и десятое (разумеется, никак не связанное с курами). И в конце он получает телеграмму, что все куры издохли, с грустью вздыхает и говорит: «Как жаль, а ведь у меня ещё так много отличных идей...»

В 2013 г. Российскую академию наук лишили всех её исследовательских институтов, превратив в клуб заслуженных учёных. Но как же заниматься наукой без лабораторий, экспериментов, семинаров? Законодатели это не объяснили. А чтобы не было

иллюзий, РАН-клубу... запретили заниматься наукой. В утверждённом на государственном уровне уставе этой организации в видах деятельности не прописали научных исследований. Значит, и выделить на них деньги нельзя, даже если бы хотелось. Такая вот вишенка на торте. На заседании Совета по науке и образованию в конце 2018 г. об этой несурянице рассказали президенту. Но пока изменений к лучшему не видно. Пока всё в подвешенном состоянии...

Когда приходит время выбора, большое значение приобретают символы, знаки, предвестники. Иногда их осмысление позволяет заглянуть в будущее. На мой взгляд, символом нашей эпохи является история освоения космоса и в нашем отечестве, и в мире.

Космический взлёт начался с сумасшедшей мечты русского космиста Николая Фёдорова, считавшего, что наука будущего даст людям бессмертие и оживит всех умерших людей. Ведь каждый человек — вселенная, сумевшая за краткий миг прожитой жизни воплотить ничтожную часть своих возможностей. Но куда селить это огромное количество людей?

Учитель из Калуги Константин Эдуардович Циолковский задумался об этом, начал писать фантастические романы, грезить о космических городах и поездах ракет, а затем и писать формулы. У нас есть замечательный космический музей в Калуге, и самые интересные экспозиции в нём, на мой взгляд, посвящены мечтам основоположников.

В нашей цивилизации мечта, искусство, наука удивительно близки. Именно поэтому космические проекты оказались для нас очень важны. Мировоззрение основоположников, творивших в 1920–1930-х гг., удивительным образом сочетало идеи русского космизма, христианские взгляды и мечты о советском проекте. Эпоха меняется, и, возможно, такая идеология, такое сочетание материального

и желаемого, реального и идеального возродится в XXI в. на новом уровне.

В 1904 г. выдающийся просветитель Яков Исидорович Перельман издает книгу «Занимательный космос», и школьники начинают рассуждать о полётах на Луну, Марс, Юпитер. В 1936 г. выходит научно-фантастический фильм «Космический рейс» о том, как в 1944 г. советские люди полетят на Луну. Расцвет научной фантастики — наша страна живет будущим...

Группу советских инженеров, знакомившихся с немецкими ракетами ФАУ-1 и ФАУ-2 после победы над Германией, принимал Сталин. Перед ним, как говорили ветераны космической эпохи, положили на стол проекты межконтинентальной баллистической ракеты, спутника, а также полета человека в космос и экспедиции на Луну и Марс.

«Кто всё это придумал?» — спросил Сталин, и все отошли от стола, за которым остался только Сергей Павлович Королёв... «У нас будут ракеты, и советский человек будет первым и в космосе, и на Луне, но сейчас я прошу повторить немецкую ракету ФАУ-2 на отечественной базе из отечественных материалов. Срок один год» — так передавали мне сказанные на той встрече слова. Работа была выполнена, она многому научила инженеров, заставила модернизировать многие предприятия. И после этого начался взлёт советского космического проекта.

Полёт Юрия Гагарина доказал, что наша цивилизация может воплощать свои мечты, открыл человечеству новые горизонты, дал надежду на светлое будущее, стал шоком для США.

Далее стоит процитировать строки из книги С.Г. Переслегина «Возвращение к звездам», где очень точно описано последующее: «Джон Кеннеди, вероятно, был единственным облеченным властью человеком, который воспринял полет Юрия Гагарина не как военный и политический,

но как культурный и цивилизованный вызов. Адекватным ответом США должна была стать высадка на Луне, и Кеннеди санкционировал программу «Аполлон», более ресурсоёмкую, чем война во Вьетнаме, и, наверное, более рискованную, нежели Карибский кризис... Летом 1969 года США выиграла лунную гонку, достигнув решающего преимущества в третьей мировой войне... Замечу лишь, что успех экспедиции Армстронга дал американцам возможность беспрепятственно реализовать свою геокультурную стратегию победы в холодной войне, что дорогого стоит»¹. Американцы показали, что их социально-технологическая система умеет лучше и быстрее воплощать мечты своих учёных и инженеров.

Советское руководство на этом рубеже предало космическую мечту нашей цивилизации, сошло с дистанции, начало гнать сырьё конкурирующей капиталистической системе. Наверно, это был предвестник того, что наше руководство предаст свою страну в 1991 г. Даже если бы мы были на Луне вторыми, мы не свернули бы с пути к звёздам. Нам не дали такой возможности. Это сказало на всём. Первым директором Института прикладной математики был выдающийся математик, механик, президент АН СССР академик М.В. Келдыш. Начиная с первых баллистических ракет и космических полетов и до настоящего времени в Институте обеспечивается математическое сопровождение космических программ.

Академика М.В. Келдыша называли «главным теоретиком космонавтики». Он считал, что будущее советской науки связано с дальним космосом, что космическая отрасль будет локомотивом для всей экономики страны, снабжая высокими технологиями различные отрасли народного хозяйства.

Мне кажется, что мы недооцениваем значение катастрофы советской космической программы 1970-х гг. Так или иначе, космическая экспансия

¹ Переслегин С.П. Возвращение к звёздам: Фантастика и эволюция. — М.: АСТ; СПб «Terra Fatastica», 2010. С. 550, 551, 566.

после неё прекратилась. К середине 1970-х гг. программа «Аполлон» была закрыта. Американскую элиту не интересовали новые горизонты, которые открывались на этом рубеже, демонстрации научно-технического и организационного превосходства США им оказалось достаточно... Активные исследования Луны прекратились на много десятилетий, были потеряны многие технологии и ведущие специалисты, упущены имеющиеся возможности. И здесь опять интересен взгляд футуролога и критика фантастических романов, в которых «проигрываются» иные варианты истории Сергея Переслгина: «Цивилизация есть системный объект, и регресс в одних культурных областях отнюдь не компенсируется прогрессом в других. И оставление Лунного плацдарма не случайно сопровождалось торможением научного и технологического развития; падение производительности, а затем и ликвидности капитала есть просто оборотная сторона кризиса НТР».

И опять-таки это не поэтический образ, а реальность, в том числе и экономическая. С семидесятых годов падает производительность капитала. К концу XX в. этот параметр опустился до уровня 1890-х гг., причём скорость падения нарастала. На рубеже тысячелетий ослабление способности денег производить деньги привело к кризису высокотехнологичных секторов экономики...»². На этом рубеже был сделан поворот от дороги к звездам к виртуальной реальности, от фантастики — к фэнтези. Фэнтези — это будущее в прошлом. Попытка остановить историю или тем более повернуть её вспять — очень опасна. И все эти риски и мы, и мир получили после катастрофы СССР.

Прошли десятилетия. Космос превратился в отрасль экономики и вошел в сферу национальной безопасности. Космос начал не только требовать вложений, но и приносить деньги.

Группу советских инженеров, знакомившихся с немецкими ракетами ФАУ-1 и ФАУ-2 после победы над Германией, принимал Сталин. Перед ним, как говорили ветераны космической эпохи, положили на стол проекты межконтинентальной баллистической ракеты, спутника, а также полета человека в космос и экспедиции на Луну и Марс.

«Кто всё это придумал?» — спросил Сталин, и все отошли от стола, за которым остался только Сергей Павлович Королёв... «У нас будут ракеты, и советский человек будет первым и в космосе, и на Луне, но сейчас я прошу повторить немецкую ракету ФАУ-2 на отечественной базе из отечественных материалов. Срок один год» — так передавали мне сказанные на той встрече слова. Работа была выполнена, она многому научила инженеров, заставила модернизировать многие предприятия. И после этого начался взлёт советского космического проекта.

Пройден большой путь. До октября 2017 г. было осуществлено 334 пилотируемых старта, 554 человека побывали в космосе, 213 — выходили в открытый космос, было построено 25 космодромов. Более 40% общих расходов на космос составляют военные программы, но эта доля уменьшается. В космической деятельности участвуют уже 70 стран. Вложения в развитие космической отрасли распределены неравномерно. Например, первая пятёрка по этому параметру в 2016 г. выглядела так: США — \$36,0 млрд, Китай — \$4,9 млрд, Россия — \$3,2 млрд, Япония — \$3,1 млрд, Франция — \$2,8 млрд³. США вкладывают в развитие космической области больше, чем весь остальной мир, вместе взятый. На второе место вышел Китай, обогнавший Россию по инвестициям и сравнявшийся с США по количеству запусков.

Космическая отрасль России находится в глубоком кризисе. В самом деле, мировой рынок гражданского сегмента космической отрасли составляет около \$200 млрд. Около половины — рынок космической инфор-

мации, которую даёт дистанционное зондирование Земли. Ещё примерно столько же — рынок аппаратуры, использующей эту информацию. Но России нет на этих рынках. В то же время запуски, где наша страна жёстко конкурирует с другими, стоят менее 2% от всего бюджета отрасли.

Мы столкнулись со странными авариями отлично отработанных в советские времена систем, со скандалом, когда на двигателях решили использовать «материал подешевле», с которым они не работают. Притчей во языцех стали хищения, невыплаты зарплат, привлечение «странных» компаний во время строительства космодрома «Свободный». Космосом стала заниматься прокуратура.

Конечно, остается восхищаться тем, насколько велик был советский космический задел. Американцам не удалось воспроизвести наш легендарный двигатель РД-170, они до сих пор покупают наши двигатели. Ряд американских экспертов считает, что создание подобной машины потребовало бы строительства целого

² Там же, стр. 559, 560.

³ Дотянуться до звёзд. За чей счёт человечество покоряет космос // Русский репортёр, 2017, 9–23 октября, с.48–49.

города, огромных средств и 10 лет работы. И они не делают этого, вкладывая усилия в создание двигателя нового поколения.

Глубокого уважения заслуживают люди, сумевшие в окаянные 1990-е сохранить уникальные технологии, оборудование, алгоритмы расчётов, коллективы. Однако развитие отрасли требует иного руководства, другого целеполагания. Судьба космической промышленности с полной ясностью показывает, что для развития собственных высоких технологий нужна мечта и систематический упорный труд, и олигархический капитализм, сориентированный в 1990-е на вывоз сырья, как гений и злодейство — две вещи несовместные.

В космической отрасли новые технологии отрабатываются в ходе решения научных задач. Советская наука была флагманом космической отрасли. Когда решался вопрос о запуске первого спутника, на чем настаивал С. П. Королёв, его самым активным образом поддержал выдающийся математик, механик, академик М. В. Келдыш, сумевший убедить коллег и руководство страны, что за этими исследованиями будущее. Мы без преувеличения были «впереди планеты всей». А сейчас?

Посмотрим на ближайший 2019 г. Зонд NASA «Новые горизонты» достиг астероида Ульtima Туле — загадочного объекта Пояса Койпера, который находится в 6,5 млрд км от Солнца, где до этого не бывали космические аппараты. В начале января впервые достиг обратной стороны Луны китайский луноход «Чаньэ-4», который передаёт данные через спутник-ретранслятор Цюэцяо. Во второй половине года начнет работать на южном полюсе Луны индийский луноход «Чандраян-2». Японский зонд «Хаябуса-2» забрал образцы грунта с поверхности астероида Рюгу, чтобы впервые доставить их на Землю. Зонд «Юнона» отправлен к Юпитеру, а зонд «Паркер» — к Солнцу...

А где же наши проекты? Почему их нет?

На мой взгляд, общий ответ на этот вопрос дал выдающийся российский геохимик, член бюро Совета по космосу РАН, академик Э. М. Галимов в книге с характерным названием «Замыслы и просчёты: Фундаментальные космические исследования в России последнего десятилетия. Двадцать лет бесплодных усилий»: «Мне, как человеку науки, видна одна из причин, объясняющая частую неэффективность наших усилий. Это — некомпетентность, проявляющаяся на разных уровнях.

На уровне власти — это недооценка роли фундаментальной науки как наиболее важного вложения капитала в будущее и неумение вести диалог с наукой. Навязывание науке приоритетов и ущербное финансирование. На среднем, организационном уровне, это — неэффективное использование имеющихся средств. Не на высоте оказалась и Академия наук. Здесь нужна умелая и ответственная работа. Её не было. На уровне исполнителей — это постоянная утрата должной квалификации. Всё это звенья одной цепи»⁴.

При таком отношении к делу, как сейчас, во многих областях не удаётся даже удержать уже созданную техносферу. По мировой статистике причиной 90% аварий в воздухе и 70% в море является не техника, а человек... Человек вновь оказывается в центре всего...

Как же выбраться из кризиса совести, атмосферы некомпетентности и безразличия? Если следовать идеям гуманитарно-технологической революции, то нам стоит опираться на три важнейшие сущности — *осознанность*, *ответственность* и *совесть*. Именно это отличает взрослых людей, которые берутся за серьёзное, важное дело, понимают, что жизнь одна и второго дубля не будет, от детей, которые ощущают, что «всё понарошку», а если что не так, то «взрослые всё разрулят»...

Осознанность означает реальную, трезвую оценку своего положения

и своих проблем и возможностей. Известный журналист и политический деятель говорит: «Да, мы сдали Советский Союз, и надо было как-то выплыть. Потом решали проблему терроризма, восстанавливали государственные институты... Русская интеллигенция, русская элита последние сотни лет хочет чего-то большого. То ли империю усиливать, то ли войны выигрывать, то ли шведов прогнать, то ли человека в космос запустить, то ли социализм построить в отдельно взятой стране... Мы должны снова стать такими, немногим помешанными, какими были последние пятьсот лет». Много исторического времени потеряно. Наше место на карте мира — экономической, технологической, демографической и многих других — продолжает сокращаться. У нас нет более возможности что-то делать «сдуру» и смотреть на историю как на аттракцион, где хочется то ли большого проекта, то ли майдана, то ли конституции, то ли севрюжины с хреном...»

Ответственность многолика. В частности, это ответственность перед будущим, предполагающая, что наше поколение решит острейшие проблемы России, не откладывая их на потом и не перекидывая на плечи детей и внуков, и создаст задел на будущее.

Совесть требует исполнения своего долга. Помните, как Верещагин объяснял бандитам, почему он будет делать своё дело. Да потому, что «за державу обидно». Если у нас появится достаточно много людей, которым за державу обидно и которые работают для того, чтобы обидно не было, то половину проблем удастся решить сразу.

И конечно, в пути нам понадобятся компас — Мечта, Образ будущего, Идеология.

Пока у нас есть возможность достойно пройти точку бифуркации, выбрать путь к звёздам, а не безвременье и тьму. Именно этого мир ждёт от нас. Ему стоит дать шанс.

⁴ Галимов Э. Замыслы и просчёты: Фундаментальные космические исследования в России последнего десятилетия. Двадцать лет бесплодных усилий. Изд. 2-е доп. — М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 313 с. — (Будущая Россия).

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Русский космизм и новая мифология развития

КОРНИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Потрясающие воображение успехи советского проекта (запуск первого искусственного спутника Земли, полёт в космос первого человека и многое другое) стали возможными благодаря реализованному на деле уникальному сплаву: возможности свободного преобразующего труда и потребности человека в целенаправленных действиях по изменению окружающего мира. **Русская Мечта о свободном, неотчуждённом труде и переустройстве окружающего мира по законам высшей справедливости относится к числу наиболее фундаментальных «кодов» русского национального характера.**

Именно в концепции свободного труда, направленного на изменение Вселенной, содержалась «главная тайна» СССР — тайна его развития, взлёта и падения. Утрата представления о важности данного фактора и сведение советской экономики практически к «обычной» экономике индустриального государства положило начало движению СССР навстречу своей гибели¹.

Глубоко не случайно, что именно русский космонавт Юрий Гагарин стал первым человеком, преодолевшим притяжение Земли. Ещё в конце XIX столетия скромный московский библиотекарь и одновременно один из основоположников русского космизма Николай Фёдоров (внебрачный сын князя Павла Ивановича Гагарина) выдвинул тезис о неизбежности освоения космического пространства и предрёк лидерство России в этом направлении. Он писал: «*Тот материал, из коего образовались богатырство, аскеты, прокла-*

дывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и т.п., это те силы, которые проявятся ещё более в крейсёрстве и, испытанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимого выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода нестроения, потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига»².

Русский космизм, равно как и инициированный им советский Космический проект (по линии Фёдоров–Циолковский–Королёв), органично вырастает из культурной матрицы Древней Руси и заложенных в ней универсальных ценностей.

На это справедливо указывает историк и религиовед Роман Багдасаров в своей работе «Иконография космизма». В качестве наглядной иллюстрации он приводит одинаково актуальный как для древнерусской элиты, так и для простонародной среды православный иконографический сюжет «Вознесение Александра Македонского».

Предания приписывают деяниям македонского царя не только битвы или устройство всемирного государства, но и научные эксперименты — попытки измерить «высоту небесную и глубину морскую». Для первой цели Александр повелел изготовить воздушный снаряд, в котором грифоны подняли его на высоту «планетных кругов».

Изображение Александра, взмывающего в небо, было чрезвычайно популярно на Руси. Его можно обнаружить на стенах соборов Владимиро-Суздальской Руси, на медных образках

и монетах Тверского княжества XIV века, на одеждах священнослужителей. Эпизод с полётом македонского царя был включён в Лицевой Летописный свод, а «Александрия» переписывается русскими монахами вплоть до XVIII столетия.

Сюжет «Вознесение Александра» восходит к шумерской традиции первой половины III тысячелетия до н.э., согласно которой правитель Киша Этана был поднят на небеса гигантским орлом, а правитель Урука Гильгамеш опускался на дно океана. Оба искали растение бессмертия. Аналогии можно также обнаружить в Авесте, Шахнамэ и Талмуде.

На Руси популярность образа Александра шагнула далеко за пределы аристократических кругов. Как отмечает А.В. Чернецов, «путь, по которому происходило “обрусение” этого персонажа... был пройден практически полностью».

Вознесение Александра Великого воплощало устремлённость к рубежам мироздания, обозначающего предел человеческого могущества. Кроме того, полёт Александра вызывал неизбежную иконографическую ассоциацию с огненным восхождением пророка Илии. Если Александр так и не проник за границу тверди, то Илию сила Божия уносит в иные сферы, недоступные смертному.

Не случайно миниатюра с восхождением пророка Илии включалась в русские космографии. На ряде икон Восхождения (например, 2-й пол. XVI в. из Горицкого монастыря на Шексне) колесо повозки Илии является смысловым центром сюжета. Крылатые кони и колесница входят в многослойную сферу, символизирующую многоуровневость Вселенной. В сербской песне св. Илья просит у Бога дать ему ключ

¹ Лазарев А. К прошедшему Дню космонавтики. Часть третья. // URL: <https://anlazz.livejournal.com/271514.html>

² Здесь и далее многие цитаты приводятся по: Семёнова С. Философ будущего века: Николай Фёдоров. — М.: Пашков дом, 2004.

от «семи небес». Семь небес соответствовали семи известным планетам, «великим звёздам».

В свою очередь, заметим, что семь небес посещает и восхищённый туда в физическом теле допотопный патриарх Енох — главный персонаж апокрифической Второй книги Еноха, сохранившейся исключительно на славянском языке. Находясь на небесах, Енох на протяжении тридцати дней и ночей записывает излагаемые ему ангелом законы мироздания, после чего встречается с Творцом, который рассказывает ему историю сотворения мира.

Весьма показательны, что подобные тексты пользовались чрезвычайной популярностью на Руси. Православные монахи скрупулезно переписывали и сохраняли их (в то время как в рамках ортодоксальной ветхозаветной традиции и отчасти на католическом Западе они уже были целенаправленно уничтожены как «еретические»). И не просто сохраняли, но и распространяли через исторические и моральные компиляции и призванные наставлять православных верующих сборники вроде Мерила Праведного, Четьи-Минеи, Палеи и т.п.³

Попытки Александра Македонского измерить «высоту небесную и глубину морскую» рассматривались в Средневековье как наивысшая степень экспансии, завещанной праотцу Иафету (Быт. 9:27). Важно понимать, что расширение древнерусских государств, а затем Российской империи выражало себя через библейский императив «распространения» — жребий потомков Иафета. С точки зрения историософии выход в космос добавил этому императиву вертикальное измерение. Космический проект — не просто очередной символ русской экспансии, но слияние её символического ряда с архетипом. Таким образом, **советский Космический проект был предопределён «яфетической» самоидентификацией древнерусской культуры, ментальностью первопродчества и геополитическим положением страны.**

ГОРИЗОНТЫ РУССКОГО КОСМИЗМА

В числе главных постулатов русского космизма принято выделять: преобразование физической природы человека через обретение им более высокого онтологического статуса; промежуточность технологического этапа развития; Фёдоровскую идею всеобщего воскрешения отцов и освоение человечеством Большого Космоса.

Человек, по Фёдорову, должен стать орудием «обратного воздействия на породившую его природу для её преобразования и одухотворения». Эволюционное предназначение человека состоит в том, чтобы стать агентом дальнейшего разворачивания самой эволюции, орудием «внесения порядка в беспорядок, гармонии в слепой хаос». Отсюда проистекает идея Фёдорова о *регулирующей* функции человека и человечества. При этом «образец регуляции Вселенной» человек носит в своей нервной системе.

Для Фёдорова очевидна невозможность добиться полной *регуляции* лишь в пределах Земли, зависящей от всего космоса, «который также изнашивается, стораёт, *падает*». Фактически здесь философ подразумевает борьбу человечества против всеобщей энтропии, губительных следствий второго начала термодинамики.

Ареной бессмертной жизни для Фёдорова является только космос в целом, бесконечный и неисчерпаемый в своих энергетических и материальных возможностях. Фёдоров рисует эпические картины далёкого будущего, когда органами человека станут «аэро- и эфиронавтические» средства, при помощи которых он будет перемещаться в космическом пространстве: «корабли, *эфирозоты*, электроходы, пловцы эфирного пространства, свободно движущиеся в нём, но не прерывая общения с центром, с очагом, а все вместе, влияя на центральное тело, регулируют его ходом, а с ним и ходом всей системы солнечной, всего

хора, всей эскадры Вселенной, флота миров — звёзд».

Однако только долгоживущие или бессмертные создания с радикально *трансформированным* организмом окажутся способными выжить в самых невероятных внеземных средах, освоить и преобразить Вселенную. Прежде всего, Фёдоров понимает перестройку человека как коренное преобразование самого организма человека и его связей с окружающей средой.

Фёдоров вновь и вновь настаивает: «Человеку будут доступны все *небесные* пространства, все небесные миры только тогда, когда он сам будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы и быть в гостях у всех поколений — от самых древнейших до самых новейших, во всех мирах, как самых отдалённых, так и самых близких, управляемых всеми воскрешёнными поколениями, во всех мирах, которые во всей их целостности будут предметом художественного дела всех поколений в их совокупности, как единого художника».

Фёдоров говорит о необходимости глубокого исследования механизма питания растений, чтобы научиться у них *чудесной* способности строить свои ткани, «не пожирая чужой жизни», из солнечного света и неорганических веществ.

Фёдорову вторит другой выдающийся русский ученый и мыслитель — Владимир Вернадский, считавший, что дальнейшее развитие человечества будет состоять «в изменении формы питания и источников энергии, доступных человеку». Здесь Вернадский имеет в виду овладение энергией Солнца, а также умением поддерживать и воссоздавать свой организм, как растения, — из самых элементарных природных, неорганических веществ.

Основоположник практической космонавтики Константин Циолковский, как и Фёдоров, полагал, что в далёкой перспективе «усовершенствованные

³ Подробнее см.: *Комоголицев А.* Славянские тайны Книги Еноха. // Изборский клуб, № 1 (25) 2015. С. 120–125.

сознательные существа» смогут обходиться без искусственных, технических приставок к своим органам, а человечество эволюционирует в состояние более высокого энергетического уровня («лучевое состояние высокого порядка»)⁴.

В отличие от Фёдорова, Циолковский признавал широкое распространение жизни в космосе, в различных формах и ступенях развития, вплоть до самых совершенных. Для Фёдорова земной человек, при всем своём несовершенстве, которое ему предстоит преодолеть, — вершина, достигнутая эволюционным процессом. Для Циолковского человек — один из немногих далеко отставших меньших братьев высокоорганизованных сознательных существ, которые преобладают в космосе.

Однако и Циолковский, и Фёдоров сходятся на том, что всякая попытка преобразования природы и мира без внутреннего изменения самого человека приводит к неизбежному дисбалансу и кризису. В этом выводе русский космизм целиком совпадает с центральной мыслью русской волшебной сказки: для всякого полноценного преобразования мира необходима преображённая личность.

Федорову удалось облечь в философские формулы три определяющие особенности русской ментальности, укоренённые в русской сказке: **всеобщее делание**, основанное на общинно-артельном принципе организации жизни; **всемирность русской души**; **стремление к победе над смертью через всеобщее воскресение**. Последнее стремление представлено в русских сказках сквозными образами молодильных яблок, мёртвой и живой воды, воскрешающей убитого героя.

Для *преображённого* человечества всё мироздание становится ареной всеобщего космического творчества. Фёдоров предчувствует грядущий высший синтез науки и искусства: «...небесная механика, небесная физика и т. д. будут служить к обращению бессознательных движений светил в сознательные: будут

И Циолковский, и Фёдоров сходятся на том, что всякая попытка преобразования природы и мира без внутреннего изменения самого человека приводит к неизбежному дисбалансу и кризису. В этом выводе русский космизм целиком совпадает с центральной мыслью русской волшебной сказки: для всякого полноценного преобразования мира необходима преображённая личность.

служить к управлению ими, к постройке из них прочного здания, храма миров, неудержимо, без видимых опор, в безграничном пространстве движущихся; будут служить освобождению всех миров от уз тяготения, от слепой силы притяжения, делая их орудием выражения взаимных чувств, взаимной любви всех поколений человеческого рода». Таким образом, космическим Храмом человечества становится «само небо, само движение Земли, управляемое мыслью и чувством стройного хора всего человеческого рода».

Важно, что в лице Фёдорова и Циолковского логика прогностической мысли русского космизма радикально противостоит современным энвайронменталистическим идеологиям, призывающим к радикальному сокращению численности человечества, а то и его полному «сворачиванию» как природного вида.

Задачи, которые ставят перед родом человеческим эволюционные законы, как бы выталкивающие человека в соответствии с его природой в необъятные просторы Вселенной, на его новую *преобразовательную* судьбу, может разрешить только колоссальное умножение населения. По Фёдорову — возвращение всех, унесённых смертью.

Циолковский полагал, что для выполнения планетарных и космических целей, стоящих перед человечеством, оно должно умножиться в тысячу и более раз (до 6 миллиардов). Только тогда оно сможет стать абсолютным хозяином почвы, океана, воздуха, космического пространства и самого себя. Одновременно это умножение должно

сопровождаться всё большим достижением общечеловеческого единства.

В 60-е годы прошлого века на закономерность связи взрывного увеличения численности человечества и выходом человека в космос указывал оригинальный советский футуролог и философ Игорь Забелин, развивавший идеи Владимира Вернадского. Вот что он писал по поводу космической миссии человечества: «Определённо создаётся ощущение, что человечество как некое явление природы, как организация, «организм» исподволь готовится к выполнению каких-то новых своих жизненных функций, что какие-то имманентные причины выводят его на неведомые новые рубежи — и поэтому человечество набирается сил, перестраивается, самоорганизуется, подчас мучительно страдая при этом и преодолевая свои страдания. Создание многочисленных очагов разумной жизни в околосолнечном пространстве — это лишь база для выполнения человечеством своей миссии в природе, но ещё не самая миссия. Всё, что сейчас происходит с человечеством, подводит его вплотную к выполнению действительно только ему присущей и предназначенной миссии — к управлению природными процессами сначала на земном шаре, а потом и в околосолнечном пространстве»⁵.

В противовес русским космистам современные энвайронменталисты предлагают человечеству антиэволюционный выбор: они не только призывают к сокращению его численности, но и к отказу от *преобразовательной*

⁴ Чижевский А.Л. Теория космических эр (беседа с К.Э. Циолковским) // Грёзы о Земле и небе. СПб, 1995.

⁵ Забелин И.М. Человечество — для чего оно? М., 1970.

активности. Склоняя человека принять абсолютно равноправное положение среди других живых существ (биоцентризм, экологический эгалитаризм), энвайронменталисты тем самым отвергают библейский завет о «владычестве» человека над всей Землёй (Быт. 1:26). Призывы к радикальному сокращению человечества, разделяемые большинством носителей современного «экологического сознания», противостоят благословию на приращение человечества: *«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»* (Быт. 1:28).

В подобных «экологических» установках отчётливо просматривается стремление обезглавить эволюцию, погасив в человеке эволюционное сознание своей космической миссии, тем самым убрав с дороги существо, через которое происходит духовное прорастание и восхождение.

В этом смысле глубоко не случайно, что в различных течениях современного энвайронментализма (особенно в экологическом феминизме) особое место занимает почитание языческого образа Великой Матери-Природы, Земли, Геи, одновременно порождающей и поддерживающей все свои твари и столь же бестрепетно губящей их. Сквозь этот образ в современный мир активно прорастает Логос Кибелы (она же — Великая тёмная Мать, тёмное верховное божество неолитического матриархата), по мнению Александра Дугина, во многом определяющий структуры современного Западного мира. Начало активной инфильтрации некибелических доктрин во «внутренние» доктрины европейской элиты приходится на эпоху Возрождения, сопровождавшуюся мощным всплеском интереса к античной культуре и древним культам.

Подобно тому, как на заре европейской истории тёмный культ Великой Матери был вытеснен на периферию обитаемой Ойкумены волнами нашествий индоевропейцев и их наследников (носителей курганной культуры Турана), идеи энвайронментализма должны быть *обезврежены* и вытеснены на периферию информационного пространства. Для этого необходима широкая популяризация и деятельная актуализация огромного идеологического потенциала, заложенного в богатейшем наследии русского космизма.

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

В который раз напомним, что **все сколько-нибудь значимые социальные процессы организуются и управляются факторами воображения и мифа**. Отсюда неизбежно вытекает объективная потребность в создании новой научно-технократической мифологии Большого Развития. Мысль о том, что отсутствие новой технократической мифологии мешает российскому инновационному бизнесу не меньше, чем плохой инвестиционный климат и проблемы налогообложения малого бизнеса, прозвучала в экспертном сообществе ещё в 2001 году⁶. Успешные прецеденты создания элементов подобной мифологии имеются как в отечественном, так и зарубежном кинематографе.

Ярчайшим примером *комплексной* реализации такой задачи служит творчество замечательного советского кинорежиссёра, сценариста и писателя Павла Клушанцева (1910–1999). Фильмы, в которых Клушанцев одним из первых совместил научно-популярное кино с научной фантастикой, вызвали огромный зрительский интерес во всём мире. К сожалению, это принципиально новое кинематографическое направление — популярно-фантастический фильм — не нашло своих последователей в Советском Союзе. Зато на его фильмах изучали операторское мастерство Стенли Кубрик

и Джордж Лукас, открыто называвшие Клушанцева своим «крёстным отцом» и учителем.

История Павла Клушанцева — типичный пример очередного Русского Чуда, недооценённого в своем Отечестве. В этой связи вспоминается эпизод с визитом в Россию в годы перестройки Джорджа Лукаса. Когда создатель «Звёздных войн» попросил советских чиновников организовать ему встречу с Павлом Клушанцевым, выяснилось, что они даже не знают, кто это такой.

Клушанцев являлся автором около трёхсот изобретений: новых кинотрюков, технических приспособлений, методов и приёмов комбинированных съёмки, многие из которых были впоследствии заимствованы всемирно известными режиссёрами и продюсерами, включая Стэнли Кубрика, Джорджа Лукаса и Ридли Скотта.

В 1992 году известный специалист в области экранных трюков и киноκριтик, лауреат «Оскара» Роберт Скотак специально приехал в Россию, чтобы расспросить Клушанцева о секретах его уникальных съёмок. Желая сохранить для будущего хотя бы часть своих знаний, Клушанцев безвозмездно передал Скотаку описание, фотографии и чертежи многих своих кинотрюков. Профессиональный опыт Клушанцева Скотак использовал в работе над фильмом «Терминатор 2: Судный день», который в 1992 году был удостоен премии «Оскар» за лучшие спецэффекты.

Журнал «Американский кинооператор», посвятивший в 1996 году к 85-летию советского режиссёра два выпуска, сетовал, что за 40 лет американские специалисты так и не смогли разгадать операторские секреты Клушанцева.

Первый знаковый фильм Клушанцева «Дорога к звездам», в котором режиссер нащупал свой фирменный стиль — документальный научпоп в сочетании с научной фантастикой — выходит в 1957 году одновременно с запуском первого искусственного спутника Земли.

⁶ Медовников Д. В поисках технократического мифа. // «Эксперт», 2001. № 15. С. 62–65.

Первая часть картины рассказывала об основоположнике космонавтики К. Э. Циолковском, истории развития ракетной техники и дальнейших перспективах космонавтики. Вторая часть — научно-фантастическое кино на тему «Как будет происходить освоение человеком ближнего и дальнего космоса». При более чем скромных технических возможностях студии в фильме был очень достоверно и впечатляюще показан эффект невесомости космонавтов. «Дорога к звёздам» была высоко оценена и получила премии I ВКФ (Москва) и I МКФ научных и технических фильмов в Белграде (1958). Фильм имел большой успех не только в СССР, но и на Западе, его закупили в США, где он был показан по каналу CBS в рамках сериала «XX век».

Впоследствии клушанцевский «эффект невесомости» использовал Стэнли Кубрик в своей культовой «Космической одиссее 2001 года» (1968). В одном из интервью Кубрик заявил, что именно Клушанцев «подсказал» ему многие технические решения. Так что без «Дороги к звёздам» не было бы и «Космической одиссеи» — общепризнанной вехи в развитии кинофантастики и мирового кинематографа в целом.

Нужно отметить, что «Космическая одиссея», снятая по рассказу фантаста и футуролога Артура Кларка «Часовой» (1951), в свою очередь, чрезвычайно насыщена космистскими смыслами. В частности, в фильме представлена космистская идея о промежуточности сугубо технологического этапа покорения космоса, необходимого для нового эволюционного скачка человечества. Авторы фильма демонстрируют зрителю, что Большая космическая перспектива заключается в *трансформации* самого человека. Причём изменение это происходит не само по себе, но благодаря участию Высших сил, представленных в образе таинственных Чёрных Монолитов, воздействующих на ход человеческой эволюции. Чтобы обнаружить Чёрный Монолит на Луне и последовать вслед за его указанием (сигнал в сторону Юпитера), человечеству нужно было выйти на определённый технологический уровень разви-

тия, а вот дальнейшая *трансформация* с техникой уже никак не связана.

Помимо прочего, Кубрик отобразил в своем фильме тему тупиковости искусственного интеллекта и даже буквальный «бунт машин»: бортовой компьютер, снабжённый искусственным интеллектом, целенаправленно (!) пытается уничтожить человеческий экипаж своего космического корабля, чтобы предотвратить грядущую свертехнологическую психофизическую *трансформацию* человека и человечества.

Ту же самую далеко не случайную мысль об участии Высших разумных сил в космическом будущем человечества, выраженную в терминах христианской философии и метафизики, мы находим и у русских космистов. В частности, в работах Константина Циолковского.

О том, что Стэнли Кубрик как режиссёр был далеко не столь «прост», свидетельствует его последний фильм «С широко закрытыми глазами» (1999), в котором он символически обозначил силы, препятствующие Развитию человечества. Доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы филологического факультета МПГУ Евгений Жаринов полагает, что в фильме показаны ритуалы современных тайных обществ, восходящие к ереси катаров, до сих пор чрезвычайно популярной во «внутренних» кругах западной элиты. По мнению швейцарского писателя и философа Дени де Ружмона, именно гностическая традиция катаров и альбигойцев оказала решающее влияние на европейскую культуру и, в частности, на эпоху Просвещения. Совпадение это или нет, но Кубрик скончался через четыре дня после окончания работы над монтажом фильма, проводившимся в условиях строжайшей секретности.

Возвращаясь к работам Клушанцева, нужно выделить его художественный научно-фантастический фильм «Планета бурь», снятый по мотивам одноимённой повести Александра Казанцева. Фильм вышел на большой экран в 1961 году, удачно совпав с полётом Юрия Гагарина и всеобщей увлечённостью космонавтикой.

Невзирая на определённые недостатки картины (шаблонные, лишённые психологической индивидуальности герои), поставленная задача режиссёру удалась, т.к. «Планета бурь» создавалась в большей степени с целью популяризации космонавтики. Фильм был сделан с использованием уникальных технологий комбинированной съёмки, намного опережавших существовавшие в те времена зарубежные аналоги.

Несмотря на популярность у зрителей, фильм подвергся жёстким нападкам советской кинокритики. Совсем по-другому к картине отнеслись за рубежом. Фильм был выкуплен 28 странами, в том числе и США, где он был перемонтирован студией «Америкэн Интернешнл» («Roger Corman Productions») Роджера Кормана с изъятием ряда эпизодов и добавлением новых и в таком виде выпущен в американский прокат под названием «Путешествие на доисторическую планету» (1965). Разумеется, упоминания о том, что это кинопродукция из СССР, отсутствовали, а в титрах советским актерам были присвоены английские имена и фамилии.

После «Планеты бурь» Клушанцев возвратился к съёмкам научно-популярных фильмов. Спустя несколько лет он поставил без преувеличения блистательные популярно-фантастические фильмы «Луна» (1965) и «Марс» (1968).

Павел Клушанцев создал более 100 научно-популярных фильмов и сюжетов. Наряду с тем он является автором целого ряда научно-популярных книг для детей и юношества. Совокупный тираж только советских изданий его книг превысил полтора миллиона экземпляров. Книги Клушанцева переведены на 16 языков и изданы в 12 странах мира. Практически все они посвящены загадкам космоса и перспективам освоения космического пространства и планет человеком.

Именно такие Мастера, как Павел Клушанцев, составляют Золотой фонд Русской Мечты и Русской цивилизации. Научиться вовремя выявлять и всемерно поддерживать такие таланты — первостепенная задача архитекторов будущей Пятой империи.

Красная бура

БОЛЬШЕВИКИ ВОЗМЕЧАЛИ ПОСТРОИТЬ НА ЗЕМЛЕ РАЙ ЗЕМНОЙ, ХОТЕЛИ СПУСТИТЬ БОГА СЮДА, НА ЗЕМЛЮ. ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЕТРОВ-ВОДКИН НАПИСАЛ «КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ», ЭТУ ИКОНУ МОЛОДОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. КРАСНЫЙ КОНЬ – ЭТО БУРЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ. ЗОЛОТОЙ ВСАДНИК – ЭТО МОЛОДОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. СИНЕЕ ОЗЕРО – НЕБЕСНАЯ ЛАЗУРЬ.

/ Галина ИВАНКИНА /

Цвет будущего — красный

Что за конь — горячий, чем огонь!

Владимир Маяковский

«Купание красного коня» — шедевр, созданный Кузьмой Петровым-Водкиным накануне Первой мировой войны, казался вызывающим и броским, как и всё, что писалось, говорилось в те годы. «Новое, новое прёт! Наше, новое, жадное, смелое!» — восклицали борзые персонажи «Хождения по мукам» и устремлялись переделывать мир. То была иступлённая эпоха, когда художник ощущал потребность в манифестах и декларациях. Крикнуть: «Нате!» — ошарашенной толпе. Вместе с тем наблюдалось и обратное — плач по былому, по той неуловимой и утраченной гармонии, что растворилась навсегда. Желание освободить живопись, цветность от всего наносно-

го, прислушаться к изначальным ритмам Вселенной — ещё одна нервная точка Серебряного века.

Казимир Малевич тогда писал: «Человек-живописец вернулся к чистому действию великого опыта, достигая через свои внутренние природоестественные побуждения новых конструкций мировоявления», а поэт Велимир Хлебников черпал вдохновение из русской праистории и одновременно — из ярого будущего, что вставало над Россией, как солнце — пурпурно-золотое, манящее. Никому не хотелось жить в убогом и сером «нынче», где копошились неверные жёны и провинциальные адвокатишки — все эти герои водевилей, фельетонов и скабрёзных рассказиков. Нет! Стать благород-

ным дикарём или же — полыхающим революционером! Что делать? Отказаться от мерзостей городской цивилизации или — сломать всё и воздвигнуть Город Мечты из стекла и бетона. Выкупать красного коня в священных водах и — ринуться в небо!.. «Когда я в 1912 году нарисовал “Красного коня”, то говорили: это предчувствие войны. А когда началась революция, то говорили, что она предугадана мной», — говорил Петров-Водкин в начале 1930-х, подводя некоторые итоги. Потом он уточнил: «Я понял, что это был наш праздник — предрассвет революции...» Цвет будущего — красный.

Кузьма Петров-Водкин родился в семье провинциального сапожника и, по большому счёту, у него было

немного шансов достичь высокого положения в обществе. Но Бог распоряжается по-своему и выводит нас к цели. Главное — увидеть перст божий. Учась в городском училище, Кузьма свёл знакомство с местными иконописцами и проводил всё свободное время в их мастерской. Тогда-то и начался путь мастера: подростку захотелось писать лики святых. Однако прошли годы, прежде чем он вплотную подошёл в своей мечте — впереди были срывы и подъёмы, унижительная бедность, трудности, непонимание со стороны родных.

И вот — классы Валентина Серова в Москве и — похвала гения. Следом — Париж, Италия и даже Северная Африка. Везде — колорит и воздух, небеса и древние камни. Всё требовало осмысления. Искал себя и свой взгляд. Примерял модные «-измы», кидаясь, будто в омут, в очередной стиль. Нашёл то, что хотел, — путь и цвет. «Купание красного коня» Петров-Водкин написал, уже будучи не просто зрелым, но уже знаменитым. Он только-только перешагнул возраст Христа и воспринимал мир ещё острее, чем в юности. Картина вызвала споры и восторг. Иные критики пожалы плечами: *«Таких коней в природе-то не бывает!»* На скачках — разумеется, да, только это — говорящий символ, на тот момент не вполне осознанный художником: такие вещи рождаются не из разума, а из ощущения. В медитативном состоянии. Или в экстазе. Что-то носилось в воздухе, и Петров-Водкин уловил жаркое дыхание века. Образ красного коня — это сказка, был и космическая фантастика в едином начале.

Конь — мифологический архетип. Мистический помощник. Он служит Ивану-Царевичу, говорит человеческим голосом, даёт важные советы. Конь даётся свыше. Более того — он позволяет путешествовать между мирами — персонажи русских сказок попадают на том-самом-коне в запредельные царства, где можно достать молодильные яблоки и другие волшебные снадобья. Или — стоит

Русский язык перенасыщен эпитетами: прекрасный — «сверхкрасный» — что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать. Слова «красить» и «краска» имеют общий корень с красным цветом, с видом красоты. Стало быть, расцвечивать мир, делать его свежее и ярче — это, прежде всего, давать ему красный цвет. Место для икон — «красный угол», а в Советском Союзе, по какой-то исторической иронии (или вполне закономерно), комната политпросвещения именовалась «красным уголком». Конь Петрова-Водкина — посланник мира красоты: земной и божественной.

задача: двинуть туда, где происходит решающая битва с чудищем. Конь — проводник и советчик, а потому «Купание красного коня» — это отдохновение перед прыжком в иномирье, в непознанное Грядущее. На красном коне — въехать в Красную Империю, омыв его водой — живой и мёртвой.

Зачем — красный? Это самый непостоянный цвет — его характер настолько сложен, что с ним не смеет конкурировать даже загадочно-траурный чёрный. Красный цвет — многозначен, причудлив, хотя, казалось бы, чрезвычайно внятен. Он преисполнен сакральными тайнами, и — он же наивно-детский. Это — жизнь и смерть, гнев и любовь. Кровь. Этим цветом окрашены война и бог её — Марс, ибо красный тождествен ярости и агрессии. С другой стороны, это — ликующая новизна, плодородие, Ярило — красно солнышко, лето красное. Дикарский и в то же время королевский цвет.

В своём «Учении о цвете» Иоганн-Вольфганг Гёте утверждал, что красный — это brutальная энергия и — достоинство. Он *«...особенно нравится энергичным, здоровым, грубым людям»*. Красный противопоставляет себя всем остальным цветам — он как бы сознаёт себя ведущим, основным, довлеющим. Рождение и смерть — вот крайние точки бытия. Василий Кандинский, любя красное, говорил о нём: *«Безгранично тёплое. Живая, подвижная, беспокойная краска. В этом кипении и горении наличествует так называемая мужская зрелость»*. Мужская зре-

лость — это воля к власти, энтузиазм, победительная сила, витальность. Активный, горячий цвет. В этом буйстве — серьёзность, а не истерика разрушения: *«Красный действует проникновенно как очень живой, полный воодушевления, беспокойный цвет, не имеющий легкомысленного характера жёлтого, расточаемого направо и налево»*. По Кандинскому — красный цвет не расплёскивает себя и не замыкается, а дарит свет и жар, который у него в избытке. Даже красная точка заметна в хаосе прочих оттенков и нюансов. Цель — быть на виду. Это — цвет русской цивилизации. Россия прочно ассоциировалась с этим цветом ещё до Октябрьской революции, часто называемой Красным октябрём. В разных европейских языках «красный» — это rouge, rojo, rot, red и, наконец, rosso. Россо — росы, русы. *«Гром победы раздавайся, /Веселись, храбрый росс!»* — возглашал екатерининский поэт Гавриил Державин.

Русское — значит, энергично-красное. В записях о своём пребывании в России аристократ граф де Сегюр — гость и собеседник Екатерины Великой — заметил: *«У них [у москвитов] слово «красный» обозначает красоту»*. Главная площадь Москвы — Красная. Небезызвестный маркиз де Кюстин — путешественник и литератор, побывав в николаевской России, также отметил своё цветовое предпочтение — краснокирпичный Кремль, парадный мундир императора, церемониальные фрейлинские наряды — по большей части ярких

цветов с золотым шитьём, а также народные костюмы. Николай I ассоциировался с красным цветом, как и византийские императоры. Творческая сила и неумолимая власть, которая может созидать, а может — безжалостно карать врагов.

Русский язык перенасыщен эпитетами: прекрасный — «сверхкрасный» — что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать. Слова «красить» и «краска» имеют общий корень с красным цветом, с видом красоты. Стало быть, расцветивать мир, делать его свежее и ярче — это, прежде всего, давать ему красный цвет. Место для икон — «красный угол», а в Советском Союзе, по какой-то исторической иронии (или вполне закономерно), комната политпросвещения именовалась «красным уголком». Конь Петрова-Водкина — посланник мира красоты: земной и божественной.

Помимо всего «Купание...» — беспримерная икона. Петров-Водкин вообще использовал в своём творчестве мотивы новгородской иконописи и технику итальянского Ренессанса, прихотливо смешивая их с актуальными направлениями. Красный — важнейший цвет для создателя священных изображений, равно как любимая «тревожная краска» супрематистов и фовистов. Цвет жизни и — неизбежной великой жертвенности. Вода здесь тоже «не как на фотографии», а видом своим напоминает скорее плащ Богородицы — единение с небесами.

В одной из своих статей, впрочем, по иному поводу и совсем не об искусстве, Александр Проханов выразил: «Схватка за русскую историю длится. Купание красного коня продолжается. Божественный наездник, оседлавший этого огненного коня, вонзает остриё своего копья в чёрный зев каракатицы». То есть юноша с картины Петрова-Водкина — это аллегорическое изображение Георгия-Победоносца. Канонические линии святого Георгия — одного из покровителей Руси — всегда наполнены красным сиянием.

Петров-Водкин, по сути, явился автором прогрессивной концепции в иконописи. Так, его картина 1915 года «Богоматерь Умиление злых сердец» — нарочито архаична и — сверхсовременна, созвучна изломанной, плачущей мелодике 1910-х. Кровавых десятых, принесших смерть и — долгожданную свободу, уничтожение традиций и — рождение новых замыслов. XX век рождался в муках, под пение «Интернационала», под сенью алых знамён. «Богоматерь Умиление...» тоже в красном — будто предвещает исторический путь России. Продолжила тему «Петроградская Мадонна», в которой много от ренессансной тематики, от фресок эпохи треченто. Видится Флоренция, а не мятежный град Петра в 1918 году. Мадонна же — пролетарка, а не сеньора — воплощение мудрости и спокойного мирозерцания. Что ей наэлектризованная толпа и листовки в подворотнях? Её

вселенная — ребёнок. Оттого и фигурки людей кажутся ничтожными рядом с величием жены-матери. На плечи ей накинут не покров, но красный флаг. Тот самый. Она — вся в будущем. Её сын — спаситель мира. Ведаёт ли она, что именно мальчики, рождённые Революцией, победят в самой безумной и чудовищной войне? Следующий этап — «Девушка в красном платке» — это уже середина 1920-х, а косынка — знак политически-грамотной работницы, отвергающей и нэпманские шляпки фасона *cloche*, и деревенский «плат узорный до бровей» — этот символ уходящей России, подчёркнутый Александром Блоком. Здесь та же стилистика раннего Возрождения, и взгляд у девушки не прямой на зрителя, а как бы «вглубь себя», точнее — в Вечность.

Во всех образах возвышенное богоискательство соединено с обыденностью сюжетов. Макрокосм равен микрокосму, а «Купание красного коня» — бытовая зарисовка из жизни крестьянских мальчишек или — молодых офицеров. В этом единении простого и сложного таится русская философия. Русская Мечта. Красный конь — знак русской судьбы: всегда лететь вперёд, покоряя пространство и время. Или — грезить, как Марина Цветаева:

*Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!*

/ Галина ИВАНКИНА /

Устремлённые в вечность

Накануне войны Григорий Александров выпустил, пожалуй, самый примечательный свой фильм — «Светлый путь». Большевикскому комедиографу наконец-то удалось

преодолеть интернационально-голивудскую манеру, свойственную его ранним картинам, и создать подлинно русское, глубинное полотно. Суть картины — путь света и преобразование через труд на примере

отдельно взятой замарашки Тани Морозовой. Происходит воистину сказочное обновление, и на месте грязноватой девчонки появляется богиня красоты, совершающая беспрепятственный подвиг. «Нам нет

преград ни в море, ни на суше», — как-то спокойно констатирует героиня Любови Орловой. Умиротворяющий пафос бытия: «Труд наш есть дело чести». Дело верное. Дело Божие. Через год извечный соперник «американца» Александра — «крестьянин» Иван Пырьев явил популистскую, роскошную пастораль «Свинарка и пастух». Обогнать Александра не вышло — Пырьев был менее убедителен, хотя и очень старался (соотношение «Светлого пути» и «Свинарки...» — это примерно как величавое барокко versus и чарующе-суетливое рококо). Но у этих сюжетов есть общая точка сборки — ВСХВ, как райский сад. Итог созидания. Если ты упорно трудишься — тебя пускают в Парадиз.

В производственную мелодраму с элементами комедии была включена фантастическая деталь — а именно полёт в автомобиле над Москвой и Всесоюзной выставкой, а следом — лирический финал — объятие главных героев у памятника Рабочему и Колхознице. Мухинский монумент — это не просто символ трудовой державы, созданный для парижской экспозиции Arts et Techniques dans la Vie moderne 1937 года. Он, по мнению Александра Проханова, «...символизирует триумф труда, коим создаётся империя, а также достигается Царствие Небесное. Рабочий и колхозница — это Адам и Ева, которые в сверкании света возвращаются в рай». Ибо сказано: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Наказание обращается по сути благом, а якобы атеистический советский мир по-своему трактует библейские ценности. Выходит, что оставленные «добывать хлеб» в борениях мужчина и женщина своим созидательным дерзанием искупают вину. И — строят Царствие Божие. На земле. Мухинский дуэт демонстрирует Небу орудия труда — серп и молот.

СССР никогда не был грубо атеистичен — человек так устроен, что, отказавшись от одной доктрины, он тут же возводит на её месте другую.

Хомо сапиенс не умеет существовать вне божественного присутствия, и потому, отринув догматы православия, красный пролетарий сконструировал квазирелигиозную концепцию — научный коммунизм, в коем от сугубого материализма было столь мало, что всерьёз рассуждать об отрицании Бога не приходится. Даже Николай Бердяев — этот злой противник советской власти, объявлял: «В русском большевизме есть запредельность и потусторонность». В Светлое Будущее полагалось верить как в Царствие Божие и приближать его мыслями, поступками, борьбой с «еретиками», то есть разного рода уклонистами и антисоветчиками. Но основное дело — это работа. В Советском Союзе культивировался сам процесс труда. Результат — важен и нужен, однако достижение одного — многократно интереснее. Любовь к трудностям связывалась с понятием «романтика». Классический романтик — сибарит и разочарованный странник-одиночка; романтик по-советски — метростроевец, геолог, архитектор и беспременный коллективист.

Неоэллинистические барельефы с токарями и слесарями, «барочные» виноградники и яблоневые сады, «ампирные» трактора, домны, градирни, ЛЭПы — художник славил пахоту и стройку. Незыблемо царил христианский принцип, сформулированный апостолом Павлом во Втором Послании к Фессалоникийцам (3, 10): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». На заводских плакатах атели буквы: «Кто не работает — тот не ест!» и «Владыкой мира будет труд!». В культовом романе Олега Куваева «Территория», написанном уже в начале 1970-х, прослеживалась великая идея: «Работа заменила собой веру или, вернее, сама стала верой». В христианстве труд — обязанность, а в ряде учений протестантского толка — единственный путь к Абсолюту, тогда как нищенство — прямое получение благ вне деятельности — сурово осуждалось (в лютеранской общине трудовая этика входит

в систему религиозных ценностей, а не лишь корпоративных). Православие и католичество гораздо более терпимы к попрошайничеству, сознавая некую особость «чад Божьих», промышленяющих подаянием, тем не менее и здесь каждодневное служение, возвышение себя через большие и скромные дела — основополагающая цель для потомков Адама и Евы.

Препарирование окружающей действительности — есть благородное и благолепное следование Божьему приказу. Не случайно в русском языке термин «промысел» означает дело, занятие, но тут же — Промысл Божий — забота нашего Творца обо всём, что Он создал. Работая, мы как бы становимся подобны Ему, и микрокосм человека встраивается в ритм вселенских энергий. Владимир Маяковский писал: «Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики». На высших, са-кральных уровнях — ровно то же: повседневное дерзание людей укрепляет силу Абсолюта. В «Светлом пути» нам транслируют: хрупкая Таня Морозова единолично управляется с громадным цехом, заставляя ткацкие машины служить ей. И Тому, чей Промысл.

Человек предвоенного десятилетия, в отличие от рационально-физиологичного скептика 1920-х, воспринимал себя в качестве наследника предыдущих эпох. Он — закономерный венец столетий, а его жизнь — это не биологически-поступательное движение от рождения к смерти, а растворение в Вечности, поэтому все произведения искусства создавались в расчёте на кажущуюся бесконечность бытия. Навеки. В советской культуре 1930–1950-х нет ничего временного, сиюминутного, глупенького. «Будущее, превратившееся в вечность, настолько однородно и неизменно, что там уже ничего, в сущности, нельзя увидеть, туда бессмысленно и смотреть — взгляд культуры постепенно оборачивается назад, как бы развернувшись на 180°», — теоретизирует философ

от искусства Владимир Паперный в своём программном труде «Культура-2». Здесь и сейчас — не начальная точка истории, а скорее её финал: *«Культуру начинает интересовать путь, которым она пришла к настоящему моменту, начинает интересоваться историей»*. И даже — праистория. Корни. Сущность. В жизнеутверждающих, торжественных формах сталинского стиля оказалось зашифровано всё прошлое, настоящее и, как тогда казалось, будущее. Тут в дивной пропорции соединялись аполлонические и дионисийские начала — строгость и монументальность со стихийным культом плодородия и аграрной витальностью. Это — квинтэссенция, высшая точка эстетических переживаний, а герои Веры Мухиной твёрдо, неуклонно и неумолимо шествуют в направлении Вечности.

...Мухина родилась в Риге — опрятной и сонной провинции, где хорошо быть крепкой домовладелицей, знающей толк в сервировке стола, городских сплетнях, питерских и варшавских модах. Но это скучно, да и неактуально — юные барышни рвутся на курсы, в школы ваяния и живописи, постигать столицы, отвоевывать права. Курсистки, медички, поэтессы, художницы, в крайнем случае — телеграфистки или гимназические дамы, обучающие французскому. *«В Москву, в Москву!»* Способная Верочка не развлекается рисованием, как иные богачки, — она учится у признанных мастеров — Ильи Машкова и Константина Юона. Эпоха располагала: то и дело возникали новаторские течения и безумные стили; художники полемизировали о душе, а иной раз о том, что все гармонии «сыграли в ящик» и их надо бы вышвырнуть с парохода современности. Прихотливые виньетки Модерна оплетали оконные рамы и книжные страницы. Мир замер в предвкушении бури.

Купеческая дочь Вера — она с искоркой гениальности, но следует много работать и потому впереди — Париж, обитель муз. Постигание

античности и Ренессанса — эти знания потом ей ещё пригодятся, когда она будет создавать символы имперской Вечности. Но пока — излёт Belle époque, война, Революция, счастливое замужество и — очередной виток жизни. В 1920-х она не только выдаёт проекты памятников (отнюдь не всегда реализуемых) и пишет маслом, но и рисует изящные образцы «пролетарского стиля» для советских модниц. К середине 1930-х Мухина — заслуженный мастер, именитая гранд-дама Страны Советов. Будучи на самой вершине системы, она не позволяла себе ни минуты барственного успокоения, а поэтому нет никакой «лотерейной» случайности в том, что статую, посвящённую Работе, ваяла убеждённая труженица.

«Когда хороший скульптор ваяет человеческий торс, то стремится воплотить не только мышцы, но и жизнь, то, что их оживляет больше, чем жизнь. Мощь, которая вылепила их, наделила их изяществом, или энергией, или притягивающим очарованием, или необузданным неистовством...» — писал Огюст Роден в «Беседах об искусстве», а если учесть, что Мухина училась у одного из адептов роденовской школы — Эмиля Бурделя, то эти строки можно отнести и к её, Веры Мухиной, работам.

Следуя всеобщей любви к античности, она взяла за основу древний шедевр Крития и Несиота «Тираноубийцы», добавила порыва, напора и — поставила на пьедестал. Но соль осталась — пролетарий и пейзаж: это всё те же тираноубийцы, уничтожители мирового капитала. *«А паразиты — никогда!»* — будто произносят Рабочий и Колхозница слова из «Интернационала». Важно и то, что по иронии судьбы павильон Бориса Иофана, увенчанный мухинскими «тираноубийцами», был размещён напротив нацистского сооружения с прусским орлом на вершине. Да. Момент истины — Парижская выставка 1937 года. Это явилось мистическим предзнаменованием —

динамичные, живые, обращённые к небу Рабочий и Колхозница и — мрачный, точно охраняющий склеп, знак старой Пруссии.

Мы начали побеждать уже тогда, на уровне образов — солнечная устремлённость против тяжеловесной, мёртвой статики. Мир труда противостоял миру захвата. Нацистская эстетика тоже базировалась на классике, но была загробной и гнетущей. Подавляющей — прежде всего, самих немцев, как известно, принявших гитлеризм, будучи глубоко оскорблёнными Версальским позором и нищетой «ревуших» 1920-х. Третий рейх возник из тотальной депрессии; СССР же родился из огня и стали. *«Нас водила молодость в сабельный поход!»* — восклицал Эдуард Багрицкий. Изумительно молодой созидательный человек столкнулся в большой войне с жестоким, но безмерно уставшим, а потому истерически агрессивным врагом. Результаты сражения «предрекло» искусство — мухинские Адам и Ева.

В «Симфонии пятой империи» Александр Проханов — проповедник Русской Идеи, сказал, правда, по иному поводу: *«Народу показывают ослепительный бриллиант общенациональной мечты, волшебный кристалл общенародного дела, обращаясь к самым сокровенным глубинам национального чувства и памяти. Этот бриллиант чудесными лучами проникает в подсознание, рождает великие воспоминания, вызывает самые светлые и творческие образы, выплескивая их наружу, где они не проливаются наземь, не пропадают втуне, а наполняют чашу “Общего дела”. Превращаются в работу, итоги которой становятся видны всему народу — вдохновляют, пробуждают тех, кто еще спит или дремлет»*. Кристалл общенародного дела. Работа. Путь к Богу. Так было, есть и будет. Рабочий и Колхозница и теперь возвышаются над суетой и зовут в сверкающую Вечность, где настоящее, прошлое и будущее сливаются в бескрайней Русской Мечте.

СОВЕТСКИЙ НАРОД БЫЛ НАРОДОМ МЕЧТЫ. СТАЛИН УПРАВЛЯЛ ИСТОРИЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ, ЗНАЯ ПОТАЁННЫЕ НАРОДНЫЕ КОДЫ. ВОЗБУДИВ ЭТИ КОДЫ, СТАЛИН В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ ПОСТРОИЛ ТЫСЯЧИ ОБОРОННЫХ ЗАВОДОВ. УПРАВЛЯЯ НАРОДНЫМИ КОДАМИ, СТАЛИН ВЫИГРАЛ НЕВИДАННУЮ, НЕБЫВАЛУЮ В МИРЕ ВОЙНУ. ЭТИ КОДЫ ПОМОГЛИ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ В СЧИТАНЫЕ ГОДЫ СОЗДАТЬ АТОМНУЮ И ВОДОРОДНУЮ БОМБЫ, СБЕРЕЧЬ СТРАНУ ОТ ПОГИБЕЛИ. ЭТИМИ КОДАМИ ЯВЛЯЛИСЬ ПУСКОВЫЕ КНОПКИ НА БАЙКОНУРЕ, ОТКУДА В КОСМОС ВЗЛЕТЕЛ ГАГАРИН. ПОБЕДА 1945 ГОДА — ЭТО ВСЕЛЕНСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОЙ МЕЧТЫ.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Кадровая система Сталина

Двенадцать принципов

Национальная мечта как живой сверхидеал всего общества — это не результат видения отдельной личности, даже самой талантливой или самой выдающейся, или даже некоей совокупности таких индивидов. Народная мечта — очень сложный, но обязательный и мощный фактор в историческом действии, которая соединяет многие надличностные, онтологические константы. И порой такая национальная мечта даже более важна для истории, чем сам этот народ.

Можно физически убить этого индивидуума, и тогда его личностная мечта просто испарится как пшик. Но целый народ может безвозвратно исчезнуть в непроглядном тумане прошлого, а вот его мечта, если это был, конечно, великий народ, порой сохраняется надолго после смерти

нации. Например, Римская империя, как и было предопределено авгурами, просуществовала только тысячу лет, но имперская мечта великой римской нации до сих пор продолжает влиять на историю.

Национальная мечта — ядро успешного государства, важнейший компонент живой идеологии, неотъемлемая часть общественного сознания. Если хотите уничтожить социум, убейте его национальную мечту.

Национальная мечта как сверхидеал соединяет в уникальную, неповторимую целостность наиболее близкие для данного народа сакральные и исторические ценности, представления и идеи. Причём сакральные образы — это не только принципы и нормы одной-единственной религиозной доктрины (например, Русская Мечта в скрытом виде содержит в себе не только хри-

стианские концепты, но и воспоминания о наследии великого арийского язычества, взять образ того же Ивана-дурака). Исторические же представления — это те великие ценности, которые под разными названиями во все исторические периоды составляют огромные массы двигаться вперёд: справедливость, свобода, народная воля, «рай на земле» и т.д.

Народная мечта — неотъемлемый компонент действительно живого народа, который должен соединять своё великое Прошлое со своим великим Будущим именно в этом великом Настоящем. Поэтому в народной мечте всегда присутствуют воспоминания, следы, отражения мифа о Великом Возвращении.

Народная мечта — не есть пустое, бесплодное, пьяное фантазирование, не вялое, бессмысленное мечтание убогих убудков, боящихся всего

и вся. Такая мечта — это выражение консолидированной воли лучшей части общества, действительного авангарда социума, революционный призыв к тотальной борьбе, к преодолению всех возможных препятствий. Именно мечта как символ великого сопротивления всепоглощающей энтропии материальной Вселенной, как символ исторического оптимизма в тотальной борьбе является той точкой, где по-настоящему преодолевается болотистая обыденность трёхмерного существования, где религиозное неотрывно сливается с профаническим. Иисус сказал: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч». Поэтому Ленин и подчёркивал, что революция — это «радость миллионов».

Наконец, национальная мечта — спонтанное проявление творческого потенциала народа, она никогда не статика, а непрерывный процесс, поскольку если народ по-настоящему жив, то его креативное начало сохраняется. Такая мечта — перманентное живое воображение, созерцание «будущего здесь-и-сейчас», это то, что уже обязательно, пусть пока и незаметно, делается сегодня.

Национальная мечта как сверхидеал вызревает вокруг парадоксальной комбинации двух обязательных компонентов народного мироощущения: как выжить? и как прорваться к счастью? Соответственно, «мечта» всегда является обязательным компонентом общенационального самосознания. Если такого компонента нет, то это означает, что данная нация уже находится в фазе исторической деградации.

В идеальном случае, чтобы реализовать народную мечту, необходимо справедливое государство, которому доверяет доминирующее большинство нации. Такое государство должно иметь несколько ключевых скреп (идеология, стратегия и т.д.), одна из которых — кадровая. Если государство есть целостная система, то оно должно иметь кадровую систему.

Если такой системы нет, то «кадры» рано или поздно обязательно разворуют страну.

Сегодняшняя кадровая ситуация в России либо близка к катастрофической, либо уже является катастрофической, особенно с учётом тех стратегических вызовов, с которыми страна столкнётся в ближайшие пять–семь лет. Рост системной сложности идёт по экспоненте в самых различных сферах в мире. Россия постепенно проигрывает в большой гибридной войне, которую ей навязали, особенно в контексте проблемы с кадрами.

И дело даже не в публичной огласке того, что российские министры, губернаторы и другие высокопоставленные чиновники всё чаще оказываются ворами и коррупционерами, прячущими награбленное на своих дачах и в западных банках. Гораздо важнее два следующих момента. Во-первых, управляющий класс сам не знает, что действительно происходит в России. И, во-вторых, нынешняя специфическая кадровая политика и российское общество вновь, как это уже неоднократно было в критические периоды отечественной истории, оказываются «страшно далеки» друг от друга, находясь в противофазе, во всё большем противопоставлении.

К Сталину, как к очень сложной политической личности, можно по-разному относиться, но то, что его влияние на общественное сознание совершенно не случайно в нашей стране продолжает расти, говорит о том, что российский социум гораздо острее чувствует идущие из средне-срочного будущего угрозы, чем так называемая «элита бульварного кольца». Кроме того, десятки миллионов наших сограждан, несмотря на многолетнюю тотальную дискредитацию великого лидера СССР, считают его советское государство во многом «справедливым и народным». В том числе из-за выстроенной им кадровой системы в Советском Союзе.

Почему и каким образом Сталин взял верх над своими искушёнными по-

литическими противниками в 20-е годы, одолев сначала Троцкого, затем Зиновьева с Каменевым, а потом и группу Бухарина? Ведь по своей личностной харизме, влиянию, популярности тот же Троцкий, Бухарин и другие сразу после революции были намного известнее и популярнее, чем руководитель, которого позднее Троцкий охарактеризует как «гениальная посредственность», лидер без какого-либо внешнего лоска, говорящий на русском языке с сильным грузинским акцентом, с видимыми физическими недостатками.

Сталин одержал верх во внутрипартийной борьбе и стал безусловным советским вождём благодаря целому ряду обстоятельств, но ключевыми, безусловно, стали две причины.

Во-первых, именно Сталин лучше, чем кто-либо другой из тогдашнего руководства страны, включая даже Ленина, знал по-настоящему национальный характер русского народа, знал русскую историю, русскую душу. Во-вторых, именно основываясь на этом своем опыте и знаниях, он, став в 1922 году генсеком ВКП (б), создавал медленно, упорно, с ошибками и многочисленными «работами над ошибками», но целенаправленно, общесоюзную кадровую систему, ядром которой, как и ядром всего нового государства, стала партия. Каждый же из его противников в 20-е годы был занят формированием собственной кадровой политики в своих личных интересах и интересах своих политических групп и кланов.

В итоге в прямом столкновении «кадровая система» Сталина против «кадровой политики» его оппонентов победу одержала система, основанная на двенадцати принципах.

ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!

Практически все знают это выражение. Но это не просто яркий и запоминающийся лозунг, а ключевое положение сталинского подхода.

Публично оно впервые прозвучало только 4 мая 1935 года в выступлении Сталина, посвященном внутреннему положению СССР. Шла вторая пятилетка, и темпы прироста валового внутреннего продукта Советского Союза быстро росли: в частности, за 1934 год ВВП вырос на 10 процентов. Тогда многие в стране начали приписывать успехи в социально-экономической сфере отдельным управленцам, персоналиям, личностям. Утверждалось публично и кулуарно, что многочисленные успехи — заслуга именно этих товарищей. И прежде всего, «товарища Сталина Иосифа Виссарионовича».

Генеральный секретарь ВКП (б) резко и принципиально выступил против такого подхода: не те или иные отдельные руководители или управленцы генерируют успехи, а именно кадры, под которыми Сталин имел в виду именно «соответствующую управленческую структуру, которая и решает всё!». Причём в данном случае под словом «кадры» имелась в виду именно вся общесоюзная кадровая система.

Что значит «кадры решают всё»? Историческая практика России и Советского Союза доказывает на многочисленных примерах, в том числе и совсем недавнего прошлого, что кадры — нервная система государства — могут всё разрушить, а могут и кардинально всё изменить, форсированно улучшить, двинуть всё вперёд.

Кадровая система в самом широком смысле слова — это специальным образом организованный управленческий ресурс или потенциал общества, который несёт прямую ответственность за принятие и реализацию решений, от которых зависит каждодневная жизнедеятельность государства и судьба всей нации. Обычно этот управленческий ресурс разделяется на три уровня: элита или высший уровень, среднее звено, низший управляющий слой.

В начале шестидесятых годов прошлого века Зб. Бжезинский в сравнительном анализе советского

и американского управленческих ресурсов численность высшей советской элиты оценивал приблизительно в 2000 человек, среднее звено — в 20 тысяч и низшее управляющее звено в 200 тыс. человек. Таково же было примерное соотношение и у американцев.

В 50-е годы XX века был сформулирован знаменитый социологический закон, который определяет баланс между основными макрофакторами, определяющими системное развитие того или иного общества. Хотя этот закон появился уже после смерти Сталина, но в своем базовом принципе-лозунге вождь предвосхитил суть этого закона.

Во временном отношении первый такой макрофактор — наличие природных ресурсов в широком смысле слова: территория, полезные ископаемые, водные ресурсы и т.д. При всей их важности, оказалось, что все они вместе определяют только 10–15 процентов возможного совокупного конечного успеха той или иной нации.

Второй макрофактор — отношение к труду в самом широком смысле слова: трудовые традиции в культурно-исторической памяти данного общества, развитость тех или иных трудовых навыков в этом социуме, воспроизводимые религиозные, нравственные, идеологические, культурные установки и ценности по отношению к труду, любовь или отсутствие любви к труду в исторической народной памяти, наличие стремления к эффективной трудовой деятельности в различных стратах и социальных группах того или иного общества. Эта причина, это обстоятельство в той или иной форме обуславливает уже 20–25 процентов конечного исторического успеха.

Однако самым важным макрофактором является качество управления в широком смысле слова, качественное состояние управленческого ресурса, то есть эффективность кадровой системы. Именно она обеспечивает решающие 60–65 процентов для гарантированного выживания и системного развития общества.

В этом контексте первый сталинский принцип «кадры решают всё!» — ёмкое и точное подтверждение универсального главенства именно человеческого управленческого потенциала, именно кадровой системы в стратегии развития страны по сравнению с другими факторами.

ВТОРОЙ ПРИНЦИП. ЦЕЛОСТНОСТЬ

Долгосрочная эффективная кадровая политика должна формулироваться и реализовываться в рамках именно целостной общесоюзной кадровой системы.

Другими словами, государственная кадровая политика становится важнейшей, ключевой только в рамках единой целенаправленной кадровой системы. Если такая единая кадровая система в государстве отсутствует, то объективно дифференцирующиеся кадровые политики отдельных крупных руководителей, различных ведомств, тех или иных территорий неминуемо становятся важными причинами провоцирования опасных системных противоречий, размежевания и раскола общества, накопления криминального компонента.

Ключевое и принципиальное отличие самостоятельной кадровой политики от кадровой системы заключается в том, что кадровая система в норме должна быть самовоспроизводящейся, влияние субъективного фактора здесь должно быть предельно минимизировано, такая система не должна критически зависеть от индивидуальных качеств того или иного руководителя, его субъективных предпочтений и особенностей и т.д.

Это обуславливается, прежде всего, тем, что кадровая система — это не только и не столько отдельные люди, личности как таковые, сколько чётко определённые функции и регламенты. Один из приписываемых Сталину афоризмов звучит так: «Внимая строго инструктаж, ты пресекаешь саботаж». Скорее всего,

непосредственно вождь таких слов никогда и не произносил, но по своему духу это выражение вполне соответствует очень важному аспекту сталинской кадровой системы.

С другой стороны, кадровая политика без кадровой системы — это не только субъективизм, вкусовщина, возможность для самых различных злоупотреблений и преступлений, но и указание на наличие в государстве серьёзных глубинных противоречий.

Если фактически в данном государстве (как в современной России) доминируют различные модели и варианты кадровой политики при отсутствии общенациональной кадровой системы, то это очень важный индикатор отсутствия долгосрочной государственной стратегии или неспособности к выработке такой стратегии.

ТРЕТИЙ ПРИНЦИП. ИДЕОЛОГИЯ И СТРАТЕГИЯ

Кадровая система должна строиться, формироваться в соответствии с требованиями и нормами общей теории систем. ОТС в виде междисциплинарного явления возникла как реакция на начавшееся в XX веке резкое и непрерывное усложнение всех аспектов человеческой жизнедеятельности. Производные общей теории систем в виде концептуального и математического моделирования социальных процессов, развитие кибернетики, появление интернета, форсированное развитие стратегического прогнозирования и планирования и т.д. превращались в практические методы и процедуры попыток преодоления или хотя бы смягчения нарастающего, все более неуправляемого системного усложнения глобального социума.

Одним из выдающихся теоретиков ОТС в XX веке, наряду с Берта-ланфи и Винером, де-факто являлся А.А. Богданов, основные взгляды которого были сформулированы в знаменитой «Тектологии». Но одновременно Богданов был одним

из крупных руководителей большевиков, особенно в дореволюционный период.

У Сталина сложились очень тёплые дружеские отношения с А.А. Богдановым, которого Генеральный секретарь ВКП (б) уважительно называл «одним из руководителей нашей партии». Они дискутировали, общались, и Сталин много помогал Богданову, действительному русскому гению, — продолжалось это вплоть до его нелепой случайной смерти. Кто на кого больше повлиял, сказать сейчас сложно, но в любом случае главным большевистским лидером, которого отличала последовательность в применении системного подхода в политической теории и практике, был именно Сталин. И прежде всего, потому, что он был убежденным марксистом до мозга костей, а именно марксизм как универсальная социально-экономическая теория являлся в первой половине XX века практически, верифицируемым примером общей теории систем.

Блестящим примером демонстрации практического подхода к теории систем является работа Сталина «Об основах ленинизма», которую по праву можно считать одной из лучших марксистских работ XX века. С точки зрения Сталина именно как приверженца ОТС, построение и развитие авангардного по отношению ко всей предшествующей человеческой истории социалистического общества требовало **одновременного** решения пяти ключевых, системных задач:

- создание общегосударственной идеологической системы;
- формирование общегосударственной кадровой системы;
- разработка и реализация долгосрочной стратегии государства на основе и с использованием инструментария стратегического прогнозирования и стратегического планирования;
- накопление и эффективное использование всех возможных ресурсов в рамках формирования

и развития планового народного хозяйства как единого системного механизма;

- развитие универсальной общественной теории.

Хотя речь шла об одновременном решении всех этих пяти задач, тем не менее самое глубокое взаимодействие должно было происходить, прежде всего, на уровне идеологической и кадровой систем.

После смерти Сталина глубинное отношение к идеологии как к целостному системному механизму стало уступать место всё более и более невежественным упрощенным схемам и даже прямым профанациям. В позднем Советском Союзе «идеология» свелась к некоей квазиконцептуальной форме политической пропаганды, где глубинные слои идеологии как сложнейшего социального феномена вообще как бы перестали существовать.

Как известно, существуют два классических подхода в новой истории к проблеме системной идеологии.

Первый подход — идеология как ложное классовое сознание, так, как его понимали и трактовали Карл Маркс и Карл Мангейм.

Второй подход — идеология как «конкретное созидание масс», как «творчество миллионов» В. Ленина и И. Сталина. В ленинско-сталинском отношении идеология есть не только сконцентрированное, статическое выражение общественного самосознания, своего рода зеркало, где нация видит свою мечту, свои базовые ценности, цели и интересы, но и сознательное совместное творческое выполнение «общего дела» большинством нации. Причём такое «общее дело» не навязывается приказами, не спускается откуда-то «сверху», а постоянно формулируется, переформатируется, развивается самим народом как важнейшим субъектом своей исторической судьбы.

Потому-то главным законом в сталинском СССР, вокруг которого строилась каждодневная жизнь десятков миллионов советских лю-

дей, была не Конституция, а Закон о ежегодном государственном плане экономического и социального развития, который обсуждался, принимался, а затем и реализовывался десятками и сотнями тысяч трудовых коллективов в стране.

Для сталинской кадровой системы все это означало следующее: кадры должно объединять в целостную систему в первую очередь единство идеологических принципов и приоритетов во всей государственной работе. И чем выше управленческий ранг, тем выше должна быть проявляемая системность.

Все эти пять основополагающих системных задач, подходы к ним, соответствующие механизмы должны постоянно изменяться, реформироваться, совершенствоваться с учётом постоянного фидбека, постоянного учёта сигналов, которые поступают из социума во все властные структуры. И если баланс здесь рухнет или если в рамках этих пяти задач исчезнет один из компонентов, то рано или поздно вся система начнёт деградировать. Так, в конечном счёте, и произошло в истории Советского Союза после смерти Сталина.

Другими словами, невозможно выстроить и поддерживать эффективную кадровую систему, не обращая внимания на идеологическую сферу, на стратегические требования и цели, стоящие перед данным социумом, состояние производственной системы общества, игнорируя развитие фундаментальных системных теорий и концепций.

В последнем случае Сталин наверняка помнил известное положение Энгельса о том, что классовая борьба между пролетариатом и буржуазией обязательно разворачивается не только в экономической и политической сферах, но и в теоретической области. Если несколько переиначить к сегодняшним реалиям, то ход и темпы нынешней глобальной конфронтации при переходе к следующей цивилизационной фазе во многом будут определяться

именно эффективностью глубинных теоретических рефлексий.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРИНЦИП. ГЛАВНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

Кадровая система должна строиться в соответствии с главным государственным интересом и обслуживать такой главный интерес.

В чем в тот период заключался такой государственный интерес для Сталина? В решении проблемы выживания Советского Союза. И тому были две основные причины.

Не только большевистское руководство исходило из того, что продолжение мировой империалистической войны 1914–1919 гг. неминуемо. Это было мнение не только практически всех социал-демократов в Европе, но и многих других европейских интеллектуалов. Различные теоретические модели доказывали, что война 1914–1919 гг. — «это незавершённая война», и она обязательно будет «иметь свое продолжение». Многие прямо предсказывали, что продолжение войны последует во второй половине 30-х годов. А О. Шпенглер и К. Каутский даже точно называли дату начала нового раунда мировой войны — 1939 год.

Поэтому, когда в 1931 году Сталин сказал, что «если мы не рванем вперёд, то через десять лет нас раздавят», то это были не просто красивые слова, а конкретный пример конкретного использования стратегического прогнозирования и планирования на действительно научной основе. Кстати, этот момент позволяет объяснить и тот факт, что практически все представители бывшего высшего руководства страны, которые оказались на скамье подсудимых в 1937–1939 годах, добровольно признавали свои преступления.

С другой стороны, фактически в стране, несмотря ни на какие социально-экономические успехи, продолжалась подспудная гражданская война, приобретая всё более изо-

мы. (В феврале 1937 года Сталин признал это публично.) В том числе в кадровой сфере. Никакое общество, никакое государство в истории не существует стационарно: оно либо консолидируется и развивается, либо фрагментируется и деградирует.

Поэтому кадровая система строилась Сталиным в этот период как особый мобилизационный механизм для периода неизбежно приближающейся глобальной войны. Однако стратегический противник должен был попытаться предвидеть такое тотальное столкновение иницированием новой фазы гражданской войны в Советском Союзе.

ПЯТЫЙ ПРИНЦИП. ПЕРСОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Сталин исходил из того, что формирование общегосударственной кадровой системы как, прежде всего, мобилизационного механизма должно происходить на базе основополагающего принципа персональной ответственности.

При этом Сталин, так или иначе, учитывал пять моментов.

Во-первых, для него основополагающей моделью такого ответственного поведения являлась действительная элита («наилучшие») советского общества, хотя нигде он непосредственно понятие элита прямо не использовал. Есть несколько базовых критериев определения элиты, но ключевыми являются следующие.

Прежде всего, именно действительная, живая элита должна демонстрировать поведенческую модель жесточайшей ответственности за реализацию согласованных и коллективно принятых решений.

Во-вторых, только действительная, живая элита является безусловным примером для подражания для различных классов и социальных групп, для подражания всего общества. Когда в 30-е, 40-е, 50-е годы членами ЦК становились токари 10-го разряда или бригадиры совхозов,

которые давали рекордные урожаи, то это отнюдь не было заигрыванием с «массами», а являлось именно целенаправленным созданием «достойных примеров для подражания» для всего советского общества.

В любом социуме абсолютное большинство людей всегда живёт не по писанным правилам и законам, а прямо или косвенно подражая тем или иным личностям, группам, моделям поведения. Поэтому чем более эффективна элита, тем больше она должна создавать примеров для подражания в обществе.

Третий момент. Сталин хорошо изучил русскую историю и, соответственно, знал, как умело и изощренно русская бюрократия способна избегать любой ответственности за порученное дело. Поэтому жесточайшее внедрение принципа персональной ответственности в формируемую кадровую систему с соответствующими последствиями для конкретного лица должно было стать действительной угрозой для тысячелетней традиции русской безответственности.

Четвертый момент. Одна из причин, почему так редко удавалось модернизировать в истории русскую бюрократию, заключается в том, что она, эта бюрократия, постоянно, каждодневно воспроизводит саму себя, прежде всего, проводя собственную кадровую политику, в основе которой лежат не общенациональные, государственные интересы, а собственные корпоративные цели.

Сталинский принцип жесточайшей персональной ответственности предполагал, что вертикально формируемые критерии ответственности «сверху вниз» обязательно должны затрагивать и кадровые взаимоотношения. Иначе говоря, руководитель лично отвечает не только за результаты и эффективность собственного процесса принятия и реализации решений, но и «за подбор и расстановку кадров на вверенном ему участке».

Наконец, пятый момент. Эффективная реализация принципа жёст-

В любом социуме абсолютное большинство людей всегда живёт не по писанным правилам и законам, а прямо или косвенно подражая тем или иным личностям, группам, моделям поведения. Поэтому чем более эффективна элита, тем больше она должна создавать примеры для подражания в обществе.

кой персональной ответственности на всех уровнях властного механизма, без всяких исключений, означает запуск процесса оптимальной самонастройки кадровой системы.

ШЕСТОЙ ПРИНЦИП. ГЛАВНЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

При построении кадровой системы, при проведении в её контексте соответствующей кадровой политики всегда необходимо выделять и иметь в виду главного внутреннего противника, основного внутреннего врага, который именно в данный момент противостоит социуму и борется с государством.

Это требование Сталина вытекает из ключевого диалектического положения, сформулированного Лениным: «Конкретный анализ конкретной ситуации — живая душа марксизма».

Важнейшим врагом новой кадровой системы Сталин считал русский бюрократический механизм, который постоянно воспроизводился в российской истории, несмотря ни на каких князей, царей, генсеков и президентов. В 1919 году Ленин в отчаянии писал: «Нам, большевикам, только кажется, что мы управляем Россией. На самом деле сто тысяч русских чиновников как управляли страной, так и продолжают управлять».

Почему для Сталина при формировании мобилизационной кадровой системы именно этот традиционный русский чиновничий механизм стал таким главным врагом?

Во-первых, Сталин, который считал главной наукой для действительного политика именно историю, основной родимой чертой российского управляющего класса в широком

смысле слова считал его антицентрализмом, прямой или косвенный.

Во-вторых, не менее примечательной чертой этого класса является его укорененный коррупционный характер, тотальное стремление к всеобъемлющему воровству, периодически переходящее в тотальную клептократию.

В-третьих, системной характеристикой традиционного русского управляющего класса является глубокое невежество, даже ненависть по отношению к новым знаниям, отрицание необходимости из-за этого каких-либо изменений и реформ. Поэтому даже само слово «реформа» не случайно приобрело в отечественной истории уничижительный оттенок. Когда в нашем народе говорят, что у России две беды — дураки и дороги, то под дураками, прежде всего, имеют в виду это омерзительное невежество управленческого слоя.

В-четвертых, известно, с каким презрением и ненавистью российский управляющий класс, российская бюрократическая машина относится в истории к «быдлу» — широким массам населения. Именно этот российский управляющий класс на протяжении веков являлся главным механизмом продуцирования отчуждения между обществом и властью. А для Ленина и Сталина именно ликвидация такого отчуждения являлась одной из главнейших политико-идеологических целей.

Наконец, в-пятых, для Сталина как отца советской кадровой системы особую угрозу, даже личностную, представляло быстро начавшееся слияние во второй половине двадцатых годов XX века традиционного русского чиновничества с политической оппозицией, формирующейся внутри ВКП (б).

СЕДЬМОЙ ПРИНЦИП. ИЛИ-ИЛИ

Речь идет об антагонистическом противоречии между новой формирующейся кадровой системой и традиционным русским коррупционным механизмом.

Уже к концу двадцатых годов в Советском Союзе фактически восстановилась разветвлённая общенациональная коррупционная система. Это стало возможным в результате постепенного слияния старого российского чиновничьего управляющего класса и новой советской коммунистической бюрократии.

Как известно, именно царская коррупционная система способствовала полной деградации Российской империи, предопределила фатальное поражение в мировой войне и революционный взрыв. Критическое расширение масштабов коррупции в 80-е годы в Советском Союзе стало одним из наиболее существенных факторов развала страны в 1991 году.

В 1923 году Дзержинский несколько раз писал Сталину о начавшемся резком росте коррупционных процессов в органах власти и в руководящих структурах партии. Этот процесс, в том числе, был связан и с реализацией программы НЭП. В конце 20-х годов в стране уже насчитывалось несколько миллионов нэпманов, которые были теснейшим образом связаны с различными органами и структурами власти и взаимовыгодно опекались партийными чиновниками.

По мере отхода от НЭПа эта новая буржуазия влилась, прямо или опосредованно, в советские и партийные структуры, под крыло к своим кураторам. Одним из наиболее известных примеров, демонстрирующих этот процесс, стал роман «Золотой теленок», опубликованный в 1931 году, где крупный советский функционер, естественно, коммунист, Полыхаев является куратором и «крышей» подпольного миллионера Корейко.

Для Сталина ситуация предельно обострилась: или принципиально

новая кадровая система в советском государстве, или, в преддверии большой войны, неизбежное новое перерождение управленческого класса, восстановление коррумпированного государства и последующая, уже окончательная, национальная катастрофа.

Между прочим, почти в такой же острой форме, с таким же «вызовом бюрократии» столкнулась Китайская Народная Республика к началу 60-х годов, когда тысячелетний китайский управляющий класс бросил прямой вызов новой коммунистической власти и самому Мао Цзэдуну. Если бы не «Великая культурная революция» 1965–1966 годов, которая в прямом и косвенном смысле до смерти перепугала эту бюрократию, то позднейшие реформы Дэн Сяопина, которые начались в декабре 1978 года, никогда бы эффективно не реализовались, а нынешний Китай не превратился бы в великую мировую державу.

Однако одними только репрессиями, даже самыми жёсткими, новая кадровая система Сталина не смогла бы взять вверх над своим принципиальным врагом — традиционной русской бюрократией, российским управленческим слоем, воссоздавшейся уже в СССР коррупционной системой. Одной жестокостью и даже супержестокостью хитроумную многовековую традиционную коррупцию не победить, здесь требуются постоянное принципиальное противостояние и борьба. Пример даёт история того же Китая.

В период династии Цин в Поднебесной появилась самая страшная в истории человечества казнь, но которую применяли только к крупным коррупционерам (начиная с замминистра и губернатора). Преступника приговаривали, например, к казни в течение трех месяцев (а могли и в течение пяти или шести месяцев). Каждый день его приводили к палачу, который отрубал у него часть тела, прижигал рану и отправлял коррупционера, предавшего государство, вновь в камеру. И только на последний, девяностый день при-

говоренному к смерти наконец-то отрубали голову.

Однако китайскую коррупцию искоренить полностью не удалось, об этом свидетельствует и нынешняя антикоррупционная кампания в КНР.

ВОСЬМОЙ ПРИНЦИП. ПОСТОЯННАЯ РОТАЦИЯ КАДРОВ

Один из ключевых способов постоянного контроля над кадровой системой — регулярная сменяемость и перемещение кадров, которые одновременно обеспечивают необходимый уровень внутриорганизационной конкуренции.

В условиях огромного кадрового голода 20–30-х годов такой инструмент можно было реализовать, только организовав широкомасштабную систему постоянного образования, повышения квалификации кадров. И вершиной такой системы подготовки и переподготовки кадров в сталинский период стал известный Институт красной профессуры.

Одна из главных предпосылок эффективности такой системы подготовки и переподготовки кадров заключалась в том, что она должна была развивать креативный потенциал будущих представителей кадровой системы. Именно поэтому талант преподавателя в этой системе при Сталине играл даже более важную роль, чем его политическая лояльность. Например, в системе высшего образования, в том числе и политического, продолжали работать многие известные профессора — бывшие члены эсеровской или меньшевистской партий.

Постепенная деградация системы непрерывного образования кадров шла нога в ногу с распространением кризисных противоречий в Советском Союзе после смерти Сталина. Очень большую роль здесь сыграла деградация отечественной интеллигенции, нравственные качества которой прямо и откровенно охарактеризовал, например, и Чехов («Я не верю в нашу интеллигенцию,

лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую...») Как известно, ещё более грубо и жёстко российскую интеллигенцию определил Ленин.

Солженицын, описывая уже деградацию советской интеллигенции в 60-е и 70-е годы, писал, что в стране восторжествовала «образованщина». И, естественно, такая «образованщина» уже ничего успешного и креативного привнести в систему подготовки и переподготовки кадров не могла.

И это происходило в условиях, когда в середине 60-х годов в США произошла так называемая «революция Макнамары» (почему-то незамеченная нашими спецслужбами), которая предъявила принципиально новые требования и к профессиональным кадрам, и к их подготовке в Соединённых Штатах.

ДЕВЯТЫЙ ПРИНЦИП. ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Важнейший и уникальный компонент формирования, развития и управления кадровой системы Сталина (в истории России такого никогда не было — ни до, ни после) — создание единого и целостного механизма тотального общественного контроля над всем управленческим сегментом.

Такой общесоюзный механизм включал в себя такие подсистемы, как партийный контроль, профсоюзный контроль, народный контроль, комсомольский контроль и т.д., в каждодневную деятельность которых были вовлечены сотни тысяч и миллионы советских граждан, непосредственно участвуя в создании собственного справедливого государства.

Единый и целостный механизм общественного контроля позволял постоянно, в каждодневном режиме преодолевать возникающие проявления отчуждения советских властных структур от общества. Одновременно механизмы такой системы контроля становились важными элементами единой организаци-

онной кадровой вертикали, которые дополнительно позволяли находить и рекрутировать необходимые талантливые кадры, создавая возможности для представителей всех социальных групп продвигаться вверх в вертикали власти.

Излишне напоминать, что сталинский механизм общественного контроля над советским управленческим сегментом был тщательно оформлен и закреплён на законодательном уровне.

ДЕСЯТЫЙ ПРИНЦИП. «ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ»

Речь идёт об особом значении т.н. «глубинного государства» в формировании и развитии сталинской кадровой системы.

В последние десять–пятнадцать лет на поверхности политической жизни целого ряда стран — Египта, Великобритании, Ирака, КНР — открыто проявился феномен, который получил название «глубинное государство», но которое не в полной мере является синонимом высшей элиты.

«Глубинное государство» — специфическим образом организованная, закрытая, законспирированная или тайная структура, состоящая из представителей части высшей национальной элиты, выполняющая роль невидимого, но важнейшего ядра для данных государственных институтов и структур, определяющая стратегию и основные правила игры в этом государстве, в том числе и прежде всего кадровую политику.

В июле 1921 года Сталин в брошюре «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» сформулировал свою версию или мечту о советском «глубинном государстве»: «Компартия как своего рода орден меченосцев (выделено самим автором жирным шрифтом) внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность.

Значение старой гвардии (выделено жирным шрифтом автором)

внутри этого могучего ордена. Пополнение старой гвардии (выделено жирным шрифтом автором) новыми закалившимися за последние три-четыре года работниками».

Сталин фактически пишет даже о двух взаимодействующих уровнях, двух взаимодействующих моделях «глубинного государства» — собственно партия, которая «одухотворяет органы советского государства», и ещё более узкая прослойка — старая гвардия (до революции — профессиональные революционеры-подпольщики, использовавшие конспирологические, в том числе и подпольные, методы революционной работы).

Иначе говоря, в кадровом отношении Советское государство мыслилось Сталиным как своего рода институциональная структура с тремя уровнями.

При этом не очень пока известно и понятно, какие особые конспирологические инструменты и приемы, которые применяли большевики — профессиональные революционеры, использовал для этого Сталин. Иначе говоря, какое неформальное, но организованное братство являлось сердцевиной этого «ордена меченосцев». (Карл Радек однажды зло и многозначительно подшутил над своим политическим оппонентом, которого очень боялся: «Для Сталина важнее не диктатура пролетариата, а диктатура секретариата».) Однако что-то все же было, что можно судить и по функционированию стратегической разведки при Сталине, и по некоторым другим фактам.

В любом случае «орден меченосцев» как своего рода советское «глубинное государство» являлся на протяжении почти тридцати лет весомым фактором устойчивости и развития кадровой системы.

ОДИННАДЦАТЫЙ ПРИНЦИП. ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАДРОВОЙ СИСТЕМЫ

Последние двадцать — двадцать пять лет на Западе повышению креативного потенциала элиты, и особен-

но высшего управленческого слоя, и в политике, и в бизнесе уделяется особое внимание. Считается, что данное направление, в частности, через совершенствование различных систем образования и переподготовки кадров является самым важным стратегическим направлением развития государственной мощи в двадцать первом веке. В этой же связи во многих странах осуществляется постоянный поиск в общенациональном масштабе талантливых людей, в том числе с введением специальных реестров и классификаторов.

Например, в Турции даже называют точное число таких креативных людей во всей стране — 624 тысячи человек.

В этом контексте кадровая система Сталина опередила мировую практику. Проблеме чрезвычайного поиска и расстановки креативных кадров начиная с конца 20-х и начала 30-х годов уделялось особое внимание руководством страны, именно с учетом результатов стратегического прогнозирования и стратегического планирования.

4 февраля 1931 года Сталин выступил с речью «О задачах хозяйственников» на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. До большой войны оставалось десять лет. И Сталин говорит: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Это можно было сделать, прежде всего, за счет талантливых и сверхталантливых управленцев.

И поэтому в этом же году и были предприняты чрезвычайные меры. В частности, органы ОГПУ-ВЧК получили приказ организовать поиск талантливых людей, прежде всего, управленцев, по всему Советскому Союзу. Одним из результатов этой работы стало появление в конце 30-х годов тридцатилетних министров и первых секретарей обкомов.

Кроме того, целенаправленный поиск и продвижение креативных кадров — это дополнительная оптимизация вертикальных социальных каналов для кадрового роста.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПРИНЦИП. ОСОБАЯ РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ

Здесь необходимо отметить три момента. Во-первых, в сталинском СССР был закреплён единый унифицированный набор критериев при выдвижении соответствующих кадров на руководящие посты в государственном и партийном аппарате: образовательный уровень, качество накопленного профессионального опыта, идеологическая зрелость, базовые нравственные качества, необходимые личные свойства и т.д.

Второй момент: одно из главных требований к потенциальному руководителю заключалось в том, что он должен был показывать личный пример эффективной работы в своем коллективе.

И, наконец, третий момент. Сталин очень высоко ценил такое качество руководителя, как умение четко и ясно ставить задачу подчиненным. Как гласит одно из правил системного подхода, «если задача правильно сформулирована, то она уже наполовину решена».

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Русская Мечта и советское чудо

1. ТРЕТИЙ РИМ, ЗОЛОТОЙ ВЕК, ЗЕМНОЙ РАЙ

Русская Мечта Московской Руси была «идеологически» выражена псковским старцем Филофеем (XVI в.). **Быть** Третьим Римом — вот её основание. Именно **быть**, воспроизводя некие сакральные реалии. Речь шла не только и даже не столько о преемственности от Римской и Ромейской (Византийской) империй. Филофей точно указывал на то, что Первый Рим начал свою историю 1505 лет назад (имеется в виду время написания). Именно тогда на римских землях возникла Христианская

церковь. Таким образом, Рим выступает в качестве первой Христианской империи. Потом, уже после его падения, ею становится Византия. А после падения Ромейского царства Христианской империей становится Царство Московское.

«Рим» **есть некое священное, незримое, потаённое царство**, сущность которого проявляется в бытии трёх империй. Русь-Россия является третьей и последней империей, проявляющей Незримое царство. И тем самым она воспроизводит и поддерживает бытие всего мира. Характерно, что в русском языке «Рим» обратно читается как «мир».

Такое совпадение, конечно же, не случайно, оно имеет глубочайший смысл. Собственно говоря, христианская империя и есть **некий особый мир**. Она воспроизводит образ некоего «идеального» мира — такого, каким он был до катастрофы грехопадения, до выпадения из небесной, райской полноты. Этим идеальным миром (раем на Земле) является Незримое царство, поддерживающее бытие мира. Оно сокрыто от глаз человека некоей толщей земной, «повреждённой» реальностью. Но великий её ответ виден в трёх Римских империях. И в данном плане современная патриотическая концепция

Русского мира «приобретает» высшее, сакральное измерение.

Тут надо особо оговориться, что само представление о «рае на Земле» вовсе не противоречит Христианству. О нём писал новгородский епископ святой Василий Калика (XIV в.). В своем письме к тверскому владыке Фёдору он утверждает о существовании наряду с небесным («мысленным») раем рая земного, **невидимого** для обычных людей. Новгородский владыка ссылался на экспедицию Моислава Новгородца, достигшую этого рая. И рай сей, по словам владыки, находится где-то на **севере**, на высоких горах. Он осиян небывалой красотой — «многочасытным» светом, — а на вершине одной из гор чудесной лазоревой краской написан Деисус (изображение Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя). До путешественников, сумевших, в силу духовной чистоты, добраться до чудесной **северной** земли и увидеть её красоты, доносились сладчайшее пение и веселые возгласы.

Обращает на себя внимание именно северное расположение незримого, земного рая. Оно заставляет вспомнить о «мифической» Гиперборее, чей народ, по утверждению античных авторов, жил в райских условиях Золотого века. Эти авторы отождествляли с гиперборейцами наших предков — скифов. И подобное отождествление свидетельствует о том, что скифы воспроизводили сакральные реалии земного рая — Гипербореи. А уже в Византии с гиперборейцами отождествляли и русских, подчёркивая их родство со скифами.

Максим Грек в своём письме Макробию (1552 год) сообщает о себе: «Максим, который некогда был жителем Элады, а ныне стал гиперборейцем». Россия была названа «страной гипербореев» в акте Константинопольского Собора 1593 года об основании Московского патриархата. 14 сентября 2014 года Патриарх Кирилл, выступая в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя в рамках VI фестиваля «Слово и вера», сказал: «Когда от церкви отпал Римский

патриархат, то на место Западного патриарха был избран Московский Патриарх всея Руси и всех северных стран, в юрисдикцию которого вошла вся христианская ойкумена на севере от Византийской империи — Гиперборея». Изначально Московский Патриарх именовался «Патриархом Гиперборейских земель».

Таким образом, **Россия-Русь была воплощением земного гиперборейского рая, преемствуя здесь как Римской империи, так и Скифскому царству.**

В конце XVII в. наверху возобладал излишне «исторический» взгляд на метаисторическую доктрину Третьего Рима. Было принято решение «исправить» русскую религиозную традицию по греческим образцам. Третий Рим как бы склонялся перед Римом Вторым, отказываясь от статуса империи, воплощающей земной рай. Это и стало началом последующего чужебесия, которое вылилось в радикальную вестернизацию. В результате в XVIII в. элита обособилась от Русского мира, противопоставив себя крестьянскому («христианскому») большинству.

А в XIX в. произошло некое чудо. Внутри российской «умственной» элиты возникли два течения, обратившие свои взоры к Русскому миру. Первое образовалось на правом фланге русской общественной мысли и вошло в историю под названием «славянофилы». Второе возникло уже на фланге левом — это были «народники». Как первые, так и вторые ставили в центр российской жизни **русскую общину**, считая её неким базовым институтом и основой грядущих преобразований. Именно крепость русского общинного мира рассматривалась ими надежным заслоном против распространения в России западного по своему происхождению капитализма. (Любопытно, что Карл Маркс считал общину зародышем социализма в России.) Славянофилы и народники пробудили интерес «высшего общества» к «низовой» российской жизни. Они сильно сдвинули общественное со-

знание в сторону от Запада и тем самым подготовили почву к отрицанию капитализма.

Через славянофилов и народников русская община вошла в общественное сознание «петербургской» России. Возник контур новой Русской Мечты. Она заключалась в том, чтобы страна стала **одной мощной общиной, державой Русского мира**. Так концепция Третьего Рима возрождалась в формате Русского общинного мира.

2. КОСМОС РУССКОЙ ОБЩИНЫ

Здесь стоит сделать некоторое отступление и коснуться самой природы русской общины и русского общинного сознания. Русский крестьянин именовал общину «миром», и она действительно была для него целым миром, самой настоящей **вселенной**. Это было совершенно противоположно западному сознанию, которое ориентировано на «общество», понимаемое как **совокупность атомизированных индивидуумов, создающих некие, сугубо прагматические ассоциации**. К слову, немецкий социолог Фердинанд Тённис разграничивал два типа организации людей — общину (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). Первое представляет собой коллектив традиционного общества, основанный на органических, почвенных, «родственных» связях. Второе есть атомизированное сообщество отчуждённых индивидов, в основе которого находится формальный договор.

Мир означает не только «пространство», но и некое **состояние отсутствия вражды**. Община также была «заточена» на то, чтобы устранять противоречия и конфликты, согласуя интересы «части» (личности, группы) и «целого». Конечно, внутри общины существовали личности, стремящиеся подчинить её своим эгоистическим интересам. Таковыми личностями были кулаки — сельские буржуа, часто занимавшиеся ростовщичеством. (Их следует отличать от просто зажиточных крестьян.) И не случайно, что кулаков

именовали мироедами — они нарушали общинный мир и «поедали» общественное пространство. Но сама общинная суть была именно «мирной» — райской. Она стремилась к такому состоянию. Другое дело, что капитализация страны способствовала имущественному расслоению, а следовательно, и нарастанию вражды. **Вестернизация всегда раскалывала Русский мир, создавая предпосылки и для раскола всей страны — как социально-политического, так и территориально-регионального.**

Старинная русская поговорка характеризует общину следующим образом: «Мир — большой человек». Действительно, сама община воспринималась как некий **единый, разумный организм**, все части которого связаны воедино. Таково отличие русского общинного сознания от западного индивидуалистического, которое воспринимает любое социальное пространство как, прежде всего, **множество**.

«Антропоморфность» русской общинности закономерно подводила и к монархическому идеалу государственности. Россия представлялась огромной, единой общиной, которую **персонифицирует** «большой человек» — самодержавный государь. Все общины и все общинники как бы находятся внутри царя, составляя единую, соборную личность. В то же самое время западный индивидуализм ставит на первый план **одного из множества индивидуумов**. И он всего лишь способствует некоторой ассоциации единиц, призванной предотвратить их полное отчуждение друг от друга.

3. СОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

В последней четверти XIX века общинные движения — славянофильство и народничество — переживают кризис и «затухают». Однако в начале следующего века происходит их возрождение. На базе славянофильства возникает монархическое

черносотенство. (Хотя у него был и иной источник — «охранительство» а ля Катков и Победоносцев.) На основе же народничества возникает движение неонародничества. Наиболее мощным его субъектом была партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры).

И «неославянофилы», и «неонародники» подвергаются мощному влиянию вестернизированного, капиталистического уклада. Большинство вождей монархизма (Владимир Пуришкевич, Николай Марков — 2-й и др.) выступают за ликвидацию общины и развитие частных крестьянских хозяйств. Эсеры же попадают под влияние социал-демократов — меньшевиков, которые требуют, в соответствии с догмами марксизма, полностью пройти путь развития капитализма, создав необходимые предпосылки для строительства нового общества. (При этом сам Маркс считал вполне возможным для России не проходить данный путь до конца, используя, в целях социализации, русскую общину.) Неонародники, следуя за меньшевиками, выступают за то, чтобы развивать парламентаризм, подправляя капиталистический строй социальными реформами. Казалось бы, вестернизация побеждает, предельно минимизируя славянофильско-народническое чудо XIX века.

Но тут происходит новое чудо. После свержения царя, как бы в «компенсацию» за обрушение главной основы традиционного мира, повсеместно возникают Советы. Депутаты которых выбирались на собраниях (предприятий, воинских частей) подобных общинным. Вначале они образуются в городах — в качестве Советов рабочих и солдатских депутатов. При этом сами рабочие имели общинные крестьянские корни — пусть даже речь шла о втором или третьем их поколении. Подавляющее большинство солдат сами были крестьянами — в солдатских шинелях. Ну а потом к процессу советского строительства подключились и собственно крестьяне. Они увидели

в Советах новое воплощение столь привычных им общинных сходов (часто эти сходы так и называли — «советами»).

Левые партии приняли активное участие в создании Советов. Но они видели в них всего лишь некую **классовую политическую организацию**, которую надо использовать для давления на Временное правительство. Идеалом же продолжал оставаться парламент, где было бы желательно создать левое большинство. И таково же подхода вначале придерживались большевики, позиционирующие себя всего лишь как левые социал-демократы.

Но тут в Россию из эмиграции вернулся Владимир Ильич Ленин. Он написал свои знаменитые «Апрельские тезисы», в которых огорошил всех своих оппонентов и сторонников странной идеей — власть должна принадлежать Советам. Патриарх российской социал-демократии Георгий Плеханов вообще назвал подобное предложение «бредом». Но и ближайшие соратники Ильича тоже выступили резко против.

Однако за какие-то считанные апрельские дни Ленин сумел настоять на своём, и большевики выступили за советовластие. Считается, что он, за счёт выдающихся личных качеств, сумел переубедить функционеров своей партии. Несомненно, такие качества у Ленина, как бы к нему ни относиться, присутствовали. Но несомненно и то, что за счёт их одних, он не смог бы переменить настроение сподвижников за столь короткое время. Они ведь тоже были людьми сильной воли и крепкого характера. Как, очевидно **чудесным образом**, «сработал» **монархический архетип**, который Ленин выразил подсознательно, не понимая даже, что он делает в реальности. Именно этот архетип и сообщил ему непредставимую мощь, переломившую настрой соратников. (И тут надо отметить, что само могущество государя не столько **директивно**, сколько **духовно**, «**идеологично**», **сверхрационально**.)

Произошло второе **русское чудо — на сей раз советское**. Устранение монарха было восполнено, насколько это можно, общинными по своей сути Советами. Сам факт их появления оказал колоссальное воздействие на Ленина, отличавшегося совершенно критическим отношением к капитализму и западной демократии. В результате в нём пробудился монархический архетип, позволивший в течение нескольких дней кардинальным образом преобразовать целую политическую партию, насчитывающую тогда, в апреле 1917 года, уже 100 тысяч членов. Свершилось некое чудесное превращение — из социал-демократической партии, всегда полемизировавшей с неонародниками, большевики сами стали во многом народнической и в чём-то даже славянофильской партией. Они сорвали вестернизацию и тем самым сохранили Россию как государственно-политический субъект. Вне всякого сомнения, триумф чуждого нам вестернизированного, капиталистического уклада привёл бы к распаду страны на несколько десятков (если не сотен) «самостийных», враждующих друг с другом и зависимых от внешнего мира субъектов

Произошло возвращение Русской Мечты, пусть и в коммунистическом формате. Русские осознали себя особым миром, который мечтает о возвращении гиперборейского Золотого века. Третий Рим неожиданным образом воплотился в Советском Союзе.

4. «ВСЕХ ВРЕМЁН И НАРОДОВ»

Своего пика данный процесс достиг в правление Иосифа Виссарионовича Сталина, который воплотил монархический архетип даже полнее, чем Ленин. (Хотя и он не стал самодержавным царём в русской православно-монархической оптике.) Весьма показательным определением его «неофициального», но в высшей степени значимого статуса: **«Вождь всех времён и народов»**.

Произошло возвращение Русской Мечты, пусть и в коммунистическом формате. Русские осознали себя особым миром, который мечтает о возвращении гиперборейского Золотого века. Третий Рим неожиданным образом воплотился в Советском Союзе.

«Всех времён» — здесь указание на нечто **надвременное**, пронизывающее разные исторические периоды и воспроизводящее бытие нашего изменчивого мира. Таковым надвременным началом, символизирующим вечность, и считалась сакральная власть царя.

А словосочетание **«всех народов»** указывало на всемирный характер данной власти, которая реальна даже в том случае, если не распространяется на все народы мира в директивном, так сказать, порядке. Самое главное, что она уже установилась на уровне духовном, мистическом. «Эмпирическое» же её установление — есть дело второе. (В этом важнейшее отличие от глобализма, который требует именно «эмпирического» объединения всех и смешения всех народов.)

Православный государь как раз и считался всемирным царём. Таковыми всемирными правителями и осознавали себя византийские базилевсы. И в 1561 году первый царь всея Руси Иоанн IV Васильевич Грозный был утверждён в сане вселенского императора соборной грамотой Константинопольского патриарха Иоасафа и всего восточного духовенства. Вне всякого сомнения, титул «всех народов» есть продолжение этой линии проявления Незримого царства в «конкретно-исторических условиях».

«Народы» на Руси именовались также «языками», что свидетельствует о мощнейшей роли языка в жизни народов. И здесь необходимо вспомнить, что Сталин проявлял огромный интерес к языку. Он написал в высшей степени концептуальную работу «Марксизм и вопросы языкознания». В ней подчёркивалась **надвременная и надклассовая** роль

языка, сохраняющего бытие народов. Немецкий исследователь К. Хюбнер дал интереснейший анализ данной работы и пришёл к потрясающим выводам. Представляется, что здесь будет уместным привести обширную цитату из «Нации» Хюбнера: «...Сталин, в отличие от Маркса и Энгельса, не говорит о связи базиса и надстройки более или менее расплывчатым образом, а категорически признаёт обратное активное воздействие надстройки на базис... Он, помимо всего прочего, выделил общественные элементы высшего значения, которые вообще не могли быть включены в марксистскую категориальную схему: язык и нацию. Ни один из них не мог быть упорядочен в рамках базиса или надстройки. Язык находится в теснейшей взаимосвязи с развитием народа. Он также не подчиняется диалектическим, а значит, скачкообразным процессам, которые являются выражением классовых противоположностей, а выказывает континуальный характер развития. Нация, следовательно, изображается Сталиным как некое целое, внутри которого выступают его классы и классовые противоположности. Если бы этого манифестированного в языке и нации целого не существовало, не могло — слышим и удивляемся — образоваться никакого общества, никакого, даже внутренне противоречивого! Лишь в силу объединяющих национальных уз «классовый бой, каким бы острым он ни был, не приводит к распаду общества». Однако язык и нация — это не только необходимые узы, связывающие в единство граждан государства, но они связывают воедино поколения в прошлом, настоящем и будущем, — поистине можно подумать, что здесь мы слышим голос Адама Мюллера (*одного*

из классиков немецкого «романтического» национализма — А. Е.), поэтому нация переживает классы и сохраняется в бесклассовом обществе точно так же, как и язык, который выступает ее носителем. «Национальные языки, — пишет Сталин, — не являются классовыми языками, но суть языки народные, общие для всех звеньев общества».

5. ОБЩИННЫЕ ВОЛНЫ СССР

Сталина часто представляют как некоего абсолютного этатиста. Это, конечно, большое упрощение. Безусловно, при нём произошло мощнейшее и часто весьма травматическое ужесточение государственного контроля. Оно сильно затронуло и общинную жизнь. Вместо «классических» общин возникли колхозы (именуемые в своём составе «артелями»). Здесь сельский коллектив оказался под «тяглом», что было во многом вызвано необходимостью мобилизации ради нужд промышленности и обороны. Однако, несмотря на весь «этатизм» сталинского периода в стране, существовал мощный артельный (по сути, общинный) вектор, выпускающий 8% всего ВВП.

В 1953 году в СССР было 114 000 предприятий, функционирующих в самых разных отраслях — в пищевой промышленности, в металлообработке, в ювелирном деле, в химической промышленности и т.д. В артельном секторе было занято примерно два миллиона работников. Артелями и промкооперацией производились: треть всего трикотажа, 40% мебели, 70% металлической посуды, все детские игрушки. На артели работало около сотни конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и два НИИ. В рамках сектора существовала даже собственная пенсионная система. Артель предоставляла своим членам ссуды на строительство жилья, а также на приобретение скота, инструмента и оборудования. (В данном плане весьма интересно исследо-

вание Андрея Песоцкого «Артели и кооперативы: основа трудового среднего класса».)

И вот этот самобытный, необщинный сектор был запрещён в 1956 году по инициативе Никиты Хрущёва. Весьма символично, что в том же году был разоблачён и «монархический» культ личности Сталина. Таким образом, при Иосифе Виссарионовиче был создан уклад, который вполне мог бы распространяться на более крупные предприятия — в условиях грамотной реорганизации и постепенного отказа от мобилизационной экономики. Однако «прогрессивный реформатор» Хрущёв провёл не реорганизацию, но дезорганизацию, сокрушив при этом советскую артель, что весьма характерно.

Однако артельная организация всё же пробила себе дорогу — в 1970-х годах. Тогда стал активнейшим образом распространяться бригадный подряд. Обычная схема управления, по сути, игнорировала самое «низшее» базовое звено предприятия — бригаду. Она находилась под жёстким контролем партийно-государственных органов, с ней не заключались никакие договора, вознаграждение за труд отдельного работника бригады не зависел от труда других её работников.

А вот в рамках бригадного подхода «низовой» трудовой коллектив уже выступал в качестве субъекта управления. Он заключал договор с администрацией, переходя на хозрасчёт. Данный метод вполне успешно распространился на четверть всех предприятий страны. К примеру, Калужский турбинный завод, после введения бригадного подряда, увеличил производительность труда в 3,4 раза.

6. СУМЕРКИ МЕЧТЫ

Таким образом, структуры Русского общинного мира неизменно пробивали себе дорогу, проявляя чудеса живучести и укоренённости в национальной почве. Однако сама

энергетика Русской Мечты стала угасать. Коммунизм воспринимался русскими, советскими людьми как нечто в первую очередь **идеальное**. Поэтому они и творили невиданные чудеса в жутко неблагоприятных материальных условиях. В последующем эти условия становились всё более и более благоприятными. Но именно тогда и возникла острая нужда в новой идеалистической подпитке. Необходимо было преобразование официальной **материалистической** идеологии в **духовное** мировоззрение, прямо апеллирующее к сакральному. Возможно, здесь сыграл бы важную роль русский космизм (прежде всего, имеются в виду идеи Николая Фёдорова). К слову, это вполне соответствовало бы космическому настрою Советской империи.

Однако материализм остался неизменным официальным «дискурсом». Он не мог дать новый импульс Русской Мечте. Сам коммунизм всё больше воспринимался как общество материального изобилия. Достаточно вспомнить по-своему даже гениальное высказывание Хрущёва: «Коммунизм — это когда много сала». Но в том-то и дело, что обеспечить «изобилие» могла только прежняя духовная энергетика, которая в своё время и преодолела невероятные тяготы материальных «трудностей». Но когда эта энергетика иссякла, то трудности уже стали преодолевать с большим трудом. Возник великий соблазн решать все проблемы сугубо материальным путём, к чему подталкивал и «марксизм-ленинизм» с его экономическим детерминизмом, доставшимся от Запада. Этому же способствовал и нарастающий эгоизм многих элитариев, которые тайком завидовали материальному процветанию западных «коллег».

В результате Русская Мечта оказалась преданной. Но, несмотря на это, советское чудо всё же свершилось, и оно спасло Россию. Архетип Золотого века, земного рая не исчез, он просто заснул. И он может пробудиться в любую минуту, к чему надо быть постоянно готовыми.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Большевики и мечта

Большевики побеждали и потому, что чувствовали, чего хочет народ, и потому, что умели мечтать.

К моменту, когда они оформились как собственно политическое течение и политическая партия, — они прошли минимум через четыре размежевания в революционном движении. С народниками, полагавшими, что история не знает общих законов, и считавшими, что историю и победу творят особые «критически мыслящие личности», вступающие в террористическую борьбу с властью. С «легальными марксистами», считавшими, что экономические закономерности определяют всё в истории, и, опираясь на них, — нужно поэтапно менять жизнь, не ставя себе задачу её радикального преобразования. С «экономистами», видевшими свои задачи в борьбе за экономические интересы рабочих, без политической борьбы за власть. С «меньшевиками», признававшими своей целью взятие власти (но лишь тогда, когда рабочие составят большинство населения России, а до тех пор ориентированными на поддержку буржуазно-демократических требований той же буржуазии).

Первые хотели уничтожить политическую верхушку страны, после чего народ сам должен был подняться на борьбу и, в силу своей вековой мудрости, создать свободное и справедливое общество. Вторые хотели, чтобы власть признала их историко-экономическую правоту и начала следовать артикулированным ими законам развития общества. Третьи — чтобы предприниматели начали платить рабочим высокую, честную и справедливую зарплату. Четвёртые — были уверены, что ког-

да-нибудь рабочих в обществе станет так много, они так самоорганизуются, что политическим волеизъявлением большинства общества возьмут власть и установят социальнсправедливые порядки.

Никто из них не ставил своей задачей строить новый мир — в лучшем случае они верили, что своей борьбой смогут улучшить существующий.

Можно ли это было считать мечтой — сказать сложно. Вряд ли. Мечта несёт ожидание чуда. Одни ожидают, что это чудо наступит само собой или в ходе длительного поступательного развития истории. Другие мечтают сами это чудо сотворить, опираясь на знание законов, на связь с конкретным делом, на свою волю, совесть и разум.

Большевики в центр своей деятельности поставили мечту, способную вести в бой, делать человека бóльшим, чем его жизнь, способную стать смыслом жизни.

Позже, после Революции, Луначарский напишет, что Ленин считал коммуниста, не умеющего мечтать, — плохим коммунистом: «Ленин прямо говорил о том, что коммунист, не способный к полётам реальной мечты, т.е. к широким перспективам, к широким картинам будущего, — плохой коммунист. Но революционный романтизм органически сочетался в Ленине с крепчайшей практической хваткой».

Те, кто идёт за мечтой, верят, что это чудо могут совершить они.

Ещё тогда, в начале пути, когда Ленин написал свое «Что делать?» — наряду с известными стратегическими и технологическими установками он дал куда реже вспоминаемый ответ на заданный вопрос: «Что делать? — Мечтать!» Он писал тогда:

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на “объединительном съезде”, против меня сидят редакторы и сотрудники “Рабочего дела”. И вот встаёт товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: “А позвольте вас спросить, имеет ли ещё автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?”

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз продирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

“..Если бы человек был совершенно лишён способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперёд и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...”

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей “близостью” к “конкретному” представителю легальной критики и нелегального “хвостизма”¹.

Кто-то мечтает о лёгкой и беззаботной жизни, кто-то о «добром хозяйине», кто-то — о том, чтобы самому стать хозяином, кто-то — о свободе, кто-то — о справедливости.

О чём мечтали большевики? О бóльшем: о счастье. О счастье для каждого. О том мире, где каждый будет счастлив, потому что у каждого

¹ Ленин В.И. Что делать? (1902). Полн. собр. соч., т. 6, с. 171–173.

будет любимое дело, в котором каждый сможет реализовать свои естественные таланты. А его труд, его профессиональные занятия станут не тяготящей обязанностью — но способом реализовать своё большее, чем биологическое, начало. Большевики чётко знали и изначально принимали главное: «Человек — не животное». В нём есть способность творить, утверждать себя в мире строительством и созиданием, есть потребность познавать мир и делать его лучше. Они, конечно, были материалистами, но материальное — это то, что мы создаём в мире, в том числе реализация самим человеком его способности к познанию и творчеству. А возможным это становится в итоге тогда, когда в своём самоутверждении человек получает возможность опереться на созданные людьми производительные силы, которые освобождают его от материальной зависимости от внешнего мира.

Мир счастья для них был миром свободного труда: свободный труд свободно собравшихся людей, когда труд становится естественной потребностью живого организма.

Вот эта, созидательно-творческая способность человека для большевиков была главной. И свою задачу они видели в том, чтобы создать условия, в которых эта способность сможет реализоваться, а труд и способ добывания себе пропитания станет способом творческой самореализации личности. Главное — человек. И человек — мера всех вещей. Но не в своём животнопотребляющем начале, — а в своём высшем, созидающем.

Поэтому мечта о счастье для каждого из большевиков — это мечта освобождения каждого от порабощения необходимостью добывать пропитание — но не для погружения в сытое довольство, а для реализации своей собственно человеческой сущности в творческой созидательной деятельности. Большевики и были атеистами — потому что считали, что главный субъект актов творчества в мире — человек, а не Бог, что способность мироздания принадлежит не Богу, а человеку, и что представление о Боге — это

представление человека о том, каким он сам должен быть, о своей человеческой сущности.

Большевизм как организация оформился к 1905 году. И во главе его тогда стояли три человека: Ленин, воплощавший идею возможности создания разумно и научно организованного общества; Красин, ещё в те годы посвятивший себя наравне с революционной борьбой созданию электроэнергетики России; Богданов, артикулировавший веру в возможности человека и в «Красной звезде» описавший два ключевых образа будущего коммунистического общества: космические полёты и человеческое бессмертие. Именно он после революции создаст в России систему переливания крови — как способа лечения и продления жизни человека.

Почему Красная звезда станет символом коммунистов и коммунизма — потому что Богданов так назвал в своём романе Марс: где, по его мысли, был создан коммунизм и обеспечено бессмертие человека. И когда этот символ принимали как символ коммунизма — те, кто его принимал, ещё хорошо помнили эту книгу. И Красная звезда была и символом будущей победы коммунизма, и символом покорения космических просторов, и символом человеческого бессмертия. На гербе Советского Союза расстояние от центра Земного шара до центра Солнца, и расстояние от центра Солнца до центра Красной звезды — строго пропорционально расстояниям от Земли до Солнца и от Солнца до Марса.

Вообще, очень многое из того, что стало потом, спустя полвека, символами научных и технических побед СССР и социализма, — было в основах заложено ещё тогда, в годы Гражданской войны, по инициативе Ленина и большевиков. Если о ГОЭЛРО ещё помнят, то о том, что, выступая на Съезде Советов, принимавшем этот план, Ленин уже говорил о будущей атомной энергетике страны и о космических перелётах — мало кто знает.

Многие сегодня удивятся, но Космическую программу страны начал ещё Ленин: именно при нём была

создана Газодинамическая лаборатория при РККА (с 1933 года — это уже Реактивный институт при Наркомате тяжёлой промышленности СССР). Известно, что на VIII съезде Советов, когда обсуждался план ГОЭЛРО, Ленин говорил и об освоении космоса. Именно по его инициативе в 1918 году Циолковский получил статус академика, а позже — пожизненную пенсию. Именно он, увлечённый услышанным им в 1921 году докладом Фридриха Цандера, — увлёк его уйти с завода и посвятить себя разработке межпланетной космической техники.

Всё это забыто сегодня, — но именно тогда, ещё в 18–20-х годах, в частности, по инициативе Ленина, были основаны многие будущие научно-технические программы и открыты десятки исследовательских институтов.

Имя «кремлёвского мечтателя» Ленин получил от Уэллса не только за политический оптимизм и веру в победу Революции, но и за полёт научно-технических замыслов и проектов. Он записал после беседы: *«Ленин сказал, что, читая роман (Уэллса) “Машина времени”, он понял, что все человеческие представления созданы были в масштабах одной нашей планеты. Эти представления основывались на предположении, что техническая мощь никогда не перейдёт земного предела. Но если, продолжал Ленин, мы сможем установить межпланетные связи, тогда придётся переосмыслить все наши философские, социальные и моральные представления. И в этом случае техническая мощь, став безграничной, положит конец насилию как одному из факторов прогресса».*

Ещё при Ленине были созданы отдел по редким элементам и радиоактивным веществам во главе с Вернадским, Институт физико-химического анализа, Химический институт и Институт платины. В 1918 г. под руководством В.И. Вернадского были организованы изучение и добыча радиоактивных веществ, в 1920 г. образована Радиевая ассоциация. А Кржижановский, ставший председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО),

ещё до революции исповедовавший почти религиозную веру в электричество, — был в то же время и автором «Красного знамени», «Слезами залит мир безбрежный», «Беснуйтесь, тираны» и самого известного и культового — «Варшавянки».

Все они мечтали — мечтали о свободе и счастье: свободе для созидания, счастье — для каждого. И для каждого из них их мечта и служение этой мечте было важнее их собственной жизни. Они пришли в мир, и в политику, и в Революцию — чтобы строить. Да, не будем забывать: они готовы были жёстко подавлять тех, кто строить мешал. Но потому, что и сами были готовы платить своей жизнью за успех этого строительства.

Они пришли не разрушать старое — они пришли строить новое: и строить новое, опираясь на построенное до них. Году в 1919-м Ленин скажет: «...От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из неё построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»².

Ну а его «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. ... коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания», — воспроизводится в тех или иных вариантах многими и до сих пор.

Да, все они были мечтателями — и главным для них было не разрушать старый мир и подавлять тех, кто стоит на пути создания, а строить, познавать, созидать, творить.

Переход к «проектному существованию» общества, к такому состоянию, когда оно не живет по инерции, повинуюсь императиву «живём, потому что живём», а переходит к осознанию целей и смыслов своего не только простого существования, но развитию,

Общество, отказавшееся от мечты, постепенно забывает, что главное — это не благополучие и изобилие на товарных полках, не комфорт и потребление — а развитие, напряжение, стремление «сегодня» построить мир «завтра». И, не имея внутреннего настроя, той внутренней целеустремлённости в будущее и привычки к напряжению, которые обеспечивают любые победы, оно лишается как способности к прорыву в завтра, так и не обретает благополучия сегодня.

Побеждает вообще тот, кто умеет мечтать, — и стремится к тому, что иным кажется невозможным.

когда оно способно стремиться к лучшему — и само творит это лучшее....

Что можно было найти в вещмешке юного красноармейца в те годы — «Город Солнца» Кампанеллы.

Как напишет однажды Евтушенко: *«И снились мне индусы на тачанках, // И перуанцы в шлемах и кожанках, // Восставшие Берлин, Париж и Рим. // Весь шар земной, // Россией пробуждённый, // И скачущий по Африке Будённый, // И я, конечно, скачущий за ним».*

Старый мир надоел. Надоел всем. В России он просто застрял между эпохами. В Европе — открыто пришёл в тупик. Из всего этого и рождалось подслушанное Маяковским: *«В снегах России, в бреду Патагонии // расставило время станки потогонные, // У Иванова уже, у Вознесенска каменные туши будоражат выкрики частушек: // “Эх, завод, ты мой завод, желтоглазина. // Время новое зовёт Стеньку Разина”».*

Людям надоело жить так, как они жили. И они мечтали. Люди 17-го года — что лидеры, что юные девушки в кожанках и с наганами — все они жили мечтой. Только они мечтали не в тишине кабинетов, библиотек и поэтических вечеров, — они стали за свою мечту драться и действовать во имя её осуществления. Это главное: большевики победили потому, что умели мечтать и за мечту драться. И мечту воплощать и строить.

Общество, отказавшееся от мечты, постепенно забывает, что главное — это не благополучие и изобилие

на товарных полках, не комфорт и потребление, — а развитие, напряжение, стремление «сегодня» построить мир «завтра». И не имея внутреннего настроя, той внутренней целеустремлённости в будущее и привычки к напряжению, которые обеспечивают любые победы, оно лишается как способности к прорыву в завтра, так и не обретает благополучия сегодня. Побеждает вообще тот, кто умеет мечтать, — и стремится к тому, что иным кажется невозможным.

В 1917 году и страна, и народ умели мечтать. Октябрь был создан мечтой — воплотил в себе мечту — кстати, нескольких веков — и чем больше будет осуждаться теми, кто мечтать не умеет и не любит — тем больше будет становиться символом мечты и исторического прорыва. А еще — символом превращения России в лидера исторического поиска и исторической надежды на то, что мир может быть лучше, чем он есть сегодня.

В чём великая правда «Солнечного удара» Никиты Михалкова? В том, что он своим фильмом блестяще экранизировал строки Маяковского: *«Кругом тонула Россия Блока. // Незнакомки, дымки севера // Шли на дно, как идут обломки // И жестянки консервов».* В том, что показал, как обречены утонуть в истории те, кто так и не понял — почему оказался чужим для своего народа.

В мечте большевизма не могло быть главным материальное изо-

² Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти (1919). — Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

билие и бесплатность — ради этого не нужно строить новый мир. Для этого достаточно кого-нибудь завоевать, покорить или иметь золотые рудники либо нефтяные скважины. В мечте большевизма не может быть главным элементом справедливость, потому что справедливость в каждую эпоху, в каждой стране и у каждого класса, даже у каждого человека — своя. В мечте большевизма не могло быть главным соблюдение библейских заповедей: и потому, что они желали счастья не только для представителей библейских религий, и потому, что они хотели создать Новый мир, который будет не сохранением некогда созданного мира, а созданием на его основе Нового — мечтаемого и невиданного.

Коммунизм, мир, который взялись создавать большевики и пошедший за ними народ, мир их мечты — это совсем другое. Это мир, где человек избавлен от необходимости тратить свою жизнь на добывание средств для физического существования и имеет возможность посвятить себя труду и творчеству. Где для него перестаёт быть главным потребление и основным становится познание и созидание.

В мечте большевизма поэтому главное — не изобилие потребления и не справедливость дележа, а возможность посвятить себя любимому делу, творчеству, открытиям, созиданию. Когда-то, когда вся страна верила в коммунизм, Аркадий и Борис Стругацкие, наследовавшие мечте большевиков, писали: *«Коммунизм — это братство закалённых бойцов, знающих, жизнерадостных, честных. Да будет изобилие... Множество хитроумных машин, выполняющих всю неприятную и однообразную работу. Но не для того, чтобы человек заплыл салом от лени. Изобилие и машины нужны для того, чтобы освободить человека для выполнения высшего его назначения — для творчества»*.

Спустя почти полвека, незадолго перед смертью, оставшийся один Борис Стругацкий напомним: *«Коммунизм — это общество людей, наслаждающихся своей любимой работой,*

а не стадо пожирателей вкусной еды, для которых главное в жизни — поменьше думать и побольше развлекаться».

Вот эти две вещи важно понять: большевики мечтали не о жизни ради еды и даже не ради справедливости. Большевики мечтали о счастье жизни ради познания тайн Вселенной и созидания, строительства. То есть их мечтой было общество огромного производственно-творческого объединения людей, в котором человек ни от чего не получает большего удовольствия и радости, чем от любимой работы.

В котором прочитать книгу — важнее и интереснее, чем съесть иноземный деликатес, сделать новое изобретение — много необходимее, чем сходить в ночной клуб или купить одежду новой модели, а слетать в звёздную экспедицию — важнее и интереснее, чем провести сезон на личной яхте или на модном курорте. Где нет паразитирующих общественных слоёв, классов и групп: ни правозащитников, ни юристов, ни банкиров, ни бизнесменов, ни менеджеров, — потому что это единая экономика, единая цивилизация и **общее дело** человечества. Будет возможность каждому выбрать своё любимое дело и реализовать, утвердить себя в своём творческом и преобразующем воздействии на мир — в едином творческом союзе со всеми остальными людьми. Люди этого мира и мир этих людей будут людьми и миром, верящими в свои силы, уважающими наследие прошлого, верящими в человека и знающими свои цели.

Но главное, что это будет цивилизация учёных, инженеров, поэтов. Где главными и самыми уважаемыми профессиями станут Учитель и Врач.

И они верили, что создать этот мир можно. Только создать его смогут лишь люди, если захотят. Люди, познавшие законы развития общества и производства, знающие свои цели, умеющие не замечать препятствий и проходить сквозь стены.

Их мечта была видением смыслов мироздания — для них мир существовал не как неизменный с детерминированной жизнью и судьбой людей —

для них мир существовал как объект, не нависший над человеком, а представший перед ним, как загадка, которую нужно разгадать и выделить в ней главное. И человек виделся не осужденным на муки в силу своей вечной греховности, — а субъектом действия, способным разгадать загадку мира, — и сам мир освободить от своей предопределённости.

В их понимании человек исторически проходил три стадии взаимоотношения с миром: первая, стадия незнающего и несвободного человека, когда мир выступал как начало, много большее, чем человек, диктующее ему свою волю. Вторая — состояние знающего, но не свободного, когда человек выступал как начало, относительно равное миру, способное его познать, способное более или менее удачно отстаивать свою волю в этом мире, но не имеющее ещё силы мир изменить. Третья стадия отношений человека и мира — состояние знающего и свободного, когда человек создавал начало и инструменты радикального воздействия на мир и оказывался способен осуществлять свою волю и утверждать свои конструкты, уже не защищаясь от всемогущества объективных обстоятельств, а подчиняя мир своей воле: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор»... Это, конечно, гимн советских авиаторов, — но это не про авиацию — это о покорении всех измерений мира.

Именно как для марксистов, для них победа вооружённого пролетариата — это была ступень реализации мечты: победы человека над миром.

Но это — вторично. Главным оставалось признание: если не человек создал этот данный мир, в котором он живёт, — то человек, рождённый этим миром и познавший этот мир, — и способен, познав этот мир и скрытые в его развитии смыслы, — сотворить из него новый. Это — как в старой притче: «Что ты делаешь, тачечник? — Не видишь? Надрываюсь, везу камни... — А ты что делаешь, тачечник? — Разве не видишь? Я строю храм!»

СЕГОДНЯ ПОБЕДА ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ХРИСТИАНСКАЯ МИСТЕРИЯ, ГДЕ ДЕМОНИЧЕСКИЕ СИЛЫ АДА НАПАЛИ НА РОССИЮ, ОБЕРЕГАЮЩУЮ РАЙСКИЕ СМЫСЛЫ. И ВСЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ТРАКТУЕТСЯ КАК СРАЖЕНИЕ АДА И РАЯ, КАК ОДОЛЕНИЕ АДСКИХ СИЛ РАЙСКИМИ СМЫСЛАМИ, И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ НАПОЛНЯЕТСЯ РАЙСКИМИ СМЫСЛАМИ.

/ Александр ДУГИН /

Советский период в структуре Русской Мечты

ЧАСТЬ 1. ЛОЖЬ О СОВЕТСКОМ ПЕРИОДЕ И ЕЁ РАЗНОВИДНОСТИ

Советская ложь о советском периоде

О советском периоде мы имеем огромный массив информации, знаем бесчисленное множество фактов, собрали грандиозный по объёму материал. Но всё чаще мы сталкиваемся не просто с разночтениями при анализе и интерпретации этого материала, но с удивлением обнаруживаем, что мы всё меньше и меньше этот период понимаем. Чем больше информации, тем меньше, получается, знания. Это общий закон, но в случае советского периода есть и ещё кое-что.

Во-первых, и это самое главное, всё, что говорилось самим советским режимом о самом себе, о своих истоках, своей природе, своём становлении и своих перспективах — всё это и на всех этапах советской исто-

рии от большевиков до перестройки — было ложью. Не просто потому, что любая власть подстраивает мысль под свои политические нужды (это в своём анализе эпистемологии очень внятно демонстрирует М. Фуко¹), но и потому, что марксистская догматика изначально не подходила к описанию русского аграрного общества и была к нему неприменима (это прекрасно понимал и сам Маркс, и европейские социал-демократы). Ленин, Троцкий и в ещё большей степени Сталин наплевали на это фундаментальное обстоятельство и стали приводить русскую реальность в соответствии с марксистской догматикой с опорой на ничем не ограниченное насилие (так волюнтаристски-бланкистски они интерпретировали тезис о диктатуре пролетариата, но поскольку пролетариата в России просто не было, то от его имени действовала компартия как особый исторический субъект). Это великолепно описал

А. Грамши, давший самый реалистичный анализ феномена большевизма: в нём политическая элита (надстройка) оказалась впереди структуры соотношения производительных сил и производственных отношений (базиса). По Марксу так не бывает, по Ленину, Троцкому и Сталину должно быть. Правда, после смерти Ленина Троцкий не пошёл за Сталиным и вынужден был отчасти вернуться к более ортодоксальному марксизму, но до конца жизни он защищал волюнтаризм Октябрьской революции, то есть ленинизм. Для Троцкого решением должно было стать перерастание Революции в России в Мировую революцию. Этого, однако, не произошло, и Троцкий обвинил в этом Сталина — то есть перерождение советского общества в бюрократический — национальный по сути — этатизм.

Итак, Ленин, Троцкий и Сталин, а также все последующие идеологические и политические лидеры

¹ Если мы учтём, что Фуко был учеником Дюмезиля, создателя социологической теории трёхфункциональной структуры индоевропейских обществ, мы увидим в истоках понятия Фуко об эпистемологии прямое влияние дюмезилевского антиевгемеризма, то есть идею о том, что дискурс касты диктует модель интерпретации истории — всегда и всюду, а без этого дискурса истории просто нет.

СССР заведомо говорили о СССР то, что фундаментально и радикально расходилось с русской реальностью. Это касалось не только первого этапа Революции, Гражданской войны, НЭПа и индустриализации, но и более поздних периодов. Использовать классический марксизм для описания русской действительности было нельзя, и до Революции, и после нее. Марксизм родился в западно-европейских обществах, где существовали и пролетариат, и буржуазия, и урбанизация, и индустриализация — то есть собственно капитализм. Но и даже там идеи Маркса в исторической перспективе оказались ошибочными. К русской реальности они вообще никакого отношения не имели. И тем не менее на всех этапах советской истории от Ленина до Горбачёва власть строила свой дискурс на том, что считала «ортодоксальным марксизмом». Это была двойная ложь: для классического марксизма это марксизмом быть не могло (от начала и до конца), а для русского общества эта идеологическая диктатура была совершенно чуждой и никак и ни из чего исторически, культурно и философски не вытекающей схоластикой.

Таким образом, всё, что говорилось о СССР, о его начале и о его конце самой советской властью и теми, кто находился под её контролем (а в тоталитарном обществе такими являлись все без исключения — на то оно и тоталитарное), мы можем смело вынести за скобки — всё это в совокупности лишь семантическое ничто. С самого начала советская идеология черпала свою легитимацию из будущего, и события 1991 года отменили не только советское будущее (построение коммунизма), но и советское прошлое. Советское прошлое — то есть по-советски понятое прошлое — не существует, это ложь, его не было.

Таким образом, весь объём знаний о советском периоде непригоден по идеологической причине: это разнообразные дискурсы, принципиально иррелевантность которых

доказал крах СССР в 1991 году. С точки зрения официальной советской идеологии его просто не могло быть. Но так как он произошёл, то сама эта идеология утратила какую бы то ни было достоверность. Только что мы имели бесконечное богатство знаний, которые в одно мгновение превратились в чёрную дыру.

Постсоветская (либеральная) ложь о советском периоде

Но на смену советской идеологии, нерелевантность которой очевидна, пришла скопированная с постмодернистского Запада либеральная идеология. Эта идеология также не имеет ничего общего с русской действительностью — историей, культурой, идентичностью, Мечтой. Яснее всего это понимала последовательная либералка Валерия Новодворская, утверждавшая, что для победы либеральной демократии в России следовало бы истребить всех русских (или что-то в этом роде). Снова доминирующая во власти идеологическая парадигма не имела ничего общего с русским, и хотя либералы усиленно демонстрировали советские догматы, они вводили не менее чуждые — западные и капиталистические. Отдав себе отчет, что в России так и не был построен капитализм, элиты 90-х стали его строить. Но и в этом случае никакой внятной картины советского периода не получалось: 70 лет советской власти описывалось как сплошное кровавое недоразумение, вина за которое возлагалась на Сталина и на русский народ в целом, по мнению либералов, являющийся по своей природе тоталитарным, варварским, диким, жестоким и раболепным. Таким образом, и либеральная версия интерпретации советской истории ни на что не годится, так как представляет собой русофобскую карикатуру, смысл которой подчас сводится к демонизации русской государственности в целом, а также к пейоративному представлению о русской идентичности.

Западные источники подчас более объективны и взвешенны, но и они строятся на принципах либеральной идеологии, противостоявшей коммунизму в период холодной войны. Именно их и скопировали российские либералы как образец. При этом западные историки советского периода страдают ещё и от определённой культурной дистанции, отделяющей две цивилизации — восточно-христианскую (частью с какого-то момента и ядром которой была Россия) и западно-христианскую. Изначально между ними существовал и продолжает существовать существенный семантический разрыв, заставляющий западных наблюдателей неверно трактовать и интерпретировать события, личности, процессы и явления русской истории. Сложив это с обязательной либеральной идеологической установкой, на самом Западе становящейся в последние десятилетия всё более тоталитарной, мы получаем в результате массив исследований советского периода, который чрезвычайно далёк от какой бы то ни было достоверности.

Императив отрицания коммунистической и либеральной интерпретаций

Всё написанное о советском периоде советскими авторами, постсоветскими российскими либералами и западными историками (ангажированными идеологически и принадлежащими к иной цивилизации с отличными историческими циклами) следует отставить в сторону как недостоверное. Всё это изначально и заведомая ложь. Это взгляд на русское нерусскими глазами, что не может не быть радикальным и чаще всего пристрастным (а подчас и оплаченным) искажением правды. В этом нет и не может быть русской правды.

Этот тезис фундаментален. При всей его, с одной стороны, банальности, а с другой — чистой негативности, он содержит в себе ко-

лоссальное семантическое ядро. Мы не можем пробиться к правде, пока не отринем ложь. Если нам нужна правда о нас самих, правда о советском этапе нашей истории, — а это во многом требует нового прочтения предсоветского и постсоветского периодов, — мы должны заведомо отказаться от того, чтобы принимать на веру коммунистические и либеральные идеи, тексты, школы и анализы. Всё это отправляется если не на помойку, то откладывается на потом. К этой антирусской лжи можно будет вернуться в дальнейшем, когда мы обоснуем русскую правду. И после этого — но только после! — мы сможем (надеюсь) обнаружить в этих массивах нечто ценное, релевантное и содержательное.

Итак, первый императив приближения к выяснению структуры Русской Мечты в её советском историческом выражении: отбросить интерпретационные системы коммунистов, российских либералов и западных теоретиков.

ЧАСТЬ 2. РУССКОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Православно-монархическая эсхатология и её границы

Чтобы понять смысл и место советского периода во всём контексте русской истории, нам необходимо не просто знание прошлого, оно, как известно, в свою очередь, предопределено настоящим и доминирующими в настоящем эпистемами, но отталкиваться от какой-то более общей и более глубокой инстанции, не зависящей напрямую от смены идеологических матриц, диктующих всякий раз свои интерпретационные нормативы. Определить эту инстанцию чрезвычайно непросто. Но всё-таки попробуем это сделать.

Следуя императиву отвержения лжи о советском периоде и заведомо отбросив коммунистическую и либеральную парадигмы как релевантные позиции, на первый взгляд остаётся православно-консерватив-

ное толкование. Такое толкование не может быть отброшено столь же легко, как коммунистическое и либеральное, поскольку в данном случае советский период рассматривается в контексте всей структуры русской истории. В силу аномальности атеистического, материалистического и насильственно внедрённого русским характером советского мировоззрения православные консерваторы склонны интерпретировать советский период как эпоху апостасии. В православно-монархической циклологии, развитой Львом Тихомировым, заставшим только самое начало советской власти, но ясно понимавшим ещё задолго до революции, куда движется Россия, этот этап соответствует Сардийской церкви, уже далеко отступившей от православной нормы и приблизившейся к моменту финального исторического периода, соответствующего приходу Антихриста и описанного как Лаодикийская церковь. В этом смысле советский период рассматривается как конец полноценной России и ускоренная подготовка русского общества к концу света. При этом Тихомиров считал, что западный капитализм уже есть Сардийская эпоха, и поэтому большевики были лишь продолжателями русских западников, доведших эту идеологию Модерна до логического предела. В таком случае и конец правления большевиков, которых сменили либералы-западники, может быть рассмотрен как переход от Сардийской церкви к Лаодикийской, чему прекрасно соответствует глобализм, резко усиливший свои позиции как раз после падения СССР в 90-е годы. В сходных эсхатологических тонах последние этапы русской истории рассматривали и Иоанн Кронштадтский и, шире, яркие представители русского старчества.

В отличие от либеральной и коммунистической интерпретации, такой анализ не может быть отброшен как чистое заблуждение; более того, он довольно логично вписывается в общую структуру православного

представления о логике истории. Выводы из него напрашиваются довольно пессимистические, но это уравнивается отсылкой к Филадельфийской церкви, которой должны быть верны в конце времён все подлинно русские люди, отстаивающие православие и монархию до конца, — несмотря на все повороты эсхатологических событий. Именно так и представляли себе советский период консервативные круги русской эмиграции — Антоний (Храповицкий), Ильин, Солоневич и т.д. Собственно, приход к власти в 90-е годы после крушения СССР русофобов-либералов исторически подтверждал правоту такого прочтения советского периода. После воссоединения РПЦ с РПЦЗ, где такое мировоззрение было практически преобладающим, эта герменевтика стала достоянием русского православия в целом — и особенно его консервативного монархического крыла.

Однако этот подход имеет свои границы. Прежде всего, он ничего не объясняет в сущности советского периода, поскольку полностью вычёркивает третью составляющую уваровской триады — народ. Такой консервативный взгляд видит историю как историю государства и церкви, то есть самодержавия и православия. Это совершенно legitimately, но выпадение народа, третьей составляющей, делает такую, в целом вполне логичную модель исторической интерпретации ограниченной. Народ как будто исчезает за кадром — как чистая масса, оказавшаяся под полной властью антихристовых сил — вначале большевиков, затем либералов. Народ здесь не субъект, а чистый объект, у которого нет истории. Она есть у государства и церкви, а у народа её нет. Следовательно, причины исторических событий — решений, выборов и основных процессов — консерваторы во внешних факторах — в международном заговоре, геополитических интригах или напрямую в Божественном Промысле,

попускающем случиться последним временам и связанным с ними испытаниями. Следовательно, ответственность за историческое бытие перекладывается с народа, который приравнен здесь к пассивной массе, на какие-то внешние по отношению к нему инстанции, а там, где мы видим примеры героического русского противостояния большевизму и либерализму, речь идёт об индивидуальных исключениях — и членах Филадельфийской церкви.

История с позиции народа — вот чего не хватает

Не ставя под сомнение православно-консервативную интерпретацию советского периода, которая, будучи, безусловно, самой логичной и ортодоксальной, сегодня в целом остаётся маргинальной даже в патриотической среде, стоит поискать иную инстанцию, с позиции которой мы могли бы предложить русское прочтение советского периода. Подсказку для этого мы имеем в уже упоминавшейся уваровской формуле — православие, самодержавие, народность. Православие и самодержавие предложили своё — филадельфийское — прочтение, но с позиции третьего члена — народа — никакой внятной теории предложено не было. Это само по себе чрезвычайно важное методологически замечание, поскольку позволяет нащупать то, чего принципиально не хватает современной русской мысли. Конечно, взгляд с позиции народа частично присутствует и у монархистов (особенно у Солоневича), и у советских патриотов, и у евразийцев. У кого нет даже намёка на народность, так это у российских либералов, которые, в отличие от русских либералов XIX века, представляют собой без исключения законченных агрессивных русофобов. Но нигде такой взгляд не доминирует и не выносит самостоятельную категорию, а тем более не становится основой отдельной методологии. Поэтому путём отрицания и демонстрации некоторых ограничений православно-монар-

хической идеологии мы подошли к принципиально важному положению: **нам фатально не хватает описания советского периода с позиции русского народа, принятого за субъект истории.** Именно этой мировоззренческой позиции в нашем обществе нет как таковой. Но её отсутствие и объясняет то обстоятельство, что мы живём в окружении тотальной лжи — как о советском периоде, так и о нашей современной идентичности. Совершенно неверные (антирусские) идеологии, такие как коммунизм и либерализм, и частично верная (с русской точки зрения) идеология, такая как православно-монархическая, полностью определяют то мировоззренческое пространство, с позиций которого мы и должны были бы осмысливать советский период русской истории. А поскольку постсоветский период неразрывно связан с советским, то и всё последнее столетие и даже наше настоящее и будущее сводится именно к этой принципиальной проблеме: нам необходим взгляд на советскую историю с позиции русского народа — строго за пределом марксизма и либерализма и с отказом от отождествления субъекта русской истории исключительно с государством и церковью (как в православно-монархической модели).

Герменевтика Русской Мечты

Одной из возможных моделей такой реконструкции является предложенная А. Прохановым концепция Русской Мечты. Под этим можно понимать некоторую трансцендентную цель, которую ставит перед собой сам народ — во всей его совокупности, по ту сторону всех исторически предопределённых идеологий. Русская Мечта есть тайный сценарий, предполагающий движение к определённой цели, самобытную телеологию, что и делает отдельных разрозненных людей народом. При этом народ в таком случае не есть только государство и церковь, а также то, как государство и церковь народ определяют, каким содержанием

его наполняют. Русская Мечта в этом смысле существует самостоятельно и автономно, обладает своей собственной онтологией. Государство и церковь вплетены в эту онтологию, но при этом её полностью никогда не исчерпывают. Русский народ был и до государства, и до принятия христианства. И если он был именно народом, то должен был иметь нечто общее, что и можно назвать Русской Мечтой (или Восточно-Славянской Мечтой). Каким бы ни представляло народ государство, у самого народа в глубине было собственное представление о самом себе, о своей идентичности и о своём историческом горизонте. И государство в этой перспективе выглядело отнюдь не как истина в последней инстанции — а скорее как инструмент достижения какой-то более общей и более важной цели. Государство считало народ инструментом, а сам народ — напротив, государство видел как своё орудие на пути к реализации Великой Мечты.

Итак, понятие Русской Мечты вводит новую координату — новое измерение — в исторический анализ. Это измерение говорит о себе не столь ясно, как то имеет место в доктринах, идеологиях и религиозных догматах, но более расплывчато и символично — его мы легко обнаружим в мифах, песнях, сказках, обрядах, а в последние столетия в русском искусстве, с какого-то момента становящимся всё более народным.

Русская Мечта есть сосредоточение русской сакральности, третье измерение русской идентичности — наряду с религией и политической идеологией. Это измерение менее очевидное, но более глубокое. Оно сохраняется даже тогда, когда меняются политические режимы и даже религиозные мировоззрения. Русская Мечта существовала до христианства и Киевской Руси и существует всегда — пока есть русский народ. В каком-то смысле русский народ и есть эта Русская Мечта, поскольку, лишившись этого измерения, народ превратится в чистое население,

в рабов, статических налогоплательщиков — то есть в «мертвые души». Только мечта делает русских живыми; делает их (нас) русскими.

Тематика герменевтики Русской Мечты намного шире, чем оценка советского периода. Но, пожалуй, в этом случае её значение особенно актуально, поскольку мы видели — чтобы понять этот период (а без этого русские не смогут сделать следующего шага в истории) за пределом официальных идеологий и эсхатологического приговора, необходимо прибегнуть к какому-то экстраординарному методу. Попробуем в самых общих чертах продемонстрировать, какой бы могла быть интерпретация советского этапа русской истории, данная с позиции Русской Мечты. Первые подходы к этому русскому прочтению большевизма мы видим в движении «скифов», у Есенина и Клюева, а также у национал-большевиков и евразийцев. Но конечно, речь шла об очень приблизительных интуициях, даже и не претендовавших на то, чтобы стать новым методом. Вне большевистского контекста не менее важны русские народники и эсеры, теоретически пытавшиеся сочетать социализм с русской крестьянской традицией, но и они полноценной теории не выстроили. Тем не менее если нам необходимы некоторые реперные точки, то найти мы их можем именно в этой среде. Самым точным приближением к выявлению Русской Мечты в советском периоде является широко понятый национал-большевизм. Именно в этом состоит его непреходящее значение².

Русская Мечта работала в советское время. Она не сводится ни к догматике смены исторических формаций (как полагают коммунисты), ни к кровожадно-тоталитарной природе завистливых рабов

(как видят советский период либералы), ни к массовому отступничеству от веры (что представляется православным консерваторам). Она существовала и развёртывалась параллельно всему этому — на ином уровне. **Русский народ изначально хотел построить Царство Земли**³. Это была своего рода имплицитная крестьянская утопия, о которой можно догадаться лишь по намёкам и фрагментам, по отдельным выражениям из русских песен и сказок и гротескным сюжетам из практик русского сектанства. В таком Царстве Земли должна была существовать только крестьянская община, крестьянский мир, включающий в себя не только государство и церковь, но всю Вселенную. Царство Земли — это волшебный мир единства, братства, равенства и любви, полное раскрытие тайного всеобщего субъекта, приобретающего в определённой — финальной — исторической ситуации коллективное тело. Народ жил чувством расчленённого единства. Государство виделось ему как своего рода паллиатив, искусственная полумера. Государство собирало людей механически, а не органически. Это было **не совсем то Царство**. Важно: не совсем не то, а не совсем то. В том царстве, которое было, народ видел обещание царства иного, Царства Земли. Основой такого Царства было возвращение народа к своему изначальному истоковому конечному единству. Вселенная должна была стать огромной общиной, столь же простой и близкой, как крестьянская русская деревня, но масштабированная до размеров всего мира. И в этой космической деревне должна была осуществляться великая мистерия зерна — смерти и воскресения. Всё должно было вернуться, объясниться, проявиться. Все оппозиции между

богатством и бедностью, небом и Землёй, жизнью и смертью, своим и чужим должны были бы быть преодолены, сняты.

Царство Земли должно было увидеть явление нового человека — одновременно русского и вселенского (о чём писал Достоевский). Это далеко не национальный эгоизм, это эсхатологическое мессианство, когда русские, даже жертвуя собой, были готовы нести тайный свет своей мечты всем народам. Царство Земли должно было быть построено не на завоеваниях и не на угнетении, но на даре, жертвоприношении, самоотдаче и подвиге. Всё отдельное — частное, — включая индивидуума, собственность и даже рассудок, — должно было быть упразднено. Царство Земли — это момент экстатического безумия, где все границы разума будут отброшены.

Интуиции Царства Земли мы впервые видим в русских крестьянских восстаниях (начиная с Разина и Пугачёва), затем у русских сектантов — прежде всего, в эсхатологии хлыстов и скопцов. Позднее консервативную версию начинают развивать некоторые славянофилы, прежде всего, К. Аксаков, и подхватывают народники, с одной стороны, и создатели русской религиозной философии, с другой. В Серебряном веке Царство Земли становится главной темой, вдохновлявшей Блока и Белого, Мережковского и Розанова, Клюева и Есенина. **Русская Мечта есть мечта о Царстве Земли. По крайней мере, именно так она выражена на уровне народа, и именно здесь и надо искать ключи к истолкованию советского периода.**

Если примем и по-настоящему поймём эти принципиальные соображения, которые мы развёрну-

² Следует особенно обратить внимание на прекрасный и глубокий анализ этого явления у израильского публициста и историка Михаила Агурского: *Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003.*

³ *Дугин А.Г. Ноомахия. Царство Земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2019; Он же. Ноомахия. Русский историк. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019; Он же. Ноомахия. Образы русской мысли. Солнечный царь, блик Софии и Русь Подземная. М.: Академический проект, 2019.*

то и обстоятельно аргументируем в трёхтомнике «Ноомахии», посвящённом Русскому Логосу⁴, то можно самым предварительным образом очертить то, как проинтерпретировал советский период сам русский народ — в его внутренней субъектности — и по ту сторону религиозных и идеологических оценок того, что он делал, как жил и к чему стремился.

Какими бы насильственными не были методы большевиков, если бы они не получили легитимации со стороны народа, они у власти не удержались бы. Это принципиально. Любому насилию и любой агрессии всегда можно сказать «нет». Но русские — пусть и не все — сказали «да». Очевидно, что это «да» не могло основываться на усвоении марксистской идеологии, которую часто не понимали даже сами коммунисты. «Да» было сказано тому в большевизме, что резонировало с Русской Мечтой.

С ней резонировало в большевизме — в магическом русском прочтении большевизма — следующее:

- призыв к созданию нового человека, русского всечеловека, универсального субъекта;
- отмена всех разделяющих границ — начиная с частной собственности и индивидуального сознания (носитель чисто индивидуальной рассудочности считался «несознательным»);
- утверждение имманентной сакральности (Земля) вопреки трансцендентной сакральности (Неба) — это вело не просто к атеизму, но к особой еретической и сектантской религии материи;
- трансгрессия запретов и ограничений вплоть до оргиастической всеобщности (особенно ярко это проявилось на первых этапах революции);
- слом вертикали власти и провозглашение самоуправления

Русская Мечта есть сосредоточение русской сакральности, третьего измерения русской идентичности — наряду с религией и политической идеологией. Это измерение менее очевидное, но более глубокое. Оно сохраняется даже тогда, когда меняются политические режимы и даже религиозные мировоззрения. Русская Мечта существовала до христианства и Киевской Руси и существует всегда — пока есть Русский Народ. В каком-то смысле Русский Народ и есть эта Русская Мечта, поскольку, лишившись этого измерения, Народ превратится в «мёртвые души». Только Мечта делает русских живыми; делает их (нас) русскими.

народа народом (этого не было на практике, но могло восприниматься именно так);

- передача земли (как самой священной стихии) в пользование крестьянам. Эта мера также была временной, но производила на русское сознание мистико-религиозный экстатический эффект;
- стирание границ между народами и превращение всего человечества в русских (мистический интернационализм);
- близость конца истории как полного превращения мира в единое Царство Земли (коммунизм);
- подчинение волшебным способностям обновлённого и просветлённого человечества стихий внешнего мира, обретение всеми сказочных магических могуществ (прогресс наук);
- достижение имманентного бессмертия и возвращение предков...

Эти моменты создали несущую конструкцию Русской Мечты советского периода, что почти открыто проговаривалось на первых этапах советской истории⁵. В 20-е годы, и особенно в период НЭПа, эти мотивы органично сосуществовали в ранне-советской культуре наряду с отвлечённой марксистской догматикой, которая окончательно восторжествовала лишь в эпоху индустриализации.

Здесь начинается вторая версия русского прочтения большевизма. Эсхатологические мотивы несколько отступают, хотя и сохраняют свою действенность и своё влияние. На первый план выходят более трезвые, хоть столь же масштабные проекты. Теперь выдвигается проект создания мировой Империи, всё того же Царства Земли, но отныне ведущего финальную битву с окружающими силами мирового ада — капиталистическим лагерем, к которому в конце 30-х примкнули и режимы Третьего пути — прежде всего, национал-социализм Гитлера. Теперь Русская Мечта состояла в защите Великого Града (СССР), Града Святых, осаждённого дьяволом. В СССР народ проснулся в последней истине Царства Земли, а в других странах всё ещё господствовали могущества зла и сыны тьмы. Разделение (капитализм) ещё не было преодолено и, напротив, пыталось нанести ответный удар по континентальной русской коммуне. С таким же чувством выходили на последний бой войска гуситов или сектанты Мюнцера. Так же шли в огонь русские старообрядцы. Неслучайно Клюев обращался к красноармейцам ещё в Гражданскую — «Сгорим, о братие, телес не посрашим!» В эпоху Сталина этот народный героизм приобрёл иную форму и иной масштаб.

⁴ Дугин А.Г. Ноомахия. Царство Земли. Структура русской идентичности; Он же. Ноомахия. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта; Он же. Ноомахия. Образы русской мысли. Солнечный царь, блик Софии и Русь Подземная.

⁵ Дугин А.Г. Русская вещь. Во 2 т. М.: Арктогея-Центра, 2000.

Гореть предлагалось в Великой Отечественной войне — в битвах за освобождение других народов, в борьбе за мировой социализм, который был эквивалентен всемирному установлению русского эсхатологического порядка, основанного не на властвовании, а на жертвенности, не на покорении, но на необратимой свободе.

Отзвуки этой мобилизации Русской Мечты доходят до 60-х годов, но после Сталина начинают постепенно остывать. Русская Меч-

та перестаёт поддерживать собой советский режим. Это происходит не сразу и не резко. Тридцать лет идёт постепенный откат, который заканчивается концом СССР.

В этом и только в этом русском объяснение перестройки и упразднения советской системы. Русская Мечта более **не узнавала себя** в советской догматике. Была утрачена вера в то, что СССР и есть Царство Земли. А если это не Царство Земли, то зачем он вообще нужен?..

Это совсем краткий анализ, каждый элемент которого можно было бы обстоятельно развить. Но даже его достаточно для того, чтобы отдать себе отчёт, насколько серьёзна, значительна и реальна такая вещь, как Русская Мечта, и как опасно ей пренебрегать, её не учитывать и недооценивать. Если власть забывает о бытии народа, народ забывает о власти. И тогда начинается её необратимое скольжение в историческое небытие.

/ Максим ШЕВЧЕНКО /

Русский народ против Кощеева царства

Является ли революция Русской Мечтой и каково подлинное место революции в истории русского народа и его восприятию себя субъектом глобальной истории и политики?

В ответе на этот вопрос, как в сказке про смерть Кощея на острие иглы, скрыто не только русское духовное видение природы государства, но и заключена одна из ключевых тайн человеческого бытия — оптимальное соотношение свободы и необходимости. Для русского народа оно в земном «царстве справедливости», попыткой воплощения которого был советский проект

Сама сказка о Кошее Бессмертном — это сказка о чаемой революции.

Олицетворение вечного насилия и несправедности — государство (Кощей) похищает душу народа (Василису), которую восставший народ (Иван), благородный помыслами и сильный изначальной волей к власти (Царевич), лишённый имущества и материального интереса (третий сын, начинает самостоятельную жизнь на болоте), идёт освобождать из кощеева рабства (государственного тягла).

Компромисс невозможен — кто-то погибнет. Или Иван, или Кощей. Или народ, или государство.

Сама природа (звери и птицы) помогает народу в этой борьбе. Неправедность государства изначальна, идёт от начала времён — смерть Кощея хранится в ларце на дубе (на мировом древе). Суть его — обман, морок — оборачивается зайцем, уткой (чем-то невинным и слабым), пытаюсь уйти от расплаты. Упорство народа, его неверие в оборотные чары приводит к победе. Народ воссоединяется со своей душой, отнятой у него государством.

В этом сказочном сюжете — отчаяние и упование русского народа.

Намёк и урок добрым молодцам — ищите до конца и обрящете.

У нас принято объявлять государство главным хранителем и держателем всех русских смыслов и самой России. И верить в то, что гуманистическими, просветительскими или духовными, почти мистическими усилиями это государство (Кощей!) можно поставить на службу народу (Ивану), изменить его природу — научить не похищать и не насиловать душу народа (Василису).

Наверное, это возможно — при соблюдении трёх условий:

- народ должен сам, по собственной воле создать своё государство;
- государство должно быть справедливым и ощущаться народом таковым;
- управленческий слой должен подчиняться интересам народа.

Советский проект был попыткой воплощения этих принципов. И погиб, когда отошёл от них. Но советский опыт означает, что русский народ — не раб, мечтающий о сильном хозяине, и не анархист, влюблённый в хаос и беспредел. Он обладает уникальным, выработанным в ходе истории образом государства справедливости, хочет воплощения этой справедливости на Земле, готов бороться за это воплощение и защищать его. Справедливость — ключевое понятие.

Навязанный ему извне, извращающий и искажающий его представление о справедливости режим русский народ принимает только под давлением, как режим оккупации. И восстание против этого режима несправедливости становится его мечтой — так в русском народе про-

сыпается революция, заключённая в самой его природе.

Русский народ — носитель самого свободного и самого революционного духа в истории человечества. И это следствие его истории, которая последние 400 лет является непрерывной борьбой за справедливость.

Существует миф о трёхсотлетнем «монгольском иге», с которого якобы начинаются все русские беды. Этот миф очень любят враги русского народа, оправдывая этим его рабское положение и своё «реформаторски-организующее» господство над ним. Согласно этому мифу, монгольское нашествие стало причиной культурного, экономического и технологического отставания России от Европы и сформировало рабский характер русского народа, якобы обожающего любое государство и начальство.

Примерно до середины XVII века Русь-Россия не сильно отставала в своём развитии от европейских народов. Ничего особенно эксклюзивного в нашествии монгольских орд не было. Вся Европа переживала бесчинства иностранных армий и бесконечное разорение — Англия нашествие норманнов, Франция нашествие англичан, Италия — нашествие немцев, Германия — схватку за имперскую власть, Испания — борьбу между мусульманами и католиками, Польша — вторжение тевтонов и монголов, казацкие бунты. Европу постоянно сотрясали хищнические войны знати, разорительные крестьянские восстания и религиозные конфликты. Рядом с которыми нашествие монголов показали бы просто эпизодом. Средневековая Русь имела тесные связи с Европой через торговлю и прямой обмен, родовые и личные связи знати с Речью Посполитой, со Скандинавией. Была частью общеевропейского пространства, при этом даже играя роль своего рода коммуникации с миром Востока.

Я останавливаюсь на вопросе русской истории, потому что русская интерпретация революции приобретает особый смысл в контексте описания и понимания русского исторического процесса.

И процесс этот был, как и европейский процесс, историческим и диалектическим. Он содержал в себе духовные и гуманистические дерзания, развитие концепций права, опыты с разными формами оборота и вложения капитала, варианты социальной модернизации, соответствующие задачам технологической и финансовой революции. Он содержал в себе борьбу сословий и классов, установление между ними договоров, форматы конкуренции городов как мест концентрации производства, технологий, капитала и аристократии — как касты держателей государственного и силового ресурса.

Каким образом в России это историческое развитие вдруг превратилось в тягостное ярмо, Кощеево царство, заслуживающее только революции? В чём надлом русской истории? Почему в то же время, когда в Европе рождалось современное общество со всеми его сложностями и противоречиями, дающими надежду и возможность развития, в России укрепились тирания, деспотизм, невиданное угнетение и порабощение народа? И когда случилось это превращение русской истории из диалектического процесса в невыносимое безвременье, каторгу и вечную тяготу?

Ответ очевиден — в XVII веке. Точнее в его середине. До этой поры Россия как государство и её общество не отставали от общеевропейского начального развития капитализма. Конечно, были какие-то нюансы развития, но в целом экономические отношения формировались соответственно общеевропейским тенденциям: города становились местом накопления капитала и его инвестиций, городская буржуазия требовала гарантий и защиты капитала, аристократия, движимая гордыней, боролась за исключительные привилегии и контроль над формами возникновения и оборота капитала, царская власть (особенно в лице Ивана Грозного) развивала разные формы государственных институтов, двигаясь между конфликтами и до-

говорённостями, ища опору в разных классах и сословиях в борьбе за суверенность власти.

И постепенно всё естественно приходило к европейскому формату — угрозой суверенитету, воплощением которого была царская власть, является аристократия (землевладельцы), союзником — служащее дворянство и наделённое правами и взятое под покровительство царской властью городское купечество и мещанство (горожане), а также испытывающие гнёт землевладельцев крестьяне.

Горожане и дворянство показали себя носителями национального самосознания (вполне европейская черта) — силу и способность самостоятельно организовываться и защищать свою Родину в эпоху Смуты, когда из Москвы изгоняли польско-литовских захватчиков и их пособников. То есть показали себя не рабами государевыми, а вполне самостоятельными хозяевами.

Земский Собор, избравший Михаила Романова от всех сословий Земли Русской, был вполне европейским институтом государственной самоорганизации всех слоёв общества. Фактически форматом общественного договора — народ и знать — делегировали избранному царю полномочия для воплощения и защиты суверенитета.

Но потом русская история надломилась, и начались **300 лет теперь уже не монгольского ига, но 300 лет романовской империи, которые отбросили Россию в историческом смысле назад и вырвали её из общеевропейской истории народов**. Правящая верхушка победила в развязанной ею же войне против собственного народа и превратила российское государство в оккупационный режим эксплуатации русского и других народов в своих интересах и интересах своих зарубежных кредиторов и партнёров.

Царь Алексей Михайлович принял решение развязать войну против русского народа исходя из двух моментов. Первый — это казнь в 1649 году в Англии короля Карла I. Второй — на-

чало длительной русско-польской войны 1654–1667 годы, в ходе которой в политическую орбиту внутренней политики Русского государства были включены обширные территории Речи Посполитой с населением, привыкшим к правам шляхты, городов, гильдий, сословий, то есть к тому, чего так боялись царь и его окружение в России и что могло привести, вкуче с опытом народно-освободительной войны 1612 года, к нежелательным для царской власти демократическим (в понятиях той эпохи) переменам.

Английские события очень ясно воспринимались Москвой, поскольку связи России с Англией были весьма тесными. Иоанн Грозный даже сватался к Елизавете и переписывался с ней. Интересы английского капитала в России были вполне внятным.

Для Алексея Михайловича английские события стали столь шокирующими, что он присмотрелся к своей стране: не присутствует ли в ней как возможность некая хартия вольности, которая потенциально даёт возможность собранию представителей Земли Русской поставить вопрос о правах, свободах и о легитимности царя, более того, возвести в случае чего помазанника Божьего на плаху и отрубить ему голову?

И увидел, что события 1612 года свидетельствуют о такой возможности — ведь именно городское мещанство, купечество вкуче с дворянством и при поддержке духовного сословия явились спасителями Родины.

Бояре и высшая знать только и думали, как бы им продаться подороже оккупантам.

Эта коллаборационистская сущность аристократии в полной мере передалась и Романовым. Правящая верхушка почти всегда одержима гордыней и властолюбием, думает, как бы превратить народ в ничто, пить из него кровь и ничего не давать ему, кроме слов, объедков со своего стола и громахания оружием. Алексей Михайлович затеял церковную реформу для того, чтобы взять под контроль русское православие, которое было основой понимания

русскими себя как особого по отношению к другим народа.

На страшном для русской истории Соборе 1654 года это сформулировал великомученик епископ Коломенский Павел: *«С того времени, как мы сделали христианами и получили правую веру по наследству от отцов и дедов благочестивых, мы держались этих обрядов и этой веры, и теперь не согласны принять новую веру»*. Именно так воспринималась народом реформаторская активность царя — мы русские, особые в силу того, что сами храним свою веру, а царь нас ломает об колено, навязывая нам веру новую, не нашу, не русскую.

Русское самосознание, отталкиваясь от чисто догматической религиозной проблематики, решало вполне гуманистические вопросы о роли и месте человека в современном мире, его отношениях с властью, о свободе и необходимости. Это видно и по текстам протопопа Аввакума, и по письмам Иоанна Неронова, по посланиям иных мучеников русской веры и русского самосознания.

Главный раскольник — это царь Алексей Михайлович и его сподвижник патриарх Никон, которого он сделал своим орудием в борьбе против народа. И первый удар был — именно по осознанию себя русских людей как носителей особого свободного духа, хранителей через этот дух, а не по государственной указке православия. Царь фактически заявил: мне безразлично, что вы думаете, я сам буду решать, каким должно быть православие и церковь, какие ценности и как вам исповедовать. Русские люди восприняли реформу как посягательство на то, что народ совершенно справедливо полагал пространством собственной свободы, собственного дерзания, размышления. И что в действительности являлось коллективным сознательным и бессознательным, в чём развивалась оригинальная и вполне европейская культура русского народа: социальная, гражданская, политическая.

Сначала интеллектуальное возмущение, потом возмущение поли-

тическое и религиозное претворилось в страшное кровавое восстание под руководством донского казака Степана Разина. А донские казаки были той частью русских людей, которые хранили в себе начала народной свободы. Казачество осознавало себя как русских людей, которые имеют с государством, с царём внятный договор. В обмен на службу царь присылал хлебные баржи, даровал земли. Казаки не являлись рабами или слугами государевыми. Восстание Степана Разина было ответом на попытку подчинения царской власти всех слоёв русского общества: дворянства, городского мещанства, даже крестьянства, которое при Годунове получило льготы и послабления в виде разрешения вопроса с Юрьевым днём.

Разинское восстание подавили с помощью иностранных наёмников — с этого момента для царской власти стало нормой привлекать иностранцев для порабощения и унижения собственного народа. Так оформился оккупационный характер романовской династии. И романовская империя показала, что она не является государством, вырастающим из естественной истории русского народа, но тиранией при помощи иностранных наёмников. Именно тогда впервые заводятся так называемые войска иностранного строя, которыми принято гордиться, но которые были по сути наёмными подразделениями на службе царской власти в её борьбе с народом.

Победа государства над разинскими повстанцами была очень жестокой: людей сажали на кол, сдирали кожу, казнили и пытали люто. Разинских повстанцев поддержали соловецкие старцы, монахи, которые 12 лет держали осаду от царских войск. Но иуда-предатель сдал монастырь царским войскам, все соловецкие монахи приняли жестокую смерть.

Романовское государство обретает черты террористического порабощителя русского и других народов, которые попадают в положение потерпевших военное поражение людей. Пожалуй, именно тогда в России

возникает тенденция существования двух каст. Касты победителей, связанных с государством, с его деятельностью, получающих от государства бонусы и мыслящих себя единственными «европейцами» в дикой стране. И касты проигравших — всех остальных, несущих ярмо государственного угнетения и несправедливости.

Не имея возможности и не желая находить общий язык с побеждённым народом, куражась и упиваясь своей безнаказанностью, власть в эпоху правления детей Алексея Михайловича развязывает настоящую вакханалию насилия против русских людей. Тогда появляются пустозерские мученики, замученные боярыни Морозова и Урусова в Боровске, многие, многие другие, имена которых помнит только Бог. Стон и пепел десятков тысяч мучеников вознеслись над русской землёй. Народ настолько ужаснулся государству и его звериному оскалу, что люди бросились в бега. Бежали куда подальше — в Литву, к шведам, к монголам, к мусульманам, в степи и леса. И когда стрельцы, а позднее петровские солдаты, настигали их, люди сжигали себя, морили голодом, только бы не иметь ничего общего с этим жутким и чужим государством.

Естественно, протестные настроения, как это часто бывает у проигравших, приобретали радикальные сектантские формы отчаяния. Старая народная вера наполнилась духовными интерпретациями. Доминировало отчаяние и стремление спрятаться, закрыться от этой беды и напасти.

Народ, которому топор, костёр и дыба определяют параметры допустимого духовного творчества (заблуждение есть одна из форм творчества), обречён на духовное и историческое вымирание. Именно невозможность свободного обсуждения проблем и вопросов ленинизма привела к тому, что ленинизм из живой философской революционной доктрины, объясняющей и меняющей мир, превратился в унылое доктринёрство, утратил свою силу. Это случилось и с государственным православием, апофеозом омертве-

ния, которое является учреждением сыном Алексея Михайловича, императором Петром, синодальной церкви.

Тенденцию «вхождения в семью европейских народов», которую принял ещё Алексей Михайлович в своих связях с поляками, со шведами и при помощи английского капитала, продолжил его сын. По итогам петровского правления, которым так гордятся либералы-западники (Пётр Первый — символ института Е. Т. Гайдара), Россия была представлена европейскому капиталу практически в полное колониальное владение при управленческом посредничестве царской власти и её приближённых.

Дешёвая, почти рабская рабочая сила. Территория тотальной коррупции, где можно сбывать втридорога любые второсортные товары, не принимаемые европейскими рынками. Крепостные мануфактуры, на которых царит такое бесправие, что заработок и приработок для всяких иностранных авантюристов становится огромным.

Таким образом, российское государство превращалось в инструмент колонизаторов, иностранного капитала, кредитовавшего российских правителей легко и с удовольствием.

Реформы Петра I — чудовищное изнасилование всех коренных начал русской жизни, строительство эффективного террористического государства оккупантов и поработителей, которое воспроизводило бытовые или военные черты европейской жизни, но совершенно не улавливало и даже отвергало культурную, социальную, мировоззренческую суть Европы.

Правящий слой получал огромные деньги и власть, владел своей бескрайней империей, становясь посредником в деле эксплуатации иностранным капиталом, в первую очередь британским и голландским, бескрайних просторов России и её неисчерпаемых и бесправных человеческих ресурсов. Народ был фактически превращён в рабов, копил в себе злобу, ненависть, копил надежду на то, что «грянет».

И тогда произошла вторая Гражданская война народа против оккупационного государства, «заревела», как сказал Есенин, «в ковыльных просторах гроза, от которой дрожит вся империя...». Были, конечно, бунты и до этого. Можно вспомнить донское восстание Кондратия Булавина, жесточайшим образом подавленное Петром вместе с его шотландскими, французскими, немецкими генералами и подневольными русскими рабами, одетыми в форму Семёновского или Преображенского полков.

Но пугачёвское восстание стоит особняком. Оно носило характер практически национальной войны русского и братских ему народов Поволжья против иностранной оккупации. Откровенная узурпация власти малородной иностранной принцессой, опиравшейся на штыки придворной гвардии, то, что женщина, да ещё и не русская, стала главой церкви, возмутило русских людей и подвигло их на могучее восстание, которое было одновременно и национальным, и интернациональным, и в котором уже тогда сочетались требования и социальные, и экономические, и духовные, обретшие политический окончательный контур в большевизме.

Есть «Манифест» Пугачёва, написанный на двух языках — на русском и на общетюркском, — в котором говорилось, что земля — Божия, все религии равны, никто никого угнетать не должен и т.д. Пугачёвское восстание, к сожалению, кончилось поражением. И кто опять же подавлял русских людей, кто их казнил: вешал, расстреливал? Губернатор Оренбурга Рейнгольд, немец-полковник Мехельсон — главный гонитель Пугачёва. Практически все офицеры были иностранцами. Да и многие русские дворяне выглядели и вели себя как нерусские.

Когда читаешь «Капитанскую дочку», то задумываешься: может быть, Швабрин не только из-за любви к этой девушке пошёл к Пугачёву? Может, будучи русским дворянином, Швабрин отчётливо понимал, что Пу-

Когда читаешь «Капитанскую дочку», то задумываешься: может быть, Швабрин не только из-за любви к этой девушке пошёл к Пугачёву? Может, будучи русским дворянином, Швабрин отчётливо понимал, что Пугачёв — мужик, казак, воин, народный царь — формулирует идею национально-освободительной борьбы против засилья иностранного оккупационного государства на Русской земле? Пугачеву присягнуло немало русских офицеров. Именно поэтому Екатерина так испугалась мужицкого бунта.

гачёв — мужик, казак, воин, народный царь — формулирует идею национально-освободительной борьбы против засилья иностранного оккупационного государства на Русской земле? Пугачеву присягнуло немало русских офицеров. Именно поэтому Екатерина так испугалась мужицкого бунта.

Поражение пугачёвского восстания привело к такому расцвету крепостного права, к такому унижению русских людей, которого европейская история в XVIII веке уже, наверное, не видела.

В это время британские корабли уже начали отлавливать испанские галеоны, возившие рабов, уже велись активные дискуссии о запрете рабства... А в Российской империи как раз приступали к продажам крестьян «на вывоз»... Лицемерие правящей верхушки проявилось в полной мере — в Европе эти рабовладельцы хотели выглядеть носителями культуры и просвещения в страшных евразийских просторах, а в своих вотчинах становились жестокими рабовладельцами.

Современные правители России, пытающиеся быть демократами и либералами, носителями реформ вовне своей страны (это облегчает выход на рынок), внутри страны являются нарушителями всех мыслимых норм права. Они копируют ту эпоху «золотого века Екатерины», выработавшую наиболее простые и эффективные формы порабощения и колонизации коренного населения правящей элитой и товарно-денежных отношений этой элиты с иностранными партнёрами и кредиторами.

Государственное православие окончательно утратило связь с русской культурой и открыто превратилось в спиритуализм и масонский мистицизм, следы чего можно в изобилии наблюдать по остаткам не русских по стилю и духу помещичьих церквей того времени.

Так окончательно сформировались в России два народа: правящий народ господ-оккупантов, который ассоциировал себя с государством, и подневольные русский и другие народы — народ-раб, воспринимавший государство как зло и наказание за грехи. Но ждущий своего часа.

В XIX веке лучшие люди в правящем народе господ-оккупантов не находили этического и морального оправдания существующему порядку. Под влиянием событий во Франции и в Германии, под влиянием идей о свободе, равенстве, братстве они стали думать о том, что стыдно владеть другими людьми и присваивать их труд просто потому, что ты так родился, потому что ты охраняем карательным корпусом государства.

Так в народе господ-оккупантов возникает русское освободительное движение. Народ с недоверием смотрел на этих людей, потому что сначала полагал их тоже господами-оккупантами, которые просто чудят. Однако жертвенность русского освободительного движения, готовность его участников идти на каторгу за правду, за лекции, за слова, готовность даже к террору — заставили народ поменять свой взгляд.

Это совпало с развитием капитализма в России, с которым Россия

«благодаря» романовской империи, деяниям Алексея Михайловича и Петра I отстала лет на 200. Капитализм в итоге пришёл — через властные структуры господ-оккупантов, так же варварски и так же потребительски относясь к русскому народу как к дешёвой рабочей силе, на которой можно зарабатывать, не соблюдая её прав. Главным проводником этого бесправия, эксплуатации, наживы на народе оставалось государство и вся совокупность чиновников, на хлебников и силовиков.

И как в этой ситуации народу по-прежнему было не воспринимать это пытающееся встроиться в систему глобального капитализма колониальное государство злом? Для русского человека фундаментальным вопросом был вопрос о земле как о главном источнике жизни бесправных рабов.

По Реформе 1861 года дворяне получили деньги, могли ездить и в Париж, и в Баден-Баден, прогуливая свои вишнёвые сады. А крестьяне практически вплоть до революции выплачивали долги и недоимки, голодая и бедствуя. Эти долги достигали 140–160 процентов в год, были чудовищны и разорительны, делая русский народ заложником банковской системы, которая тоже была частью государства, делали народ заложником правящего класса, который фактически превращался за счёт эксплуатации русского крестьянства в рантье.

Поэтому крушение империи в 1917 году воспринималось народом как освобождение от того зла, от того чудовищного режима эксплуатации, угнетения и оккупации, память о которых народ очень детально хранил в себе.

Может быть, народ даже не знал основные битвы разинского или пугачёвского восстаний, не помнил имён героев разинской или пугачёвской народной армии, но сама мысль о том, что можно по правде строить своё бытие, и стала основой русской революции — для анархизма, для большевизма, для эсеровских

идей. Потому русская революция была неизбежна, она стала воплощением вековой мечты русского народа об освобождении от зла, под которым понималось несправедливое государство, действовавшее в интересах внешних сил и абсолютно антинациональное по своей сути.

Именно советская власть дала пусть суровый, но единственно ясный ответ на этот главный запрос русского народа — о возможности справедливого общества и государства. Советское народное государство было построено Лениным, потом Сталиным жестокими методами: методами насильственной модернизации, насильственного вовлечения людей в экономические, социальные процессы формирования общества, в котором будущая страна принадлежала людям и их детям.

Сам принцип гражданства, принадлежности к общности советского народа уже давал огромные человеческие права: социальные, экономические, культурные, юридические. Народ стал хозяином своей судьбы и истории.

К сожалению, это всё закончилось, и государство возвращается к тем же максимально удобным для правящего класса моделям своего существования, в которых оно было в Российской империи. Поэтому современное российское государство не заслуживает ни в какой степени звания исторического русского государства. Так может называться только государство, отвечающее коренным запросам и чаяниям народа, и таким государством во всей русской истории был только СССР.

Несмотря на всю демагогию правящей верхушки, на усилия пиарщиков и заблуждения патриотов, современное государство является в самом худшем виде продолжением всех самых постыдных, унижительных, самых оккупационных и антинародных форм Российской империи, которая была террористическим политическим устройством, созданным с одной целью — колонизации и эксплуатации пространств Евразии,

и в первую очередь — пространств жизни русского народа.

Поэтому революция остаётся Русской Мечтой.

Мы опять погружаемся в абсолютную несправедливость.

Да, мы уже не крестьяне дореволюционной эпохи, не носим бороды, армяки, не ходим в лаптях, не живём в избах с соломенной крышей. Но то ощущение, которое в русском народе пытается сегодня уничтожить правящая элита и обслуживающий её либеральный интеллектуальный класс, то ощущение огромной несправедливости, чувства отсутствия национальной истории, — это ощущение будет только крепнуть. Духовные и интеллектуальные семена революции — национальной, социальной, а это для России связанные вещи, — будут только прорастать и укрепляться.

Если это не путь революции, не путь Русской Мечты, то русский народ просто исчезнет.

Он превратится в подсобных рабочих правящей космополитической элиты, в которой немецкая, голландская, английская мошенническая каста, выдающая себя за русское дворянство, сменилась на представителей других, более коммерчески успешных этносов. И тогда от русских останется одно название, одна память и бренд, который будут присваивать себе мошенники с многочисленными паспортами в карманах.

Поэтому сегодня борьба на левом, на патриотическом фланге политики, борьба за социальную справедливость, за социальную революцию является подлинной и единственно значимой борьбой за национальное счастье и независимость русского народа.

Чтобы всё-таки Иван-царевич сумел уничтожить навсегда царство Кощея и воссоединиться со своей мечтой и душой Василисой Премудрой.

Храм на холме

РУССКАЯ МЕЧТА – ЭТО ХРАМ НА ХОЛМЕ. МЫ ПОСТРОИЛИ ХОЛМ ИЗ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ, СТРАДАНИЙ, ПОРАЖЕНИЙ, ИЗ ВЕЛИКИХ ПОБЕД И ОТКРОВЕНИЙ. НА ВЕРШИНЕ ЭТОГО ХОЛМА МЫ ПОСТРОИЛИ ХРАМ, КОТОРЫЙ СВОИМИ КРЕСТАМИ КАСАЕТСЯ НЕБЕСНОЙ ЛАЗУРИ, КАСАЕТСЯ СВЕТА ФАВОРСКОГО. И ЭТОТ СВЕТ ПРОЛИВАЕТСЯ К НАМ, НА ЗЕМЛЮ, В НАШИ СЕМЬИ, НА НАШИ КОСМОДРОМЫ, В НАШИ ГАРНИЗОНЫ, НА НАШИ ЗАВОДЫ.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Храм русской победы

Победа была вершиной советской эры, воплощением божественных энергий Красного царства. Победа сберегла это царство в его земном и небесном образе. Коммунизм, который являлся прообразом небесного царства, в результате Победы был сбережён. Были разгромлены и отторгнуты силы, мешавшие построению этого рая на земле. Священный характер Победы угадывался в самом начале Отечественной войны, которая назвалась Священной войной. Священная война предполагала Священную Победу. Даже в советское время глубинно Победа воспринималась как религиозный мистический праздник. Искажение образа Победы, изъятие его из констант советской эры обесценивало эту эру, подводило

её к концу. В период горбачёвской перестройки, когда уничтожались все константы, на которых держалось советское государство, Победа подвергалась особым нападкам. Этот символ оскверняли, очерняли, искажали, стремились вырвать Победу из советской истории, как вырывают сердце из умирающего тела. Однако Победу, осквернённую, осмеянную, обугленную, не удалось уничтожить, и она перенеслась из советского царства в новое государство, Российское. Так полковое знамя разгромленного полка раненый командир обматывает вокруг своего истерзанного пулями и осколками тела, переносит через линию фронта, и там, в глубоком тылу, это знамя вновь развёртывается, и под ним формируются новые полки. Так и Победа, перенесённая

Русской Мечтой в новое время, стала сущностной идеологией создаваемого государства Российского. Красное знамя Победы, ставшее государственным символом современной России, тому свидетельство.

В новое время, когда повсеместно были восстановлены поруганные алтари, и церковь заняла в мировоззрении русского народа своё новое почётное место, Победа 45-го года стала трактоваться как религиозный праздник.

Сегодня Победа воспринимается как христианская мистерия, где демонические силы ада напали на Россию, оберегающую райские смыслы. И вся Отечественная война трактуется как сражение ада и рая, как одоление адских сил райскими

смыслами, и советская реальность таким образом наполняется райскими смыслами. Если фашистские орды, фашистские армии выступают как демоны, как отпавшие ангелы тьмы, то советские войска, советские армии, красноармейцы выступают как ангелы, как носители вселенского райского света. А ад невозможно одолеть одним батальоном, его невозможно одолеть, принося в жертву 25 миллионов самоотверженных ангелов. Попрание ада достигается усилием самого Господа. Господь во время Отечественной войны был среди сражающихся красных дивизий. Он ходил в контратаку с красноармейцами под Москвой, бился у берегов Волги под Сталинградом, горел в танках на Курской дуге вместе с танкистами. Стенал от ожогов в лазаретах, изнывал под пытками в застенках гестапо. Он, Господь, вместе с советскими пехотинцами держался за древко того алого знамени Победы, что было водружено над рейхстагом.

*Отягчённый трёхлинейкой,
всю тебя, Земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
исходил, благословляя.*

Святость Победы распространяется на всех, кто содействовал этой Победе. На мальчиков, что стояли на табуретках у токарных станков под открытым небом на Урале и точили корпуса для снарядов. На женщинах, что впрягались в плуги и пахали землю, добывая хлеб Победы. Эта святость лежит на всех солдатах: и тех, кто шёл до Берлина, и тех, кто погиб на дальних и ближних подступах к Победе. Эта святость лежит на командирах отделений, на командирах взводов и рот, на командирах батальонов, полков, корпусов и армий, на командующих фронтами. Эта святость лежит на генералиссимусе Иосифе Виссарионовиче Сталине. Когда-нибудь, пусть не завтра, но позже, весь пантеон сталинских красных героев, в котором сияют имена 28 гвардейцев-панфиловцев, Талалихина, Гастелло, молодогвардейцев, Лизы Чайкиной, генерала Карбышева, все эти красные герои облекутся в пурпур и золото христианских великомучеников, отдавших жизнь за други своя, отдавших жизнь за Россию, отдавших жизнь за сбережение Царствия Небесного. Это герои Русской Мечты, великие и победоносные мечтатели.

Патриарх Никон построил в Подмосковье Новый Иерусалим, перенеся в подмосковные рощи, на пригорки и речки топонимику святой земли. В этой русской Палестине есть Фавор, Крестный путь, Иордан, Генисаретское озеро, Гефсиманский сад. В XVII веке патриарх Никон готовил место, куда во время своего второго пришествия явится Христос. Он готовил под Москвой чудо сошествия с небес Христа. И это чудо состоялось в 1941-м году. Народная вера утверждает, что в студёные дни 1941-го года под Москвой свершилось чудо: сам Бог сошёл с небес и встал в ряды Красной армии, остановив её отступление. И враг был остановлен именно здесь, под Истрой, у Нового Иерусалима. Именно здесь, у Нового Иерусалима, Господь сошёл, наконец, с Небес, и состоялось второе пришествие, когда Господь возглавил красное воинство и привёл его в Берлин.

Победа — это тот Ковчег, на котором Русская мечта переплыла чёрное, беспросветное море 90-х годов и высадилась на берегу нового государства Российского. Победа — это та ладья, на которой из советской эры в новую эру переплыл генералиссимус Сталин. Мистический, религиозный характер Победы подтверждается каждый раз 9 Мая во время ослепительных, величественных парадов российских войск, которые проходят в окружении золотых кремлёвских глав, рядом с погребениями героев и мучеников, и по своей красоте и мощи напоминают огромное церковное действо. И «Бессмертный полк», который вслед за парадом вступает на брусчатку Красной площади, являет собой Пасхальное шествие, когда живые несут над головами образы своих великих воевавших предков. Эти образы, как иконы, как хоругви, наполняют шествие «Бессмертного полка» пасхальным смыслом, верой в возможность воскрешения из мёртвых. «Бессмертный полк» возглавляет Русская мечта, побеждающая смерть, обещающая человечеству грядущее просветление и бессмертие.

Мечта неопалимая

ИНОГДА МЕЧТЕ СТАНОВИТСЯ ТЕСНО В НАРОДЕ, ТЕСНО В ГОСУДАРСТВЕ, ТЕСНО В ПРАВИТЕЛЕ – И ОНА ИЗЛЕТАЕТ. ТОГДА НАСТУПАЕТ ТЬМА, ЧЁРНАЯ ДЫРА В НАРОДНОЙ ИСТОРИИ. НАША ИСТОРИЯ ДВИЖЕТСЯ ПО ТАИНСТВЕННОЙ СИНУСОИДЕ. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВОЗНИКАЕТ, РАСЦВЕТАЕТ, ДОСТИГАЕТ ВЫСШИХ СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЙ – И СРЫВАЕТСЯ ВНИЗ, В ПРОПАСТЬ, ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «ЧЁРНУЮ ДЫРУ», ИСЧЕЗАЕТ, И КАЖЕТСЯ, НАРОДУ И ГОСУДАРСТВУ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПОДНЯТЬСЯ. НО В СИЛУ НЕВЕДОМЫХ, ТАЯЩИХСЯ В НАРОДЕ, МЕЧТАНИЙ ГОСУДАРСТВО ВНОВЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ, НАРОД ВОССТАЁТ ИЗ ПРАХА.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Пятый Сталин

Сталин — это явление русской истории на всей её тысячелетней протяжённости. Сталин — это всплеск русского времени, с вершины которого видна бесконечность. Сталин — это циклотрон, разгоняющий государство Российское до сверхвысоких скоростей, направляющий русский удар в чёрное «яблочко» мирового зла. Сталин является аксиомой русской государственности.

Первым Сталиным в истории государства Российского был князь

Владимир Святой. Он сплотил воедино славян, угро-финнов, норманов, евреев, жителей Великой степи, окропил их святой водой Херсонеса и создал единый народ, населяющий первую русскую империю. Он создал имперский стиль, который впоследствии будет называться «Стиль Сталин». «Стиль Сталин» Киево-Новгородской Руси — это соборы Киевской и Новгородской Софии, их злачёные купола, их имперские золотые мозаики, соединяющие земную жизнь с жизнью небесной.

Вторым Сталиным был царь Иван Васильевич Грозный, основатель второй российской империи — Московского царства, которое шагнуло за Урал до Тихого океана. Он смирил центробежные силы, раздиравшие в клочья страну. Укротил воевод и посадских, поглядывавших в сторону Литвы. «Стиль Сталин» XVI века — это храм Василия Блаженного, являющий собой образ русского рая, каменный цветок, принесённый в русское царство из райских садов.

Третьим Сталиным был Пётр Первый. Он основал великую двухсотлетнюю империю, стал западником до такой степени, что дважды русские войска побывали в центре Европы: в XVIII веке — в Берлине и в XIX — в Париже. Его «Стиль Сталин» — это Санкт-Петербург с воспитательным «Медным всадником».

Четвёртым Сталиным был Сталин. Он создал четвёртую империю — невиданное красное царство, одержавшее мистическую Победу сорок пятого года, которая соединила царство земное с Царствием Небесным. «Стиль Сталин» — это скульптура Мухиной, где рабочий и колхозница символизируют триумф труда, коим создаётся империя,

а также достигается Царствие Небесное. Рабочий и колхозница — это Адам и Ева, которые в сверкании света возвращаются в рай.

Пятая империя, в которой живём мы, предчувствует появление Сталина, ждёт его пятого воплощения. Пятый Сталин назревает, как назревает среди русских снегов весна. Этот Сталин слышен, как слышен гул ещё не видимых вешних вод. Ясновидцы исчисляют «подлётное время», которое отделяет нас от появления пятого Сталина. Он явится внезапно, как пробуждение, и всё кругом трепещет и светится, слава его появления. Так расточается тьма, уступая место заре. «Стиль Сталин» ещё не родился, но уже гря-

дёт. Он — в совершенных пропорциях Крымского моста, в ажурных башнях космодрома «Восточный», в грандиозных военных парадах, которые славят мощь государства, в музыке Гергиева, что дирижирует на развалинах античной Пальмиры в окружении русских солдат.

Скульпторы и художники, стремящиеся поставить монумент Сталину, не спешите и дождитесь его нового появления. Пятый Сталин не будет отлит из бронзы, не будет высечен из гранита или мрамора. Пятый Сталин — это скорость света, это скорость русской истории, это Русская Мечта. Художник, ты можешь изобразить скорость света? Можешь изобразить Русскую Мечту?

/ Александр ПРОХАНОВ /

Взлёт государства

Русская Мечта в прежние времена обнаружила себя в народных сказках, в учениях православных мистиков, в творчестве русских писателей, в учении русских космистов, в великом Красном проекте. Но в нынешние времена — где обнаруживает себя Русская Мечта? Она явствует уже в том, что сегодняшнее государство Российское после краха Красного царства восстало из чёрной дыры истории. Русская Мечта после краха Советского Союза исчезла, нырнула в чёрную бездну и притаилась там. Она вынырнула, как волшебный дельфин, и продлила исторический русский поход. Она строила нынешнее государство Российское, прекращая разрушительные кавказские войны, усмиряя разгул суверенитетов, грозивших распадом страны. Она **сочетала** новое государство с тем, что ему предшествовало — великой советской эре, вернув в обращение музыку советского гимна и Красное знамя Победы. Она реализовала

грандиозный проект — алтари и оборонные заводы, когда возрождённая церковь сберегает учение о Царствии Небесном, а молитвы алтарей уходят в фаворскую синь, накрывая Россию сберегающим Покровом Богородицы. А русское оружие, построенное на оборонных заводах, сберегает русские земные пределы.

Русская Мечта в своей ослепительной красоте обнаружила себя в Русской весне — в возвращении Крыма. Она даровала России ощущение чуда, присутствия в русской истории божественной благодати.

Русская Мечта, исполняя великие заповеди прошлого, реализует себя в трёх грандиозных стратегических проектах. В проекте «Арктика», где русский человек в ослепительных арктических льдах под божественной Полярной звездой не просто осваивает необитаемые пространства, но ещё переживает чудесное обновление, встречи со сказочным Беловодьем, русским раем. Проект «Россия Тихоокеанская» превраща-

ет континентальное евразийство в евразийство океаническое. Россия выходит на встречу с тихоокеанскими цивилизациями Востока. Несёт в этот бурный турбулентный, чреватый взрывами район благу русскую весть. И «Южный проект», крымско-сирийский, когда Россия вновь устремляется на Ближний Восток, в это средоточие мира, откуда ведётся управление всемирной историей. И присутствие в этом районе России обеспечивает ей великую преемственность, связь с пророками, со святой Палестиной — со своей духовной прародиной. Образами Русской Мечты, большим стилем Русской Мечты является сегодня Крымский мост. Своей прекрасной архитектурой, своими ангелоподобными формами является мостом не просто из континентальной России в Крым. Но мостом из прошлого в будущее, мостом из земного царства в Царство Небесное, о котором тысячу лет назад поведал России Херсонес.

Концерт дирижёра Гергиева на развалинах Древней Пальмиры, когда его восхитительное выступление слушали русские воины, ненадолго спустившиеся из своих штурмовиков и бомбардировщиков, с тем чтобы после концерта вновь подняться в свои кабины и продолжить войну, это и есть Большой стиль сегодняшней Русской Мечты. Военные парады в Дни Победы, когда блистательное русское оружие наполняет Красную площадь, среди русских святынь, священных могил, **волшебных** соборов, эти парады напоминают богослужение, церковное действо, где алтари соединяются с русским оружием. А шествие «Бессмертного полка», который перетекает в военный парад, — это Пасхальное шествие, воплощающее мечты великого русского космиста Николая Фёдорова о воскрешении из мёртвых. Павшие герои бессмертны, они живы не только в памяти, их ждёт священное воскрешение.

Куда устремится Русская Мечта, куда нацелен её огненный вектор? Россию ждёт **великий проект «Очищение»**, когда накопившиеся шлаки истории, отходы великого строительства, мусор неверных, злых представлений — всё это будет отсеяно. Когда тьма, где бы она ни находилась — в душе человека, в социуме, в государственных институтах, — эта тьма будет преодолена. Диалектика Русской Мечты, каждый раз на новом этапе воспроизводящая константы прошлого, эта диалектика побуждает нас верить в то, что отпавшие от государства российские народы и страны вновь соберутся в союз. Восторжествует великая евразийская идея, соединяющая русских, белорусов, украинцев, казахов, киргизов, таджиков в великую империю нового типа, в которой нет ни митрополии, ни колоний. А есть живое динамическое сочетание столиц и пространств,

где каждый народ и каждая страна являются государствообразующими и бесценными. Каждому народу в этой новой империи определяется своя грандиозная роль — поддерживать свод звёздного неба, реализуя свой национальный космос, свою национальную мечту. Это союз государств, где у каждого свой язык, своя экономика, своя неповторимая картина мира. У этого союза будет множество политических и культурных столиц, и одна, через которую будет вестись управление этим громадным евразийским континентом, управление, в центре которого будет находиться цифра, облагороженная словом. Грядёт цифровая эра Русской Мечты. И быть может, Казань, этот восхитительный город, находящийся в центре изумительного евразийского народа — татар, и станет этой новой цифровой столицей будущего союза — Союза Великой Русской мечты.

/ Владимир МОЖЕГОВ /

Вернуть мечту своей Родины

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС НОВОГО УКЛАДА

Вхождение в новый технологический уклад в самом ближайшем будущем грозит радикально изменить жизнь человека. Современные технологии (солнечные батареи, вертикальные гидропонные фермы, новые средства связи и транспорта) уже сегодня позволяют небольшой семье или общине полностью обеспечить себя всем необходимым, существовать фактически независимо от государства и физически хоть на краю земли, ощущая себя при этом в самом кипучем центре мира. С другой стороны, те же информационные технологии делают человека настолько прозрачным для всевидящего глаза государства, что грозят его полным, неви-

данным ранее подчинением. Таким образом, можно довольно уверенно прогнозировать, что в ближайшем будущем главным общественно-социальным вопросом станет не то, *как накормить человека и обеспечить его работой*, но — *как дать человеку смысл существования и сохранить его свободу*.

Человек ближайшего будущего может оказаться полностью детерминирован матрицей государства. В обмен на лояльность человек получит возможность удовлетворить почти любое своё желание. Платой за это, однако, станет его духовная свобода. Идее постчеловечества, погрязающего в свободном удовлетворении своих самых утончённых желаний, но при этом лишённого главного — духовной свободы, мы

должны противопоставить идею творческой свободы человека как существа не только земного, но и небесного, призванного к единению с Абсолютом.

НАЙТИ РАВНОВЕСИЕ МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И ОБЩИМ

Либерализм как ведущая идеология Нового времени исповедует индивидуализм, то есть приоритет личного над общим. Социализм настаивает на приоритете общего над личным. Обе доктрины ущербны. Задача же в том, чтобы между личным и общим установилось внутреннее непротиворечивое равновесие. Такое равновесие возможно только на основе христианского понимания личности и общности.

Христианское учение универсально. И как всякое универсальное учение претендует на последнюю истину. В основе основ христианства лежит любовь и божественная свобода духа. В центре христианской философии — личность, растущая к идеалу. А поскольку христианская личность отрицает атомизацию (основа жизни — любовь, единение, а не распад), в нашем социальном идеале не возникает главного противоречия модернистских обществ и идеологий — противоречия между личностью и общностью. В обществе Русской Мечты личные и общественные начала находятся в синергичном и гармоничном единстве. Свобода личности обеспечена в той мере, в какой сама личность пользуется ею в направлении общественного идеала. Духовная иерархия личности — основа духовной иерархии общества. И там, и там царит одна и та же строгая иерархия духовного — душевного — материального. Здесь звучит тот же ясный камертон русского культурного кода, обеспечивающий живой творческий баланс между личностью и общностью, между свободой и законом, между религией, политикой и культурой, между национальными культурами и имперским принципом.

ИДЕАЛ И МОБИЛИЗАЦИЯ

Государство, которое захотело бы жить по идеальным христианским законам, не просуществовало бы и дня (см. *Нагорную проповедь*). Итак, всякое государство несовершенно, всякое государство есть отчасти уступка ветхозаветной морали: «Око за око». Что, однако, не значит иной крайности: возможности отбросить всякие идеалы и жить исключительно практическими соображениями Realpolitik. Мудрость в том, чтобы, всегда имея в сердце и уме идеал, поступать трезво и взвешенно, не ударяясь ни в безоглядный идеализм, до которого подавляющее большинство общества просто не доросло, ни в циничный «интерес» безудержного эгоизма. Для нормальной

духовной эволюции планка всякий раз должна быть поднята чуть выше наличной реальности, политики как искусства возможного. Это и есть Realpolitik идеализма.

Всякое настоящее дело требует мобилизации. И дело Русской Мечты сегодня по необходимости мобилизационное дело. Мы не закрываем глаза на то, что живём в исключительно трагичное время «конца истории», но христианство — учение светлое, ликующее, победное, и дух, который живёт в сердце Русской Мечты, бодр, светел, радостен. И реальность Русской Мечты мы образно представляем не столько как башню, окружённую врагами, сколько как спасительный Ковчег в океане безнадежного уныния, охватившего современное человечество, или как лестницу в небо, выстроенную для тех, кто готов по ней взойти.

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Существует великое множество определений понятия «культура», среди которых мы выделим два изначальных. Культура (от лат. cultura — возделывание) есть результат творческого взаимодействия человека с природой. Такое определение культуры идёт от Марка Порция Катона Старшего, в трактате о земледелии которого (ок. 160 г. до н.э.) мы впервые встречаем понятие *культура*. Для Катона Старшего главным в отношении человека к земле является симпатия. Любовь к земле рождает хороший уход за ней. Культура, таким образом, предстаёт как доброе сотрудничество человека и природы, человека и божества. (Римлянин относится к обрабатываемому полю и созревшему на нём урожаю как к божественным феноменам.) Итак, возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание — вот что такое для римлянина cultura.

С этим определением тесно связано и другое, идущее от слова cult. Культуры древних цивилизаций были прямым порождением куль-

та. Н. А. Бердяев справедливо писал в «Смысле истории»: *«Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — всё включено органически целостно в церковном культе, в форме, ещё не развёрнутой и не дифференцированной. Древнейшая из культур — культура Египта началась в храме, и первыми её творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа, всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»*. В трёхсоставном строе человека (дух — душа — тело) культуре принадлежит средняя сфера души. Культура — это то мутное гадательное стекло, через которое душа видит Бога.

Бог, человек, природа и общество в сознании средневекового человека представляли гармоничным единством. Культуру как отдельный феномен начинает выделять Новое время, понимая под ней прежде всего просвещение и противопоставляя человека культурного (воспитанного, просвещённого) человеку естественному. Для Нового времени понятие *культуры*, таким образом, становится синонимом понятия *цивилизации*. Для Данилевского и Шпенглера цивилизация является продолжением, перерождением, концом культуры. В цивилизации, говорит Шпенглер, свободное духовное творчество человека сменяется мёртвым, бесчеловечным техницизмом. Справедливость последнего утверждения становится особенно очевидна в нашу эпоху, когда явления культуры обращаются в постмодернистские симулякры, а цивилизация начинает яростно пожирать остатки культуры. Вера, философия, традиция, нация приносятся

Из ощущения сакральности истока бытия народов растёт убеждение русского в необходимости сохранения всех наций, народов и их культур; но также и в том, что всякая национальная узость должна быть преодолена. Русский убеждён, что всякая культура, растущая из национальных корней, должна на своих гениальных вершинах достигать универсальности и как бы разгадывать то «слово Бога», которое её задаёт и определяет.

в жертву культу комфорта и потребления. Под эгидой толерантности рождаются все различия между людьми, а всё многообразие человеческих культур обращается в *ничил*.

Общество Русской Мечты ставит культуру в центр своей жизни и преобразований, заставляет человека вспомнить, что культура есть продолжение веры, что она есть возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание и, прежде всего, — бережное и творческое отношение к природе, синергия человека и Бога в общем деле со-творения, спасения мира.

Итак, в центре общества Русской Мечты находится не экономика (как при марксизме) и не оторванный от всех связей с родиной, историей, нацией индивид (как при либерализме), но — культура и человек, имеющий вертикальный духовный модус развития, то есть человек как существо прежде всего культурное, духовное. А в условиях тотального наступления нового варварства можно говорить, если угодно, и о *диктатуре культуры*. Но — и об этом надо сказать сразу и определённо — новую элиту придётся выращивать заново и с нуля.

РУССКИЙ АЛЬТЕР-ГЛОБАЛИЗМ

Россия сегодня — единственная европейская христианская страна, способная противостоять тоталитарной бездуховности современного мира и открыто провозглашающая своим духовным основанием консерватизм. Внутренние причины так же естественно следуют из само-

го духовного строя России. Именно на этот духовный строй указывал Достоевский, когда говорил о русском народе как Всечеловеке, способном сказать последнее слово примирения европейскому человечеству под знаком евангельского закона любви. Действительно, в имперской широте русских просторов и русской души, в самой русской природе более всего находят место идеи всеединства и всечеловечества. Отсюда же следует и русское понимание социализма, столь отличное от левого интернационализма Маркса. В то время как марксизм требует уничтожения всех различий рас и народов, всех традиционных культур и общественных отношений, русская всечеловечность означает нечто совершенно иное: сохранение всех народов, их национальных культур и особенностей и соединение их в некоем интегральном единстве. Вообще, народность для русского означает нечто большее, чем национальная принадлежность. И когда Вл. Соловьёв говорит о национальной идее как мысли Бога о данном народе, он, в сущности, раскрывает эту особенность русского самосознания, глубоко народного по своему существу, воспринимающего всякий народ как некое новое слово Бога. Из этого ощущения сакральности растёт убеждение русского в необходимости сохранения всех наций, народов и их культур; но также и в том, что всякая национальная узость должна быть преодолена. Русский убеждён, что всякая культура, растущая из национальных корней, должна на своих гениальных вер-

шинах достигать универсальности и как бы разгадывать то «слово Бога», которое её задаёт и определяет.

ПУШКИН И ФОРМУЛА РОССИИ

Если «Слово о Законе и Благодати» и «Слово о полку Игореве» даёт нам представление об изначальном софийном сознании Руси, а «Троица» Рублёва — о сознании Руси средневековой, московской, то в Новое время таким идеальным воплощением русской всечеловечности становится Пушкин.

Пушкин — это исцеление русского разрыва. Пушкин — мост, соединяющий Русь древнюю с новой петровской Россией. Поэт абсолютно элитарный и в то же время доступный любому; всецело национальный и одновременно столь же универсальный, с лёгкостью проникающий в души всех народов, поэт с поистине космическим сознанием, взору которого открыты все вещи мира, — таков Пушкин, человек, в котором Русь обретает, наконец, дар слова, свой логос, человек, в котором тысячелетняя культура «великого молчания» воплощается в гениальной речи. И сам же Пушкин своим уникальным софийным даром мгновенного проникновения во все вещи мира являет нам тайну личности. «Личность не часть какого-либо целого, она заключает целое в себе. Согласно этому образу мыслей человек полнее, богаче, содержательнее ангельских духов. Поставленный на грани умозрительного и чувственного, он сочетает в себе эти два мира, будучи причастен всем сферам тварной вселенной. “В него, как в горнило, стекается всё, созданное Богом, и в нём из разных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию”» (Владимир Лосский, «Мистическое богословие Восточной Церкви»).

Таков культурный код Руси-России, который в разное время являли автор «Слова о полку Игореве», Андрей Рублёв, Пушкин.

В том, что инфицированная большевизмом Россия выжила в страшных испытаниях XX века, также

во многом заслуга Пушкина. Всемирным прославлением первого русского поэта в 1937 году Сталин увенчал строительство своей новой империи. Едва ли обществу, построенному только на идеях Маркса и Ленина, не имеющему никаких подлинных культурных основ, удалось бы продержаться более десятка-другого лет. Но возвращение традиционной культуры во главе с Пушкиным в роли культурного гегемона спасло новое общество от распада. Софийская мощь пушкинской поэзии возвращала сорванный с петель мир в парадигмы традиционной культуры, возвращала ему нормальную культурную иерархию. Даже несмотря на то, что образ поэта в Советском Союзе был сильно искажён (Пушкин представлялся революционером, декабристом, врагом монархии и чуть ли не первой зарёй Октября), он делал своё дело, работая, по известной советской поговорке, за всех и собирая сознание распавшегося мира в более-менее стройный культурный космос...

Итак, «история России требует иной мысли, нежели история Запада»... И если прав Рильке, что Россия — единственная из стран, которая «граничит с Богом», и если сам Пушкин есть некое идеальное воплощение души России (а душа поэта, как известно, — зеркало мира), то не вправе ли мы отнестись к русской истории как некоему идеальному зеркалу истории мировой? Не есть ли Россия сама — некий целостный образ мира во всех его проявлениях, в котором сходятся все его противоположности и примеряются все противоречия? Не есть ли она тот самый вселенский образ Всечеловека, в который, «как в горнило, стекается всё, созданное Богом» и в котором «из разных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию»? Всечеловека, «заключающего целое в себе»... И если Россия действительно есть такое абсолютное «зеркало мира», в котором все вещи мира отражаются в их непосредственном отношении к Богу, то не справедливо ли в таком случае отнести к ней и известное замечание

Гейне: если мир расколется, трещина пройдёт по сердцу поэта? Не здесь ли главная загадка, главная тайна России?

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Ещё 100 лет назад, заостряя проблему образования, Василий Розанов писал об отсутствии в России «мечты своей родины» и «космополитической мечтательности», выросшей в этой пустыне. Вспоминая историю своего учения, Вас. Розанов писал: «Я учился в костромской гимназии, и в 1-м классе мы учили: “Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра”... Только доучившись до 6-го класса, я бы узнал, что “был Сушанин”... Потом Симбирская гимназия (2-й и 3-й классы) — и я не знал ничего о Симбирске, о Волге... Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан — Свяга... В основе просто: учась в Симбирске — ничего о Свяге, о городе, о родных (тамошних) поэтах — Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге — там уже прекрасной и великой. Учась в Костроме, не знал, что это имя — ещё имя языческой богини; ничего — об Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Фёдоровской Божией Матери — ничего. Учась в Нижнем — ничего о “Новгороде, низовые земли”, о “Макарии, откуда ярмарка”, об Унже (река) и её староверах...»

Итак, вернуть мечту своей Родины — таково важнейшее дело образования, воспитания, культуры. Определяющим здесь должен стать принцип «от истоков». Родина начинается с семьи, дома, солнечного света из окна, изгиба деревенской тропинки, улицы. Так и образование должно начинаться с погружения в традиции и историю своей семьи, своей улицы, деревни, села; и так, постепенно, как ручейки впадают в реки, а реки в моря, дорастать до вселенского уровня: в единстве ума и сердца, родного и вселенского.

Таким образом, в центре школы Русской Мечты будет единый курс человека, истории и культуры, в котором ручейки национальных культур, начинаясь в своих глубинах и повторяя исторические пути развития наций, народов, вливаются в реку общероссийской, общемировой культуры. Идеалом видится один, широкий, фундаментальный курс, проходящий через все годы школьного обучения. Совершенно особый, но живой, свободный, яркий, открытый, творческий курс, с которым в школу пришёл бы очищающий поток нашей истории и культуры. Курс, который бы мог исполнить главную задачу образования — родить интегральную личность, объединить общество, воссоздать могучий народ.

Исполнение заветов

В АРКТИКЕ, ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ, ЗВЕЗДОЙ ПЛЕНИТЕЛЬНОГО РУССКОГО СЧАСТЬЯ, ВОЗРОЖДАЕТСЯ РУССКИЙ ПАССИОНАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, МЕЧТАТЕЛЬ, ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТЕХ ОЧАРОВАННЫХ СТРАННИКОВ, КОТОРЫЕ ДВИГАЛИСЬ В ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ В ПОИСКАХ БЕЛОВОДЬЯ, РУССКОГО РАЯ. АРКТИКА – ЭТО РОДИНА РУССКОЙ МЕЧТЫ В ВОСХИТИТЕЛЬНОМ, СВЕРКАЮЩЕМ, КАК ЛЁД, ОПЕРЕНЬЕ.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Звезда Востока

Президент Трамп отправил в отставку советника по национальной безопасности Джона Болтона. Тот был сторонником жёсткой антироссийской политики, побуждал Трампа нанести бомбовый удар по Ирану. Такая политика побуждает Россию усиленно сближаться с Китаем, находя в этой политике противовес агрессивной Америке.

Сближение России с Китаем является мучительной реальностью для российских либералов. В «Независимой газете» приближённый к правительству политолог Юргенс опубликовал статью, в которой заявлялось, будто бы в современном Китае сложилось национал-социалистическое государство. И, стало быть, Россия, которая сближается с Китаем, повторяет сближение Советского Союза с фашистской Германией.

Все эти утверждения и многие другие ухищрения должны заставить Россию отказаться от восточного вектора своей внешней политики. Однако этот вектор, в котором присутствуют и экономические, и военные, и геостратегические аспекты имеет более глубокую и таинственную внеполитическую основу.

Пять веков русский человек двигался на восток. Он покидал насиженные места и отправлялся в дальние дороги так, словно его влекла к себе таинственная звезда востока. Конечно, он двигался за сибирской пушницей, его привлекало к себе золото Лены, он ставил остроги, обороняясь от степных кочевников...

Но помимо этих земных, очевидных мотивов, в русском человеке существовало таинственное влечение, загадочный зов, который

вёл его в бесконечную восточную даль, превращал русского человека в очарованного странника. Недаром все сказочные представления русских людей о чуде, о Благодати, о Жар-птице связывались с востоком, а не с западом. С Востока в пушкинские сказки пришли шаманская царица, благодушный царь Салтан...

Русский человек предпринимал хождения за три моря, чтобы увидеть небывалые дворцы, висячие сады, божественную красоту фонтанов.

С Запада на Россию всегда надвигались угрозы. Запад сулил нашествия. И русский человек знал Запад, остерегался его, интересовался им как противником, чья армия была вооружена смертоносным оружием. Русский человек остро чувствовал Запад, интересовался им, а Восток

он любил. И Восток отвечал русскому человеку тем же.

Это Запад на протяжении пяти веков культивировал русофобию, называл русских варварами, дикарями, исчадиями ада. Отношение к русским как к недочеловекам сохранялось до середины XX века, когда Запад прислал сюда Гитлера, с тем чтобы Гитлер уничтожил русских.

Восток не знал и не знает русофобии. Восток испытывает к русским симпатию даже после острых, иногда кровопролитных стычек, как то было в недавнем Афганском походе. И сегодня Афганистан, познавший силу и жестокость русского оружия, испытывает к шурави не ненависть, а прежнюю симпатию и благорасположение.

Русские двигались на Восток, встречая на пути множество различных народов, больших и малых, помещая их в ковчег своей русской цивилизации, не истребляли эти народы, а всячески им благоволили. У этих народов благодаря русским возникли своя письменность, своя интеллигенция, появились

могучие культурные и индустриальные центры.

Русское евразийство в своём походе на Восток поставило мощные столпы, на которых держался свод русского государства: Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток... Всё это — столпы русского континентального евразийства.

Россия сберегала народы Востока от жестоких завоевателей, которые грозили и продолжают грозить этим народам беспощадным покорением.

Современные Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Узбекистан являются лакомствами для хищных радикалов ИГИЛ. И только близость к России сберегает эти народы и государства от жестокого нашествия.

Когда русский человек подошёл к побережью Тихого океана, континентальное евразийство плавно перешло в евразийство океаническое. На Тихом океане Россия встретилась с могучими цивилизациями: Индия, Китай, Япония, Корея. Эти бурно раз-

вивающиеся цивилизации создают турбулентный клубок противоречий, соперничают друг с другом, грозят войной. Россия пришла в этот регион как миротворец, стремящийся к гармонии, к справедливости, к новому мировому порядку, принципом которого являются сотрудничество и взаимопомощь.

На Южном Урале есть место, именуемое Аркаим. Это матка, откуда вышел великий народ ариев и, разделившись на несколько потоков, ушёл в Индию, в Иран, на Кавказ, в степи Южной России. В Аркаиме зародились великие цивилизации Востока. Аркаим — их родина. И Россия сберегает эту родину, является хранительницей этого древнего евразийского очага.

Миссией России на Востоке, помимо миссии экономической, оборонной, геополитической, является гармоническое существование народов, культур, языков. Именно в этом находит своё воплощение Русская Мечта — мечта о божественной справедливости и мировой симфонии.

/ Валерий КОРОВИН /

Евразийские константы русского сознания

*Русская Мечта — не мечта о Европе, как и не мечта об Азии.
Русская Мечта — это мечта об особой, евразийской цивилизации*

Понятие «евразийство» настолько широко вошло в употребительный оборот, что давно уже кажется чем-то само собой разумеющимся, а значит, столь же очевидным и понятным. Вместе с тем эта употребительная широта самого понятия открыла широту трактовок, подразумевающую зачастую полную свободу понимать под евразийством всё, что заблагорассудится. Точно так же,

как и приписывать евразийству любые негативные черты, что позволяют себе те, кто считает себя противником евразийской доктрины.

Вместе с тем евразийство — довольно строгое понятие и одновременно — ёмкое, это весьма конкретное мировоззрение, которое вновь и вновь требует пояснений, дабы избежать чересчур широких трактовок от сторонников, дающих тем самым столь же обширную почву для кри-

тики со стороны противников. Итак, евразийство есть несколько базовых, константных характеристик, без системного утверждения которых никак не обойтись.

ПРОТИВ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ЗАПАДА

Собственно, отправной точкой для самого возникновения евразийских инициатив стала реакция на высоко-

мерное утверждение Запада (на тот момент — Европы) об универсальности своего исторического опыта и достижений своей, европейской в целом, западной цивилизации. Дошло до того, что Запад полностью присвоил себе понятия *развитие*, *прогресс*, *достижения*, а слово «цивилизация» отождествил с таким явлением, как *западная цивилизация*.

Взяв за основу свой опыт развития, Запад попросту заявил, что только это и является, собственно, развитием. Кто не повторяет этот западный путь — тот не развивается. Кто не следует за Западом во всём — тот не идёт по пути прогресса, а значит, собственно, вообще находится за бортом цивилизации, ибо цивилизация — это и есть Запад, остальные — дикари (догоняющие Запад) или варвары (не стремящиеся стать Западом).

На тот момент человечество действительно было заморожено паровой машиной, первыми зачатками научно-технической революции, невиданными диковинами, создаваемыми западными инженерами. Пользуясь этим замешательством под воздействием фaszинации от созерцания этих невиданных изобретений, Запад (на тот момент Европа), не особо церемонясь, объявил себя эталонным развитием человечества, и точка. По большому счёту, Европа тем самым обособила себя от всего остального человечества, одновременно поставив себя в его центр. Именно это и породило ответную реакцию тех, кто отказался признавать высокомерную европейскую универсальность. «Европа и человечество» Николая Трубецкого — своего рода манифест, заложивший основу развития евразийской мысли.

Отсюда вытекает главный принцип евразийства: отрицание универсальности Запада и его исторического опыта. Евразийство — это не западничество, понимаемое как универсальность. Запад отказывается иным, не западным, цивилизациям в своём собственном пути, а евразийство отказывает Западу в признании его пути универсальным для всех.

Человечество многообразно и состоит из целого ряда культурно-исторических типов, как обозначал их Данилевский, и Запад — лишь один из них, а не единственный, и тем более не лучший и не универсальный, — вот главный принцип евразийства, лежащий в его основе. Здесь можно было бы добавить, что и Восток не является источником универсальности, и уж, тем более, претендующим на первенство.

РОССИЯ — ЦИВИЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТ

Конечно, нельзя не признать, что некоторые народы и государства действительно последовали за Западом, соблазнившись его достижениями и некритично принимая его культурные коды, подражая Европе в её образе жизни, пародируя и слепо имитируя логику действий и тип мышления людей Запада. Есть государства, которые последовательно пытаются воспроизвести западный культурно-исторический тип.

Не избежала этой участи и Россия, под воздействием своих элит время от времени погружающаяся в пучину оголтелого западничества, практически растворяясь там и, как следствие, разлагаясь, теряя фрагменты, но вновь отшатываясь и собираясь с новыми силами. И если рассматривать русскую историю, разделяя её на условные этапы, то мы увидим историю внутренней борьбы — евразийства и западничества. Период западничества — сдача позиций, поражение и распад; период евразийства — победа над Западом, осмысление себя особой, не западной, но и не восточной, цивилизацией, и новая пересборка.

И здесь, говоря о России, мы обращаемся ко второму постулату евразийства. Россия — это самостоятельная цивилизация, особый культурно-исторический тип, самобытная культура, синтезирующая (а не смешивающая и не слепо перенимающая) в себе лучшие проявления европейской и азиатской культур. В этом синтезе — а не смешении или подражании —

и кроется секрет нашей самобытности. Особый тип русской государственности — это есть синтез политической вертикали и жёсткой централизации монгольской империи Чингисхана с верой, культурой и гибкостью Византийской империи Запада, если посмотреть на неё из России.

Русский человек — представитель народа, впитавшего в себя лучшее из культур Востока и Запада, но не слившийся с ними в слепом подражании. Русский человек — как часть своего народа, единой, органической общности — целен и субъектен, суверенен и самостоятельно определяет свою судьбу. В этом его евразийская суть. Не европейская, подражающая Европе, а по сути пародирующая человека Европы. Не азиатская, слишком далёкая, чуждая, грубая и не соответствующая тонким струнам русской души, созвучной скорее цивилизации греческой. Но самостоятельная — евразийская.

Русский человек может любить Европу, но при этом оставаться собой (бездумно принимая европейские культурные коды, он перестаёт быть русским); может любить Азию и народы Востока, заимствуя лучшее у них. В этом смысле русский открыт для культурного обмена, но закрывается всякий раз, когда Запад или Восток пытается переделать его под себя. Русский, как писал Достоевский, это «всечеловек», имея в виду его эмпатию и к народам Востока, и к народам Запада, но при этом, чтобы сохранить, ему всегда надо оставаться собой — русским народом, русской культурой, русской цивилизацией, со своей цельной, неразрывной в веках русской историей.

Быть евразийцем — это быть особой, самобытной цивилизацией, но касается это не только русских. Быть собой — народом, культурой, органической общностью — это право любого народа, культурно-исторического типа, любой цивилизации, будь то в Европе или в Азии. Кто признаёт это право — евразиец. Кто не признаёт... скорее всего, высокомерный цивилизатор Запада, поработитель народов, колониалист, высокомерный

англосакс, гегемон, претендующий на глобальное доминирование ввиду своей «исключительности». То есть не евразиец, а его противник. Онтологический, бытийный, неснимаемый.

ИМПЕРИЯ НАРОДОВ

Русский евразиец любит свой народ, и поэтому понимает, как другие люди также любят каждый свой родной народ, отстаивая его органическую цельность, его самобытность, его традицию и уникальную особость. В этом русский евразиец принимает всё многообразие этносов, народов и политических наций как данность, признавая и принимая их уникальную идентичность. В этом заключается ещё один тезис евразийства — принятие многообразия общностей, очень русский, открытый и широкий по своей сути.

Эту открытость и широту притяжения любых идентичностей, эту «всечеловечность» русских многие воспринимают ошибочно — некоторые как призыв к смешению (это опровергается евразийским тезисом о сохранении своей уникальной самобытности), а некоторые — как призыв к поглощению, мол, русские всеядны и прожорливы со своими имперскими замашками. И те и те ошибаются — наивно или сознательно вводя в заблуждение.

Смешение — абсолютно либеральный, постчеловеческий принцип, как раз насаждаемый Западом и его цивилизаторами, загоняющими человечество в глобальный плавильный котёл — подход антиевразийский, т. к. разрушает органическую общность, культурную идентичность, особость народов, размалывая их на атомы индивидов. Но и поглощение народов, навязывание им своих культурных кодов — подход также абсолютно не евразийский, а, напротив, западнический, колониальный, эксплуатирующий, рассматривающий представителей иных, не западных народов как туземцев, дикарей, приравниваемых зачастую к живой природе.

Именно вклад десятков, сотен народов в нашу историю и породил

Никогда русский, особенно евразиец, не станет загонять вас силой в свой Русский мир — подобные эксцессы есть либо уподобление Западу, с его высокомерием и навязыванием своего опыта, либо уподобление Востоку, с его грубостью и волюнтаризмом. Евразийский подход открыт к многообразию, Евразийская империя не эксплуатирует, а обустроивает, принимая в себя народы такими, какие они есть.

самобытную русскую цивилизацию, евразийскую и многообразную, но не смешанную, а упорядоченную, где субъектом является не атомарный индивид, как на Западе, а органическая общность — этнос или народ.

Русским можно стать, приняв на себя русскую идентичность, взяв за основу русский культурно-исторический код, признав русский язык своим, слившись с русской органической общностью народа. Но сделать это можно только добровольно. Никогда русский, особенно евразиец, не станет загонять вас силой в свой Русский мир — подобные эксцессы есть либо уподобление Западу, с его высокомерием и навязыванием своего опыта, либо уподобление Востоку, с его грубостью и волюнтаризмом. Евразийский подход открыт к многообразию, но при условии сохранения субъектности. Евразийская империя не эксплуатирует, а обустроивает, принимая в себя народы такими, какие они есть. В общем евразийское стратегическое единство, а не в «тюрьму народов» плавильного котла западных колонизаторов.

ЕВРАЗИЙСКИЕ КОДЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В периоды своего евразийского просветления русские сплывают народы — Евразии, да и за её пределами — на восстание против Запады. В минуты же помутнения, помешательства — сами, а точнее, российские элиты, а вслед за ними и податливые массы (таков социологический закон) следуют за Западом, самоликвидируясь как большое государство, осыпаясь в малое, отказываясь от большого проекта. Чтобы, потеряв почти всё, вновь пробудиться, заново собраться

для новых, непременно великих — таков подлинный русский, евразийский масштаб — свершений, следуя за своей негасимой Русской Мечтой.

Эти константы евразийского русского бытия никуда не деваются даже в моменты самой тёмной полночи нашей истории. Их просто становится на мгновение не видно, и мы теряем их из виду. Но рано или поздно наши цари, вожди, генсеки вновь обнаруживают их, пробуждаясь, движимые этими кодами. И Россия вновь превращается в евразийский субъект — тот, что познает, мыслит и действует, в отличие от объекта угасания в моменты отступления от евразийской миссии в пользу Запады, на который, а точнее, против которого направлены западные мысли и действия.

За последнее столетия у нас было слишком много Запады. Западнические элиты поздней романовской России, переставшие понимать, а тем более чувствовать свой народ. Заимствованные с Запады марксистские идеологические эксперименты большевиков, позже адаптированные в русском ключе под евразийские цивилизационные константы в момент сталинского имперского просветления. И вновь падение в либеральный эксперимент хрущёвской «оттепели», слегка подмороженной брежневским консервативным застоём, чтобы окончательно рухнуть в горбачёвскую перестройку как крайнее поражение вплоть до почти полного несуществования. Ельцинское кровавое олигархическое правление чуть не убило Россию.

Но вот евразийские константы вновь обнаружены — новая пересборка России, усмирение региональной фронды «национальных

республик», евразийская интеграция, выстраивание евразийских геополитических осей — Москва–Пекин, Москва–Дели и чуть не состоявшаяся ось, разрушающая западное доминирование, — Париж–Берлин–Москва в момент начала уничтожения Ирака. И всё же либерализм нас не отпускает. Запад лезет своими сетями, со своими «цветными» революциями, продолжая обкладывать Россию со всех сторон, используя либеральное крыло в российском правительстве, с его монетизацией льгот, либерализацией экономики, пенсионной реформой, повышением НДС и прочими либеральными экспериментами над совершенно не либеральными страной и её народами. Слишком много Запада. Нужен новый евразийский вздох, широкий, масштабный, пора вернуться к Западу спиной, развернуться от него на Восток.

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ РУССКОГО ЕВРАЗИЙСТВА: К ВОСТОКУ

Задохнувшись в душном углу замшелого мировоззренческого чулана Европы, мы поворачиваемся на Восток, туда, где открываются широкие просторы, дающие сделать глоток свежего воздуха, предоставляющие нам поистине евразийский размах. Новый курс русского евразийства — Дальневосточный. Там Россия открывает новую страницу взаимодействия с цивилизациями Востока, с Китаем, Японией, Кореей, простирая русский взор в Океанию, к Индонезии и Австралии. «Там создаётся синтез, в котором Россия сочетается с великими цивилизациями Тихого океана», — подчёркивает русский писатель Александр Проханов. Но теперь на наших, евразийских условиях — без назойливого Запада и его исключительности, сохраняя свою самобытность, уважая цивилизационные, культурные особенности друг друга для взаимного познания и сотрудничества, в рамках складывающегося на наших глазах многополярного мира — вот проект нового евразийства XXI века.

Без либерализма и национализма — этих химер Запада, без «обязательного» западного вмешательства, контроля и надзора — мы начинаем новый этап развития в мире, где Запад является лишь одной, но не единственной цивилизацией — в новом, евразийском мире равноправного сотрудничества цивилизаций. Не наций, не либеральных, атомарных торгующих индивидов в броуновском движении постчеловеческого котла. В новом мире цивилизаций, объединяющих близкие по культуре народы в большие стратегические блоки. Таковы принципы русского евразийства, китайского, индийского, арабского евразийства, евразийства Иberoамерики и Африки, освобождающихся от западного доминирования.

Нас усиленно заставляют мыслить в категориях интересов Запада, исходить из его предпосылок и критериев. Но в нашем восточном евразийском проекте есть свои, не западные константы, о которых следует ещё раз напомнить.

Русские интересы евразийского проекта, направленного на Восток, заключаются в необходимости обеспечить стратегическую безопасность России на всём Тихоокеанском побережье и на русском Дальнем Востоке, в частности. А это означает необходимость отодвинуть американское присутствие как можно дальше от нас, с глаз долой.

ЯПОНИЯ ИЛИ КИТАЙ? ЯПОНИЯ И КИТАЙ

Евразийский геополитический императив заключается в освобождении Дальнего Востока от американских военных баз, в первую очередь Японии — подавленной и униженной варварскими бомбардировками 1945-го. Вот так Запад продвигает свои ценности — на крыльях стратегических бомбардировщиков, несущих атомную смерть сотням тысяч ни в чём не повинных мирных жителей. Вот так Запад закрепляется на захваченном плацдарме: расставляя свои военные базы — неподсудные, диктующие

свою волю, продолжающие насиловать Японию военным образом, но так же экономически, культурно, жёстко навязывая свои суррогаты.

Восточный евразийский вектор России подразумевает прямой и открытый диалог с Японией. Но не о каких-то там островах, называемых в Японии «Северными территориями», — это ложный объект, на который переключают наше внимание нынешние американские хозяева когда-то великого японского народа. Пока Вашингтон нашёптывает японским властям о том, что русские забрали у них четыре камня, сама Америка забрала у японцев всю Японию. Диалог между Москвой и Токио надо вести об освобождении всей Японии — о восстании против американской оккупации, о сбрасывании американских военных баз в океан и о выстраивании новой евразийской геополитической оси Москва–Токио.

Одновременно евразийский геополитический вектор России должен развернуться в сторону Китая. И опять это западные стратеги, горящий в аду Бжезинский и иже с ним, доказывали, что невозможно, мол, иметь одинаково развитые, сбалансированные стратегические отношения и с Японией, и с Китаем одновременно. Невозможно только потому, что США всегда играют на противоречиях, противопоставляя одного другому, стравливая одного с другим, Японию с Китаем, Японию с Россией, Россию с Китаем, получая в итоге всё себе.

Евразийская геополитика снимает это ложное противостояние, открывая возможность выстраивания оси Москва–Пекин. Но здесь речь уже должна идти о другом. Если Япония тяготеет к американскому военному присутствию, то суверенный Китай, обладающий ядерной триадой сдерживания любого американского военного поползновения, — тяготеет к американскому экономическому гнётому. Сырьевая удавка, наброшенная США, старающихся контролировать все сырьевые потоки мира, доллары взаиморасчёты, бесконечные, триллионные займы американских

государственных облигаций, подаваемых как великое благо, а в дополнение — заградительные пошлины и торговые войны: всё это держит великий с виду Китай на коротком американском поводке. Шаг вправо, шаг влево — и конец вашей экономике, ухмыляется дядя Сэм.

НОВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Евразийская стратегия России на Дальнем Востоке — это восстановление отношений с Северной Кореей, которой уже так привычно пугают нас либералы. Это островок русско-го сталинизма, который мы создали, но потом, по немощи своей, бросили, оставив в качестве застывшего музея эпохи великого сталинского эксперимента. Но это ещё и трудолюбивый народ, и мощный экономический потенциал, и выход в Восточно-Китайское море, за который уже сразились наши лётчики и военные инструкторы. Всё это надо восстановить в нашем общем новом евразийском проекте.

Но и здесь мы обнаруживаем искусственно созданный американцами конфликт, который их стараниями никак не может быть уврачеван, десятилетиями представляя собой незаживающую кровоточащую рану. Оккупированная по сей день с момента заморозки корейской войны Южная Корея, и помыслить не может о самостоятельной политике, а тем более — о примирении с Севером до тех пор, пока тот не сдастся на милость американцам. Не сдаётся, ибо корейцы, как и русские, не сдаются, до конца отстаивая свой суверенитет, а значит, Корея не будет единой до тех пор, пока вслед за Японией, а может, и раньше, не восстанет против американского военного гнёта, не отправив американские военные базы туда же — в океан.

В этом японском, китайском, а затем и корейском освобождении и заключается полноценное развёртывание евразийского проекта на Дальнем Востоке в целом и в Корее в частности — в освобождении от навязчивой опеки США с последующим

объединением двух Корей ради общего развития в рамках единого государства одного народа. Под ядерные гарантии прикрытия со стороны России. Только тогда наш — России, Японии, Китая и Кореи — океан, возмущённый американским присутствием, вновь станет Тихим и безопасным.

ВЕРНУТЬ ОКЕАН

Индии не хватает нашего военного потенциала — нашего оружия и систем ПВО. Но самое главное — Индия также не контролирует свой океан. Евразийская стратегия в Индии — это совместное российско-индийское присутствие в Индийском океане, где так же, как и в Тихом океане, сейчас безраздельно хозяйничает американский Седьмой флот, монополично и единолично определяя судьбу всех государств региона, не считаясь с их интересами. Но, по американскому обыкновению, видя там интересы только лишь свои.

Российско-индийская военно-морская база, с центром на острове Диго Гарсия (откуда давно пора убраться англичанам и их союзникам — американцам), со своим флотом русских и индийских авианосцев — вот евразийская стратегия для Индии, и она будет реализована в виде полноценной, а не усечённой лишь в экономическом формате геополитической оси Москва–Дели.

Евразийская стратегия на Дальнем Востоке — это возвращение во Вьетнам и полноценное восстановление там ранее свёрнутой российской базы Камрань. Которую мы закрыли, считывая на ответные миролюбивые шаги со стороны США. Прошло двадцать лет. Не дождалась, а значит, базу Камрань пора вновь открывать, не только для ремонта военных кораблей, но для полноценного, сдерживающего США военного присутствия. Как с теми же целями пора вновь открыть и сам Вьетнам — в качестве военно-стратегического, а не только лишь торгового партнёра, с обеспечением его безопасности, с прикрытием нашим ядерным зонтиком от любого

повторного покушения со стороны назойливых и вездесущих янки. То же можно сказать и про Лаос.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Однако не следует забывать и о внутренних проявлениях реализации дальневосточной евразийской стратегии. Русский Дальний Восток — это островок европейской цивилизации в окружении неевропейских народов, это способность оставаться русскими там, где над нами нависает инкультурное большинство совершенно далёких нам ментально цивилизаций. Сохраниться, остаться русскими и взять лучшее от культур соседних народов — в этом наше преимущество, в этом суть русского евразийства, в этом яркое проявление евразийского цивилизационного синтеза. А значит, этот островок необходимо не только сохранить, но и превратить в полноценное русское море, поставив вопрос демографии Дальнего Востока на первое место.

Русский Дальний Восток должен быть подлинно русским, а не китайским, не заселённым искусственно гастарбайтерами из Средней Азии или с Кавказа. Русская культура — это необходимый и самый важный компонент нашего присутствия на Дальнем Востоке. Без русской культурной экспансии, без полноценной цивилизационной представленности мы не сохраним Дальний Восток. Отсюда — крайне внимательное отношение не только к вопросам демографии — главного нашего приоритета, но и к вопросам миграции, особенно из соседнего, дружественного нам Китая.

Евразийский подход в сохранении, а не в размывании идентичности, а значит, Китай для китайцев, а Дальний Восток — для русских и других традиционных народов российского Дальнего Востока. Граница с Китаем в этой связи должна быть полупрозрачной, строгой и внимательной — если это евразийская граница, а не административная линия для эксплуатации в целях наживы. Китай, безусловно, имеет право на экспансию,

но евразийский, дружественный нам Китай будет осуществлять эту экспансию на Юг. Таков закон евразийства.

Евразийская Россия — это единая держава, объединяющая в себе множество этнокультурных единиц — языков — народов, верований и религий, но без смешения и размытия, без дробления и перемешивания в плавильном котле на западный манер. Евразийская держава — это не нация и не либеральная постчеловеческая помойка. Евразийская Россия — это империя народов, сохранившихся в своей коллективной идентичности, но представляющих

всю полноту нашего, евразийского цивилизационного многообразия, в центре которого находится большой русский народ — собиратель земель и строитель бескрайнего континентального евразийского государства — ковчег спасения для всего этого многообразия народов.

Но первенство русских не означает нахождение на вершине иерархии народов, как это принято понимать на Западе, как это навязывается нашим народам западными нащёптывателями, настраивающими их против русских, обвиняющими русских в своих же собственных западных

грехах — колониализме, эксплуатации и насилии над другими народами. Никогда русские себе такого не позволяли и не позволят, ибо Русская Мечта заключается в справедливом единстве. Русское же первенство — не что иное, как первенство самой высокой ответственности за тех, кого мы спасаем в своей континентальной империи — от размывания, от эксплуатации и от «оцивилизовывания» со стороны того самого Запада. Жизнь без Запада, в гармонии, общем развитии и взаимном познании — в этом и заключается русская, евразийская мечта о будущем.

/ Василий АВЧЕНКО /

Россия. Тихоокеанское омовение

О гранях дальневосточной мечты

Что такое дальневосточная мечта? Как она соотносится с общерусской? Жива ли она сегодня как осознанный сюжет существования Дальнего Востока? Зачем вообще России её восточное крыло? Вопросов много. Готовых ответов нет.

ОПЫТ ПРОШЛОГО: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ПОЛИГОН

Дальний Восток — не данность, а итог работы многих поколений наших предков. И одновременно — долгосрочная задача для всей страны. Как мы с ней справимся — вопрос. Раньше как-то справлялись, несмотря на несовершенство технологий, внешние угрозы, внутренние проблемы вроде недалёкости и жадности чиновников...

У России был удивительный, невероятный XVII век: за какие-то полстолетия отряды казаков, пройдя космически

необъятную Сибирь, вышли к Ледовитому и Тихому океанам, шагнули на соседний континент — в Русскую Америку (задолго до образования США). Россия стала самой большой страной мира, хотя территория её ещё не была освоена и контролировалась слабо. Можно сказать и так: Россия по-настоящему стала собой. Без сибирского, азиатского крыла она рисковала стать рядовой европейской страной.

Енисейск и Охотск — узловые точки на восточном пути — старше Петербурга. Уже 1 октября 1639 года казаки Ивана Москвитина вывели судёнышко в Охотское море. Эта дата должна отмечаться как национальный праздник — Тихоокеанский день России.

Азиатский океанский ландшафт изменил русского человека, обогатив новыми словами, смыслами, блюдами... И всё-таки в главном он остался собой; больше принёс, чем впитал.

Если представить страну организмом, в котором нет лишних аппендик-

сов, увидим: у каждого региона — своя миссия.

Порой пишут, что Сибирь (под Сибирью раньше понимали всё, что лежит к востоку от Урала, — до Берингова пролива) русские заняли сугубо ради соболя — «мягкой рухляди», валютоёмкого экспортного ресурса. Но всё-таки сводить освоение целого континента к соболу было бы слишком просто и неверно.

Пушкин, обратившись к национальной истории, вышел на три главные темы: государственность и прогресс (Петровская эпоха); свобода и революция (восстание Пугачёва); приращение новых земель. В последние дни жизни он конспектировал «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова. Обращал особое внимание на освоение новой земли, выстраивание отношений с местными народами... Не успел создать законченного произведения о Камчатке, но наметил вектор, который уловили

Гончаров, отправившийся на «Палладе» в Японию, и Чехов, поехавший на каторжный Сахалин. Из классики XIX века, из записок путешественников Невельского, Венюкова, Пржевальского родился первый дальневосточный генерал — Арсеньев. Его продолжили Фадеев («Последний из удэге»), Пришвин («Женьшень»), Куваев («Через триста лет после радуги») ... Так рождалась литература дальневосточного фронта. Нить не оборвана: в наши дни написаны «Язычник» Кузнецова-Тулянина, «Тойота-Креста» Тарковского, «Роза ветров» Геласимова, так или иначе наследующие названным и неназванным именам.

Помимо «меховой», Дальнему Востоку досталась другая миссия: защищать Россию. Причём не от Востока, а прежде всего — от Запада. Именно экспансионистская активность европейских держав на Тихом океане в XIX веке толкнула Россию к занятию Приморья и Приамурья, которые фактически были ничьими, хотя формально относились к сфере интересов Китая. Здесь могли возникнуть западные колонии: новые Гонконги, Макао, Циндао; европейцы заняли бы Амур, Сахалин, Приморье, что означало бы появление совершенно иного расклада на века вперёд. Но для нас счастливо совпал ряд обстоятельств: Невельской, рискуя карьерой, доказал, что Сахалин — остров, устье Амура судоходно, а на самом Амуре нет китайцев; Николай I его поощрил, несмотря на недовольство топ-чиновников вроде Нессельроде; дипломаты Муравьёв и Игнатъев выиграли судьбоносную шахматную партию, защитив измученный Китай от очередной атаки англичан и французов, а взамен выторговав для России Амур и Уссури. А ведь англичане уже нанесли на карты бухту, где позже появился Владивосток, и нарекли её «Порт-Мэй». Однако основание Владивостока — ещё до заключения Пекинского договора — поставило мир перед фактом. Выход России к Японскому морю стал послесловием к Крымской войне и компенсацией за крушение старой мечты о проливах и Царьграде. Именно поэтому бухту, в которой воз-

Выход России к Японскому морю стал послесловием к Крымской войне и компенсацией за крушение старой мечты о проливах и Царьграде. Именно поэтому бухту, в которой возник Владивосток, назвали Золотым Рогом, как в Константинополе, пролив между городом и островом Русским — Босфором-восточным. Владивосток, с его несколько самонадеянно звучащим именем, объявлялся — ни больше, ни меньше — Четвёртым Римом. Это была блестящая дипломатическая победа — прежде всего, над Западом.

ник Владивосток, назвали Золотым Рогом, как в Константинополе, пролив между городом и островом Русским — Босфором-восточным. Владивосток, с его несколько самонадеянно звучащим именем, объявлялся — ни больше, ни меньше — Четвёртым Римом. Это была блестящая дипломатическая победа — прежде всего, над Западом.

К началу XX века регион стал, по слову Арсеньева, «буфером, выдерживающим натиски жёлтой расы». Учёный имел в виду, прежде всего, японцев, стремительно — за полвека — вестернизовавшихся, свернувших политику самоизоляции и одолевших Россию на сопках Маньчжурии и в водах Цусимы. На первую половину XX века главной угрозой с востока стала Япония: интервенция, Маньчжоу-го, Хасан, Халхин-Гол... — до маньчжурского блицкрига маршала Василевского в августе 1945-го. Эта угроза вынуждала не только держать на восточных рубежах войска (их в 1941-м будут отправлять под Москву — знаменитые «сибирские дивизии», большая часть которых формировалась на Дальнем Востоке), но и строить города, заводы, дороги, привлекать население. Проект БАМ как дублёра Транссиба, находящегося в опасной близости от границы, появился ещё до войны — именно в связи с японской угрозой. Позже проект реанимировали из-за рухнувших при Хрущёве отношений с Китаем. Перестроечные публицисты называли БАМ «дорогой в никуда» — а теперь мы слышим о необходимости прокладки второй очереди БАМа в силу уже не военных, а экономических соображений. Хочется верить, что дорога эта будет

способствовать не только экспорту сырья, но и освоению территории.

На восток бежали от государства — и тем самым, по закону имперской диалектики, его укрепляли. Ссылные мятежники и народовольцы: Янковский, Пилсудский, Серошевский, Тан-Богораз... — становились учёными, писателями, меценатами, укрепляя на востоке позиции той самой власти, против которой ещё недавно боролись.

Дальний Восток стал полигоном, где отрабатывались новые формы социальной организации: царская каторга и сталинский Дальстрой (где в первые годы, как и при Чехове на Сахалине, широко экспериментировали с зачётами и вольными поселениями), порто-франко и перевозка крестьян-переселенцев из Одессы судами Доброфлота, Дальневосточная республика («красный буфер» между Советской Россией и занятым японцами Приморьем) и КВЖД — щупальце, протянутое Россией в Китай, украинский «Зелёный Клин» и Еврейская автономная область, золотой Магадан и «город юности» Комсомольск, который строили арестант-поэт Заболоцкий и комсомолец-энтузиаст, будущий герой-лётчик Маресьев. В 1930-х регион стал полем гигантских строек и в то же время — передним краем. На границе искрило; ожидалось, что новая большая война начнётся именно здесь. Не случайно именно в Хабаровске Аркадий Гайдар начал писать свою «Военную тайну», дышащую тревогой.

На мировых войнах неуязвимый для немецких подводок Владивосток был перевалочной базой для союзнических грузов. Новыми соболями

стали чукотское олово, колымское золото, якутские алмазы... Они шли на индустриализацию, оплату помощи союзников, восстановление страны.

В пору холодной войны на Камчатке появились атомные подводные «стратеги». Заполярный остров Врангеля стал аэродромом подскока для гипотетического удара по Америке. Тихоокеанский флот, отвечавший за Индийский и Тихий океаны, получил базу во Вьетнаме.

ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ НАСТОЯЩЕГО: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ГЕКТАРОМ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ПРОВАЛУ

С крушением Советского Союза регион, более зависимый от государства, чем близкие к Москве развитые земли, потерял смысл и стержень своего существования. Офицеры, учёные, моряки шли в челноки; торговали корейской лапшой, китайскими шмотками, японскими автомобилями.

Государство вспомнило о Дальнем Востоке в середине нулевых; символическим перевалом стало решение провести во Владивостоке саммит АТЭС. Сегодня регион — и Владивосток как его нервный центр — вживается в новую роль. Это уже не только военный форпост — это окно в Азию, центр международного сотрудничества России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Новый выход в мир — уже не через балтийскую форточку.

В Приамурье построен космодром «Восточный», а обеспечивающий его работу Углегорск превращён в Циолковский — первый город, названный именем великого русского космиста. Владивосток пережил инфраструктурную перезагрузку, хотя построено ещё далеко не всё из запланированного. Оживление Севморпути и БАМ; возведение суперверфи в Большом Камне... — всё это проекты, без дураков, огромные и очень важные, невзирая на распилы, откаты и посадки. Путин бывает во Владивостоке чаще, чем любой из предыдущих руководителей государства.

Восточный поворот Россия обозначила ещё до Крыма и Донбасса; ухудшение отношений с Западом, по идее, должно интенсифицировать процесс нашей «истернизации».

Проблема в том, что усилия по «ускоренному развитию» Дальнего Востока часто кажутся декларациями. Создано Министерство по развитию Дальнего Востока, ряд госкорпораций, запущено несколько программ... — но результативность этих шагов пока, к сожалению, остаётся сомнительной. Наконец осознав, что Дальний Восток — не «чемодан без ручки», Москва не очень понимает, что с ним делать; к тому же наивно представлять Кремль как нечто монолитное. Греф до сих пор не запустил работу Сбербанка в Крыму — а его экс-заместитель, ныне глава Аэрофлота Савельев, заявляет: «социальные» («плоские») тарифы на полёты с Дальнего Востока в Москву могут отменить. Что чревато ослаблением территориальной связанности страны, её культурного единства.

Порой кремлёвские мечтатели, отчаявшись избавиться Дальний Восток от родового проклятия отсталой территории, пытаются откопать ответы на наблевшие вопросы в прошлом. Когда-то на тихоокеанском побережье действовал режим порто-франко для снабжения Приамурья, оторванного от столиц, товарами — и вот во Владивостоке создают «свободный порт», а вокруг — «территории опережающего развития». Когда-то крестьяне ехали в Сибирь за землёй — и вот каждому дальневосточнику (в том числе потенциальному) предлагают бесплатный гектар, хотя уже ясно, что программа эта — мертворожденная.

К концу 10-х годов XXI века Дальний Восток слишком серьёзно изменился по сравнению с царскими и советскими временами. Но мы, если вспомнить слова Юрия Андропова, по-прежнему «не знаем страны, в которой живём». Кажется, что «дальневосточные» инициативы рождаются в изолированном кабинете, где нет даже карты России.

При царе и Советах тоже не всё шло гладко. Тот же Венюков писал: борьба за Амур выиграна в петербургских

кабинетах. Война шла со своими же чиновниками, которые считали занятие Амура «муравьёвской затеей». Вспомним, сколько копий ломали вокруг проекта «Желтороссия»; как получившие головокружение от успехов при подавлении восстания «боксёров» в Китае генералы — тот же Стесель — сдавали Порт-Артур; сколько было «возвратников» — переселенцев, не прижившихся в Приморье...

Однако так или иначе в царское и советское время население Дальнего Востока росло, а после краха СССР стало падать. Если в 1991 году на Дальнем Востоке жило свыше 8 млн человек, то через 20 лет осталось 6 млн — на четверть меньше. В южном Владивостоке ситуация мягче, в северном Магадане — критичнее; единственное исключение — Якутск, население которого заметно прибыло (зато в целом по Якутии — упало). Даже в Приморье — относительно благополучном, южном, комфортном регионе — население сократилось с 2,5 до 1,9 млн человек.

Сейчас, правда, дальневосточников вновь насчитывается свыше 8 млн — но не потому, что сюда устремились переселенцы или что мы стали активнее рожать. Просто Бурятию и Забайкальский край передали из Сибирского в Дальневосточный федеральный округ. Однако в реальности, а не на бумаге, отток продолжается: дальневосточники уезжают в Москву, Петербург, на Кубань, в Калининград... В своё время президентский полпред Исхаков обещал переселить на Дальний Восток 18 (!) млн человек. Однако и эта, и другие программы провалены и забыты.

Формальным поводом для включения Улан-Удэ и Читы в число дальневосточных городов стало решение распространить на Забайкалье действие новых экономических инструментов — территории опережающего развития, дальневосточный гектар... Но уже сама перекройка границ регионов показывает: мы толком не понимаем, где у нас Дальний Восток, где Сибирь, где Забайкалье. Понятие «Дальний Восток» условно; это огромный и крайне неоднородный регион. Трудно найти

более несхожие земли, чем заполярная Чукотка и субтропическое Приморье, промороженная Якутия и бамбуковый Сахалин. Границы административные не всегда соответствуют культурным, историческим и даже географическим.

Или взять недавний перенос дальневосточной столицы из Хабаровска во Владивосток. Действительно, Владивосток давно перетягивает одеяло на себя: здесь построены мосты, новый аэропорт с аэроэкспрессом, филиал Мариинки, действуют десятки дипломатических миссий... Де-факто Владивосток стал ведущим городом Дальневосточного региона. Но не менее резонны и возражения. Объективно Дальний Восток би-столичен: часть окружных структур квартирует в Хабаровске, часть — во Владивостоке. Хабаровск расположен ближе к географическому центру гигантского региона. Не случайно здесь находилась штаб-квартира приамурского генерал-губернатора; центром Дальневосточного края, существовавшего до 1938 года, тоже был Хабаровск. Генерал Пуликовский — первый дальневосточный полпред президента — в 2000 году обосновался в Хабаровске. Владивосток же расположен на краю, куда дальше Хабаровска от северных периферий. Недавнее включение в пределы ДВФО двух регионов, ранее относившихся к Сибири, делает перенос центра во Владивосток ещё менее осмысленным; с другой стороны, Хабаровск с утратой столичного статуса рискует резко провинциализироваться. А ведь внимания требуют все территории Дальнего Востока — не только сравнительно развитые Владивосток с Хабаровском. Дальневосточный географ, кандидат экономических наук Юрий Авдеев считает: с ролью центра ДВФО прекрасно справился бы Хабаровск, перед Владивостоком же стоит более серьёзная задача — быть восточной столицей страны, её окном в АТР. Порой звучат предложения превратить Владивосток в город федерального значения — «восточный Севастополь», что «зарифмует» Крым с Приморьем, увеличит значимость восточного форпоста, укрепит тихоокеанскую опору страны. Визионер Лимонов говорит

о шаге ещё более радикальном — переносе столицы России в Сибирь...

«Восточный проект» есть, но пока он невнятен, будто соткан из морского тумана. Куда мы идём? Есть ли чёткий образ дальневосточного будущего России?

ПРИЗРАЧНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ БУДУЩЕГО: КУРС НА ВОСТОК И СЕВЕР

Перед Россией стоит задача, масштаб которой сопоставим с тектоническими сдвигами петровских и ленинских времён.

Дальний Восток получает новую миссию, для которой его сегодняшнее имя уже не подходит. Да и вообще, «Дальний Восток» — не имя, а лишь географическое определение, ничего объективного не означающее. Для приморца даже Иран — Запад; для жителя Южно-Курильска и Японии — Страна «заходящего солнца». Под «центральной Россией» принято понимать её Дальний Запад: ведь географический центр страны — где-то севернее Красноярска.

Сама конфигурация России очевидно показывает: противопоставление Европы и Азии утратило смысл. Деление по «Камню» (Уралу) давно устарело; Европа окопалась на тихоокеанских берегах.

Географ, академик РАН Пётр Бакланов считает: в названии «Дальний Восток» слышны относительность и евроцентризм.

«Может быть, для Европы мы и дальние, но для Азии и, тем более, для самих себя — нет», — говорит член-корреспондент РАН, историк Виктор Ларин. Он убеждён: термин «Дальний Восток» — вериги, влияющие на отношение Москвы к соответствующим землям и водам.

В качестве альтернативы «Дальнему Востоку» предлагается «Тихоокеанская Россия». Если «Дальний Восток» ориентирован вовнутрь, то «Тихоокеанская Россия» — вовне. Мы включаем в поле зрения океан (ведь Дальний Восток — не только территория, но и акватория: 200-мильная

экономическая зона России, выход в Мировой океан) и подчёркиваем российскую принадлежность соответствующих земель и вод (это важно, потому что в мире под Far East понимают что угодно, только не ДВФО).

Предложенная романтиками от науки «Тихоокеанская Россия» — точнее и содержательнее привычного «Дальнего Востока». Это распахнутая в океан бесконечность, прочно связанная с родным материком. Вместо «дали» и «востока» — Россия на Тихом океане.

Никто, впрочем, не предлагает переименовать Дальневосточный федеральный округ в Тихоокеанскую Россию — хотя бы потому, что данные понятия не совпадают. Скажем, Якутию или Бурятию едва ли можно причислить к Тихоокеанской России. Оба термина могут существовать параллельно; можно говорить о Дальнем Востоке в контексте административного деления страны и о Тихоокеанской России как о планетарной геополитической категории, международном названии области от Чукотки до Приморья — Pacific Russia.

Конечно, содержание восточной политики важнее вывески. Но и слова имеют значение. Сколь принципиальны азиатские соседи: то, что для нас Южные Курилы, для Японии — исключительно «северные территории». Корейцы не признают название «Японское море» — только «Восточное море Кореи». Русские, несмотря на сложный анамнез отношений с Японией, толерантнее: пусть будет Японское...

Не раскрытый по-настоящему потенциал — связи с АТР. В прошлом году исполнилось 400 лет контактам России с Китаем, но культурное их взаимовлияние — очень слабое, даже на Дальнем Востоке. Мешает миф о «жёлтой опасности» и китайской экспансии: говорят, что российский Дальний Восток «неизбежно» отойдёт Китаю, что фактически он уже китаизирован... Редкий случай: здесь либералы сходятся с патриотами. Хотя на Дальнем-то Востоке очевидно: китайцев здесь нет, кроме туристов и горстки коммерсантов с парикмахерами; а если в Китай гонят контрабандой

сибирский лес — проблема не в китайцах, а в наших законодателях, исполнителях и силовиках. Ни отторгать российские территории, ни заселять даже свои «севера» Китай не хочет и не может, население КНР сосредоточено в мегаполисах юга страны. Да и, в конце концов, это русская армия несколько раз вступала в Китай и даже штурмовала Пекин — а не наоборот. С Европой мы воевали куда чаще и страшнее; почему же не поверить, к примеру, в захват шведами или финнами Выборга? Или в захват теми же китайцами не России, а — Казахстана, Монголии, Вьетнама? Тайваня для начала? А может, Россия вслед за Крымом вернёт себе КВЖД и Аляску? Кроме шуток: чем такая постановка вопроса абсурднее фобий о передаче Дальнего Востока Китаю? Китайское соседство следует понимать не как опасность, но как возможность.

Примерно понятно, что следует делать на тактическом уровне: уровень жизни, инфраструктуру, возможности, кадры, социалку, культуру... В самой большой стране одним из нацпроектов должны быть дороги: скоростные поезда, недорогие самолёты, «кометы». Тем более — на Дальнем Востоке. Где, к примеру, на Камчатку и Чукотку автомобильных и железных дорог нет вообще.

А на стратегическом? Что России делать с Дальним Востоком? Лишний он — или необходимый?

Готовых ответов на «проклятые» вопросы нет, их нужно искать. В ходе поиска Москве следовало бы чутче прислушиваться к дальневосточному экспертному сообществу — немногочисленному, но неравнодушному и,

по большей части, патристичному. Возможно, **нужен Дальневосточный институт международных отношений**, который бы вырабатывал понимание того, как нам жить с азиатскими «тиграми». Владивосток и Хабаровск должны стать полноценными интеллектуальными центрами страны. Однако пока взаимопонимание между Москвой и отдалённой периферией зачастую даёт сбой.

«Необходимо выбрать стратегическое направление развития региона. Важнейшая задача — взаимодействие со странами АТР. Принципиальный вопрос: мы встраиваемся в арьергард сложившихся международных альянсов и выполняем функцию сырьевого придатка — или у нас есть потенциал, который обеспечит нам лидерские позиции?» — размышляет Юрий Авдеев. — Имеются сферы деятельности, где сохраняется мировой авторитет России. Они могли бы стать приоритетными для развития дальневосточной экономики. Это всё, что связано с Мировым океаном; освоение космоса; культурное взаимодействие. Нужно формировать платформы для взаимодействия между государствами там, где можно избежать конфронтации. Ориентироваться не на конкуренцию — на сотрудничество».

Океан сегодня познан меньше, чем космос. А ведь в нём водятся не только лосось и подлodka; это нефть, транспорт, связи с АТР... Дальневосточные учёные ищут в морских ежах средство от рака и старения.

Север — перспектива на столетия, особенно с учётом потепления

(вот буквально на днях гидрографы Северного флота открыли пять островов, выползших из-под съёжившегося ледника у Земли Франца-Иосифа). Освоение шельфа, Севморпуть... Не случайно говорят о будущей битве за Арктику, а Трамп приценивается к Гренландии.

Заявив о восточном повороте, Россия ещё не поняла, что ей делать на Дальнем Востоке. Страна наша — центристремительная, консервативная, ориентированная по большей части на Европу. На то есть объективные причины: большая часть населения сосредоточена в Европейской части страны, восточнее Красноярска нет ни одного города-миллионника; мы растём на русской, европейской, американской литературе и музыке... Обе головы нашего орла, как правило, смотрят на запад. В этой инертности — и спасение наше, и беда.

Следует, не умаляя значимости европейской компоненты, усилить восточную опору страны. России предстоит по-настоящему осознать себя в качестве тихоокеанской державы. Сам Пётр сегодня рубил бы новое окно — в Азию. Да ведь он и успел перед смертью снарядить Камчатскую экспедицию Беринга.

Нужно менять сознание — чтобы оно определяло бытие. Необходимо новое открытие, новое освоение Дальнего Востока, чтобы поэзия сопрягалась с рациональностью, а Запад — с Востоком, не нейтрализуя, а дополняя друг друга. Возможно, в этом и состоит наша сегодняшняя дальневосточная мечта.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Русская арктическая мечта

Хотите хоть немного прикоснуться к русской Полярной мечте? Для меня она — в судьбе бывшего революционера Владимира Русанова. Того самого,

что после ссылки стал выдающимся исследователем Севера, ярким энтузиастом открытия Северного морского пути. Уже будучи знаменитым, Русанов с невестой-француженкой

и небольшой командой в 1912-м ушёл к Северной Земле на лёгкой зверобойной шхуне «Геркулес» с двигателем в 24 силы. Имея запал продовольствия на полтора года, он, безумец, попро-

бовал пройти на своей скорлупке заветным Северным путём, чего не делал ещё никто до него. Да так и сгинул со всем экипажем. Лишь в 1934-м остатки смелой экспедиции нашли на островке у полуострова Таймыр...

Из ниспровергателей самодержавия — да в полярные исследователи... Это нечто из разряда превращения Савла в Павла...

На собачьих упряжках и самолётах, на шхунах и на ледоколах, на поморских ладьях и на атомоходах, но мы всё время почему-то рвались в Арктику. И множество русских жизней легло на её алтарь.

Зачем?

ПОВЕРХ РАЦИОНАЛЬНОГО...

Рациональному размышлению русское стремление в Арктику вроде как и непонятно вовсе. Зачем рвались в дальние плаванья и на поиски неведомых земель с XV века сперва португальцы с испанцами, а потом и голландцы, англичане, французы? Да, первоначально иберийцы-католики продолжали Крестовые походы и начали поиски сказочного христианского царства пресвитера Иоанна. Но и о практической стороне дела не забывали. Плаванья в Индию вокруг Африки, открытие обеих Америк, колонизация островов в Юго-Восточной Азии давали европейцам наиприбыльнейшие статьи торговли: пряности, рабов, золото и серебро, драгоценные камни и дерево ценнейших пород. Новые колонии обеспечивали плодородные земли с благодатным климатом. Царства Иоанна не отыскивали, но зато приобрели невиданные дотоле богатства, изобильные во всех смыслах колонии, отличные объекты для грабежа и обширнейшие рынки сбыта.

Ничего подобного Арктика русским дать изначально не могла. Моржовый зуб и пушнина и в сравнение не шли по доходности с рудниками в Перу или с плантациями на Яве. Да, конечно, здесь со времён СССР мы добываем газ Ямала, нефть, никель, платину и палладий Таймыра. Мы брали (и ещё можем брать) золото

и олово на Чукотке, можем добывать «редкие земли» якутского Томтора. Но всё это требует огромных затрат и подчас нечеловеческих усилий. Меха и промысел морского зверя — это уже в прошлом...

— Погодите! — воскликнет придирчивый читатель. — А как же все эти минеральные богатства Севера, как же великий роман Куваева об арктических геологах — «Территория»? Золото, олово, никель — вот наше холодное Эльдorado...

Прав ты, читатель, но лишь для XX века и великой сталинской индустриализации. Ведь всё, что добывалось тогда в полярном поясе, шло отнюдь не за границу, а снабжало ценным сырьём в первую голову именно русскую промышленность. Даже если то было золото той же Колымы, то шло оно или в запасы Госбанка СССР, либо на закупку оборудования и технологий для своей индустрии. Именно великая индустриализация СССР сделала Русскую Арктику источником промышленного сырья. До того она была краем зверобоев, страной мехов, моржового клыка и немого — мамонтовых бивней.

Лишь при Брежнев, в 70-е, за рубеж широко пошли природный газ Ямала и нефть Самотлора. Прежде всего, именно нужда в сырье для могучего отечественного производства побудила нас осваивать Север, подчас — с невероятными жертвами. Но когда огромную советскую промышленность разрушили, прежняя логика исчезла — её сменила добыча сырья. Ради продажи на валюту и закупки на сии доллары импорта. Чтобы самим почти ничего не производить. Однако это не отменяет одного грустного обстоятельства: добыча полезных ископаемых тут и дорога, и крайне разрушительна для природы.

«Даже нефти и газа?» — спросит нас читатель.

Да, именно так! Добывать нефть и газ на арктическом шельфе — а тем более в мористых местах — невероятно дорого и тяжело. Доставка каждой тонны груза сюда обходится

«в копейку». Буровые платформы приходится беречь от натиска льдов, мощь коего невероятна. Это вам не Мексиканский залив и не Борнео, не Каспий и не Персидский залив, не шельф Бразилии, в самом деле! В отличие от морских промыслов в тёплых морях, здесь танкерам нужна и ледовая защита корпуса, и ледоколы-проводники. Природные условия крайне суровы, люди тяжело переносят полярные ночи и марсианскую стужу. Здесь нет буйства зелени и райских птиц, здесь нельзя полакомиться молоком кокосовых орехов, сидя на веранде лёгкого бунгало. К тому же природа Севера крайне уязвима и хрупка, последствия аварий на промыслах и разливах нефти — тут просто бедствие. Природа не сможет долгими десятилетиями залечить нанесённые ей раны. Последствия аварий на морских промыслах — глубоководных платформах — окажутся крайне тяжёлыми. Катастрофы больших танкеров с попаданием в воды десятков тысяч тонн нефти просто невообразимы по последствиям для морской флоры и фауны, для арктических побережий. Страшно представить себе, что ждёт Арктику, разразись здесь катастрофа, подобная той, что была в Мексиканском заливе на платформе «Глубоководный горизонт» в 2010-м. Или разлив нефти из супертанкера.

В отличие от мест, где природа сравнительно быстро восстанавливается и очищается, здесь, в юдоли очень медленных процессов, загрязнения сохраняются намного дольше, а то и навсегда. Крайне ранним поверхностный слой тундры: след гусениц вездехода может сохраниться в виде заболоченной колеи на века. Вечными становятся свалки мусора. Недаром в проекте перспективных северных городов и поселков в СССР в начале 1960-х предусматривалось передвижение людей и транспорта по эстакадам: чтобы не уничтожать тундровых покровов.

Так что пока рассматривать Арктику как «второй Кувейт» нельзя. Да и мировой рынок может дать

нефти и газа с суши и больше, и дешевле в освоении. Сам современный мир меняется, требуя всё меньше сырья на единицу продукции. Поэтому проекты добычи здесь можно запускать крайне ограниченно и осторожно. В таком подходе есть и вполне прагматический смысл. Русские не обладают технологиями добычи нефти и газа на больших глубинах. Советский Союз, к сожалению, не успел их создать. Здесь нам все равно придётся прибегать к помощи западных или японских корпораций. А тут вступают в действие моменты геополитические. Поэтому месторождения в Арктике таились в недрах сотни миллионов лет — и ещё подождут, никуда не денутся. Мы всегда сможем регулировать доступ других стран к полярной сокровищнице. А там, глядишь, эра углеводородной энергетики завершится, и человечество обретёт иные источники энергии.

Нет, превращение Русской Арктики в сырьевой пояс никак не может быть великой нашей Полярной мечтой.

ИЩЕМ НОВЫЕ ЗЕМЛИ? ИЛИ СКАЗОЧНУЮ ГИПЕРБОРЕЮ?

Может быть, смысл студёной мечты — это открытие новых, неизведанных земель? Неких островов Блаженных? Северного Беловодья, чистого и целомудренного, без тропических лихорадок и кишмя кишящих насекомых?

К сожалению, в Северном Ледовитом океане нет ни огромного острова у полюса, окружённого свободным ото льдов морем, как мечтал об этом Жюль Верн в своих «Путешествиях и приключениях капитана Гаттераса» в 1866-м, ни тёплой Земли Санникова, обогреваемой вулканами и гейзерами, о чём грезил академик Обручев в своём знаменитом романе (1926-й). Оказалась неверной и теория полюй Земли, вход в громадный внутренний мир которой должен быть где-то в Арктике. Так что на открытие чего-то, подобного Новому Свету, мы рассчитывать никак не можем.

Может, нас тянет в Великую Арктику наша глубинная, генетическая память о Великой Гиперборее, об утраченном приполярном рае? Она глубоко входит в наш русский архетип, отражая в памяти что-то из самой что ни на есть седой древности. Однако в этих широтах нет известных нам остатков древних городов. И вряд ли мы их найдём: слишком тут суровыми были условия, чтобы их строить. Какие же города без окружающих нив и полей? Без торговых путей? А вот со всем этим на Севере плохо. Почти одиннадцать тысяч лет назад закончилось последнее великое оледенение. Да, наши предки вышли с холодных гиперборейских равнин. Они когда-то жили у края великого ледника, и мы знаем это из раскопок в Сунгири, где найдено поселение 25-тысячелетней давности. Наверное, мы ещё отыщем в приполярных землях остатки их святилищ и стойбищ. Память о холодной прародине живёт в нашем коллективном подсознательном — и влечёт нас в те суровые края. Туда, где наши предки охотились на мамонтов и шерстистых носорогов. Но... там всё равно нет руин, подобных древнеримским или египетским. Как ни верти, а высокие цивилизации развивались в благодатном, тёплом климатическом поясе, в речных долинах, на мягких перинах из речного ила. Здесь мы не найдём ни скрижалей с тайными знаниями, ни фресок, ни картин, как в каких-нибудь Помпеях. Только немые дольмены-мegalиты и каменные лабиринты...

Нет, Арктика нужна русским не для реалий нынешнего мира. Она нужна для грядущего Завтра. Для преображения самих русских. Уж не знаю, какая тень будущего касалась Сталина, когда он начал полярную эпопею в 1930-х. Что-то он явно предчувствовал. И дело было отнюдь не только в сокровищах недр Арктики и не в одном лишь Северном морском пути, рождению коего мы обязаны именно Красному императору. Здесь было что-то ещё, таинственное и сокровенное...

В ПОИСКАХ ГРЯДУЩЕЙ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Мы должны отыскать ответ на вопрос: что так тянет нас к этим скалам и льдам, к лишайникам и мхам? К завораживающим огням полярных сияний?

Возьмём быка за рога. Арктика есть часть нашего национального Я, русской идентичности. Так же как и Куликовская битва, как 1945 год или полёт Гагарина. Убери из нашей народной памяти плавание поморов на Грумант, Великую Северную экспедицию и Беринга, Седова и Русанова, челюскинцев, Папанина, Чкалова, Водопьянова и всю когорту русских и советских полярников — и не будет самой русскости. Недаром ещё недавно миллионы советских русских манила северная романтика. Вспомним, скольким Арктика стала путёвкой в жизнь, закалив их характер! Мы можем по праву гордиться тем, что смогли укрепиться в Арктике и жить здесь веками.

Представьте, что вы готовитесь к высадке на иную планету. Придётся создавать один сложный штаб, один междисциплинарный «на все руки мастер». Надо рассчитать перелёт, сконструировать базовый лагерь, учесть особенности местного грунта, атмосферы, климата, рельефа. Решить тысячи практических вопросов из всех сфер науки и техники, ремесла, логистики. Придумать, как жить и работать в совершенно особой реальности. И это касается массы вещей: от огромных машин и механизмов — до рабочей одежды, обуви или обеденного меню. И ведь у нас, русов, это получается! По сути, **Арктика — словно иная Планета льда**. Суровый мир, где есть и практически космический холод, и бури. Здесь человек не может жить без «скафандра»: теплой одежды, причём особой. В этом мире воды океана встречаются с эстуариями великих рек, воздушные течения — с космическими, с «солнечным ветром». Здесь движутся колоссальные ледяные поля и «текут» ледники. Здесь человеку приходится

летать на особых самолётах и ездить на вездеходах, использовать корабли с ядерными установками, здесь надо жить то во мраке полярной ночи, то при незаходящем солнце. Как это похоже на фантастические романы о покорении иных миров, где герои передвигаются среди скал и кратеров на краулерах, перелетают на огромные расстояния на каких-нибудь флайерах!

Здесь, в полярных областях, даже привычные компасы не работают, здесь применяется особая система координат. Но и здесь мы смогли наладить свою, русскую жизнь.

Остаться величайшей арктической державой мира, обустроив и защитив свою Гиперборею, — вот наша Мечта. При любом повороте грядущего: растает ли полярная шапка Севера из-за климатических изменений, или пребудет и дальше. Священная чистота Арктики — наша забота. Наша национальная миссия.

Мы ещё не знаем доподлинно, каким будет климат Арктики в будущем. Станут ли великие сибирские реки, увеличивая сток, растапливать огромные полыньи во льдах Северного ледовитого океана (СЛО)? Останется ли океан Ледовитым, или же из-за глобального потепления превратится в подобие холодного, бурного, но незамерзающего Северного моря, куда доходят лишь раздробленные остатки ледяных полей Арктики? Станет ли в результате всего этого СЛО новой ареной соперничества великих держав, где пролягут оживлённые морские торговые маршруты и примутся маневрировать авианосные эскадры? Станут ли углеводородные богатства Севера более доступными? Прогреет ли Солнце Арктику, альбедо которой снизится после исчезновения ледового покрова СЛО, — и приведет ли это к драматическому повышению температуры на всей планете?

Так или иначе, но наша Мечта — воздвигнуть здесь свою Северную цивилизацию. Всему миру показав, как надо жить в гармонии с природой, но и со всеми благами высоких техно-

Арктика есть часть нашего национального Я, русской идентичности. Так же, как и Куликовская битва, как 1945 год или полёт Гагарина. Убери из нашей народной памяти плавание поморов на Грумант, Великую Северную экспедицию и Беринга, Седова и Русанова, челюскинцев, Папанина, Чкалова, Водопьянова и всю когорту русских и советских полярников — и не будет самой русскости.

логий. При этом и самим поднявшись на новую ступень эволюции. Став Расой Будущего. Племенем сильных. Умных. Добрых.

ГРОЗНЫЙ СЕВЕРНЫЙ ВЫЗОВ

Как бы ни повернулась судьба, полярное побережье, сей причудливо изрезанный фасад Империи, по-прежнему будет простирается на двадцать две тысячи километров. От мрачноватых Кольских скал до Берингова пролива. По побережьям северных островов. Прежде всего, мы должны пресечь все посягательства на нашу Гиперборею, пресечь все попытки что-то здесь добывать без нашего ведома и ходить по нашим водам Северного Ледовитого океана.

Если бассейн самого северного из земных океанов станет свободным ото льдов, русские должны укрепить Северный флот и распространить его оперативные зоны далеко на восток. Усиливая СФ маневром сил с Тихоокеанского флота. По сути дела, мы придём к созданию объединённых океанских сил Севера и Востока. Усиленного флотом воздушным и экранопланом. Со своими частями воздушно-морской пехоты и спецназа.

Если же Северный Ледовитый океан останется ледовитым, или же огромная «полынья» откроется лишь в его центральной части (словно выбритая тонзура на голове монаха-францисканца), то задача, в общем, останется той же. С возросшей ролью подводных лодок, авиации и экранопланов, с мощным атомным ледокольным флотом. Тут и временные авиабазы на больших дрейфующих льдинах могут в ход пойти. Ничего в нашем секторе Арктики не должно проис-

ходить без нашего разрешения! Пусть даже для этого и придется отказаться от нормы ООН по поводу двухсотмильной зоны и вернуться к тем границам, что были прочерчены СССР сначала в 1926-м, а затем и в 1979 годах. Пускай норвежцы, американцы, канадцы и датчане нарезают свои сектора Арктики, как и мы, — мы не против. Но наше — оно наше, и ничьё другое. Мы осваивали эти просторы, а не кто-нибудь иной.

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ...

Но то — лишь первая часть Арктической мечты. Вторая заключается в реконструкции и перезапуске торгового пути всепланетного значения — Северного Морского пути.

Того самого, что намного короче пути сквозь Суэцкий канал и Средиземное море. Давно подсчитано, что доставка грузов из Роттердама в порты Азии (Япония, Республика Корея, Китай) через Суэцкий канал — это в среднем 10 600 морских миль и 33 дня, а через СМП — 7610 миль и 23 дня. Если СЛО станет аналогом Северного моря, то Севморпуть станет ещё быстрее и работать сможет не пять-шесть месяцев в году, а круглый год, то скорость движения грузов по нему вырастет. Как и глобальное значение этой трассы.

Поэтому Арктическая мечта — это великая реконструкция СМП. Здесь нужно создавать единую информационно-управляющую систему Севморпути, ставить мультимодальные транспортно-логистические комплексы и оборудовать современные порты вдоль трассы, создавать безупречно работающие навигационную и спасательную службы, наращивать флот

атомных ледоколов. Затраты? Никакой фантастики. Вполне сравнимо с соединёнными затратами на Сочинскую олимпиаду и ЧМ-2018 по футболу — при гораздо большей пользе.

Но этой цели невозможно добиться, не построив своего сильного торгового флота, способного самостоятельно ходить по Севморпути и перевозить не только отечественные, но и чужеземные грузы. И тут задача развёртывается дальше: возрождение своего гражданского флота неотделимо от курса на новую индустриализацию всея Руси и системного протекционизма. С отказом от глобалистско-монетарной чуши. Ибо если отказываешься от одного — то разрушается вся цепь. При нынешнем курсе Арктику русские попросту не удержат. Нас выживут отсюда научно-индустриальные, развитые державы. Такая угроза уже отчётливо видна — достаточно вспомнить о технологической зависимости Российской Федерации от басурман, теперь уже и в делах северных.

ОСУЩЕСТВЛЯЯ НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТОЕ

Мы должны воплотить на заполярных пространствах то, чего не решился сделать Советский Союз. Сделать — и разом обогнать всех. Что ещё не решились сделать в Союзе? Много лет на страницах научно-популярных журналов шла дискуссия о том, что стране для освоения Севера нужны дирижабли нового типа, по сути — гибриды самолётов и управляемых аэростатов. Наши подборки статей относятся и к 1970-м, и в 1980-м. Учёные, конструкторы, инженеры — все они на все лады описали достоинства этого транспорта. Годного и для сибирских просторов, и для любых других районов Земли. Дешевизна, экономичность, наличие своих природных запасов гелия в Восточной Сибири...

Но... советская бюрократия сочла, что дирижабли не нужны.

Но в мире русской Арктической мечты над мрачноватыми скалами полярных островов плывут красные

гиганты. Несущие грузы. Глядите — «Орёл» понёс на подвеске целую передвижную электростанцию...

История последних тридцати лет жизни Советского Союза полна великолепных проектов, так и не дошедших до стадии серийного производства. Замятых и задавленных именно бюрократией и негибкой директивной экономикой. Листаем старые журналы. Вот вездеход-цилиндродол, у коего вместо гусениц — устройство с катящимися цилиндрами. С катками на гусеницах и с лыжами под днищем. Создание Александра Авенариуса. Цилиндродол не ранит тундру. Удельное давление на грунт у него в два-три раза меньше. Испытания опытного образца в 1965 году показали, что тяга в глубоком снегу у такой машины больше, чем у гусеничной. После чего опытный ГАЗ-47 АМА... разобрали. В 1976 году изобретатель с помощью Сибирского отделения АН СССР построил вездеход ГТ-ТК (переделанный из широко известного ГТ-Т). Его испытания в глухих болотах у Самотлора тоже показали полное превосходство над обычными гусеничными вездеходами. Они нигде не застревали, в отличие от гусеничных собратьев! Но промышленность СССР упорно отказывалась производить такую технику. А сегодня о ней просто забыли. Ну как и не было машины Авенариуса вовсе...

Но ведь всё можно исправить сегодня. Создав инновационный транспорт для мира Арктической мечты. Невиданные русские вездеходы «Авенариус» могли бы потом и другие материи покорять.

Таких проектов, что возвращают нам уверенность в самих себе, достаточно. Именно для Арктики их и надо осуществлять. В единой системе.

Безусловно, экосистемы севера отреагируют на климатические изменения, в частности, это проявится в растительном покрове. Наибольшую же проблему может представить деградация вечномёрзлых пород. Успокаивает одно: изменения стремительными не выйдут.

Мы сможем приспособиться. Возможно, именно здесь понадобятся

цилиндродолы Авенариуса, массовая авиатизация и бесфундаментные модульные коттеджи. Или же те самые поселения с глубокими фундаментами, о коих писали советские архитекторы в 1961 году. А вместо газопроводов — дирижабли-газовозы. Вот тут нужна широкая общественная дискуссия. В ней проступят очертания нашей Арктической мечты. Грандиозной мегапрограммы, где любое направление ляжет в общую мозаику как кусочек цветной смальты. Здесь найдется место всему, всё пойдёт в дело. Технологии, созданные для базовых лагерей на Марсе и на Луне, с руками оторвут арктические заказчики. Будучи применёнными в Заполярье, они затем распространятся южнее, изменяя жизнь сначала страны, а затем и всего мира.

Для создания Северной цивилизации-мечты нужно буквально всё. Это видно по работе русского Института Арктики и Антарктики (АНИИ). Вот уж где сливаются в один поток география, геофизика, метеорология, гляциология, океанография и даже медицина! Сложнейший междисциплинарный «организм», где сплавляются воедино сложнейшие научные междисциплинарные исследования и сугубо прикладные работы, практика. Где высокий лоб учёного совмещён с выдубленной ветрами, холодом и полярным солнцем кожей полярника. Это — созданный ещё в самый героический период истории СССР прообраз научных учреждений грядущего, тот самый «мозг», где происходит синтез самых разных наук. Причём с синергетическим эффектом, когда на выходе получается новое качество. И тут же идёт применение полученных знаний в самых что ни на есть практических делах: в судоходстве, добыче полезных ископаемых, в военном деле, в обеспечении нормальной работы всяческих машин, механизмов, систем и сооружений в условиях «иной планеты». Здесь рождаются подлинно научные сервисы. В АНИИ есть даже своя дипломатия: ибо полярные области Земли опутаны головоломной

системой международных договоров и соглашений, здесь — хрупкая экосистема. Здесь занимаются и образовательными программами.

Мы не зря сравниваем полярные области с иной планетой. Крайний Север, как и Крайний Юг, тяжелы для жизни людей, родившихся в умеренных и южных широтах. Здесь намного меньше солнца. Здесь меньше кислорода в воздухе, отчего сердце бьётся гулками толчками. Об этом вам могут рассказать газавики Ямала, хотя этот полуостров сравнительно далёк от полюса. В полярных областях не только электроника, но и чуткий человеческий организм отвечает на магнитные бури, на «дыхание» космоса. Здесь не работают обычные «биологические часы»: ибо по полгода тут стоят полярные дни и полярные ночи. На этой «другой планете» есть факторы холода и сильных ветров, есть скудная растительность и особый режим питания. И если в тропиках есть и лихорадка, и малярия, то в Арктике можно заболеть трихенеллёзом от плохо обработанного мяса белого медведя. (До сих пор многие считают, что именно трихенеллёз стал причиной гибели экспедиции инженера Андрэ в 1897 г.) Мы уже не говорим о простудных заболеваниях, авитаминозе или туберкулезе.

Поэтому в ААНИИ ведутся и медико-биологические исследования. Ведь на Севере, например, работают и живут люди, пришедшие совсем из иных климатогеографических зон: и южане с берегов Черного моря, и обитатели Сибири, и жители средней полосы. Нужно, к примеру, обеспечить специализированной медицинской помощью. Особенно тех, кто обитает в труднодоступных населенных пунктах Крайнего Севера. Необходима отработка эффективных и экономичных методов диспансеризации детей на территориях с низкой плотностью населения.

Поэтому в ААНИИ оценивают влияние климатогеографических и гелиогеофизических факторов на состояние здоровья людей. Изучают заболеваемость и патологическую

поражённость коренного и пришлого детского населения районов Крайнего Севера, как и приравненных к нему регионов. Исследуют влияние экологических факторов на состояние здоровья. Здесь же — оценка влияния качества питания на физическое развитие коренного и пришлого детского населения. А ещё есть микробиологические и санитарно-экологические исследования в районах работы Российской антарктической экспедиции (РАЭ) и в населённых пунктах Арктики...

СЕВЕРНЫЙ «МОЗГОВОЙ ШТУРМ» НАШИХ ПРАДЕДОВ

При Сталине не стеснялись проводить самое широкое обсуждение проектов освоения полярных областей. И не где-нибудь, а в центральных газетах СССР.

До 1937 года люди бывали на Северном полюсе эпизодически. То доходили до него на собачьих упряжках, то пролетали над ним на воздушных кораблях. Русские же задумали создать дрейфующую научную станцию. Первым предложил такую инновацию — ещё в 1929-м — выдающийся русско-советский полярник Владимир Визе. Делая доклад на заседании Арктической комиссии Совнаркома (правительства) СССР, он обосновал необходимость организации научных станций на дрейфующих льдах Центральной Арктики с помощью самолётов. Он предлагал высадить на лед такую станцию в 1932 г., во время проведения Второго международного полярного года.

Идея Визе оказалась подхваченной Сталиным. Действительно, тогда Арктический бассейн громадной площадью около шести миллионов квадратных километров оставался практически неизученным «белым пятном». Его называли «кухней погоды». Метео- и геофизические наблюдения здесь давали возможность прогнозировать погоду в стране, держа, таким образом, нити управления народным хозяйством, мореплаванием, радиосвязью и аэро-

навигацией. Горячим сторонником проекта стал академик Отто Юльевич Шмидт. В стране развернулась широкая общественная дискуссия: как организовать полярную станцию? Да-да, в тоталитарном СССР по сему поводу шла самая оживлённая дискуссия в газетах. Не всё решалось келейно, чиновничьим хотением, в закрытых кабинетах. Вот что пишет по этому поводу А. Шумилов («Жизнь на льдине», журнал «Знание-сила», № 8, 1997 г.)

«...Необходимость изучения приполюсного района диктовалась и научными, и практическими потребностями. Не имея сведений о погоде Центральной Арктики, невозможно было дать точный метеорологический прогноз или предсказать ледовые условия на трассе Северного морского пути. О дрейфующей станции в Центральной Арктике мечтали многие учёные, но Шмидт, как было свойственно ему, хотел воплотить мечту в практические дела. Однако нужно было решить самый главный вопрос — как доставить на полюс людей и тысячи килограммов грузов?

По этому поводу провели даже анкету среди советских и зарубежных специалистов, в газетах развернулась оживлённая дискуссия. Предлагался, например, такой вариант — пробиться на ледоколе как можно дальше на север, а потом отправить к полюсу десяток собачьих упряжек. Самолёты, базируясь на ледоколе, будут сбрасывать отряду продовольствие, а впоследствии смогут совершить посадку на подготовленный в районе полюса аэродром и завезут всё необходимое для зимовки.

Предлагали использовать парашютистов для подготовки аэродрома, предлагался также чисто десантный вариант — сбросить на парашютах и оборудование, и зимовщиков...»

Сын прославленного Чапаева, Аркадий Чапаев, выдвинул и вовсе инновационный проект: высадиться на полюс не на самолётах, а на новых летательных аппаратах: автожирах или гиропланах. Это — не самолёты и не вертолёты, а аппараты с тянущим

или толкающим воздушным винтом, крылья коим заменяет свободновращающийся большой горизонтальный винт. Изобретённый Хуаном Сиервой в 1922 г., автожир — ныне незаслуженно забытый — способен садиться почти вертикально и взлетать с коротким разбегом. При этом он намного экономичнее вертолёта. В СССР в 30-х строили опытные гиропланы.

А. Чапаев считал, что автожиры больших размеров — идеальные аппараты для высадки на полюс, больших взлётно-посадочных полос им не надо: сядут и на «пяточке». Однако его предложения не приняли. Большинство всё-таки высказывались за дирижабль. Самолётный вариант обсуждался очень осторожно — вот если бы подготовить вначале аэродром! Продолжим читать Шумилова: «...Авторитет Руала Амундсена был чрезвычайно высок, все помнили его категорическое предупреждение: «Не летайте вглубь этих ледяных просторов. Вы не найдете там ни одного годного для посадки места — ни единого!»

После многих обсуждений Шмидт поручил разработать проект полюсной экспедиции участнику челюскинской эпопеи, Герою Советского Союза Михаилу Васильевичу Водопьянову. Однако результат оказался совершенно неожиданным — вместо докладной записки родилась фантастическая повесть «Мечта пилота». Лётчик Водопьянов избрал, конечно, самолётный вариант. Читая дневники Нансена и Пири, он пришёл к твёрдому выводу — в приполюсном районе место для посадки разыскать можно! В декабре 1935 года Михаил Васильевич положил рукопись на стол Шмидта, а в 1936 году она уже была опубликована издательством «Молодая гвардия».

Многое в этой книге кажется сейчас наивным. Однако некоторые «фантастические» идеи были в действительности смелым предвидением. Только десятки лет спустя мировая авиация освоит эту «фантастику»: тормозной парашют, заправку самолёта горючим в воздухе, использование

тяжёлой машины как матки-носителя для самолёта-разведчика... Но уже тогда все эти системы разрабатывались и испытывались в знаменитом Особом конструкторском бюро, которым руководил Павел Игнатьевич Гроховский...»

Дополним автора: в то же самое время другой пилот, легенда челюскинской эпопеи и Герой Советского Союза Маврикий Слепнёв напечатал в «Известиях» фантастический (опять фантастика!) рассказ «Десант на полюсе», где обосновал именно парашютно-десантный способ покорения Полярного бассейна. Дискуссия между сторонниками посадки самолётов на льдины и «парашютиками» была очень оживлённой. На сторону «десантников» стали известнейший парашютист Яков Мошковский, его поддержал полярный пилот А. Д. Алексеев. В итоге чаша весов склонилась в пользу «посадочников» во главе с Водопьяновым.

Как видите, инновационный задор в Стране Советов тогда достигал самого высокого накала. Это вам не серое, безжизненное «канцелярское творчество» тех, кто прежде всего хочет освоить деньги и немного «попилить бабла». Вы видели, чтобы в современной РФ вот так, даже иногда переходя на язык научной фантастики и образов, обсуждали бы пути развития страны? Искали бы решения самых окаянных наших проблем? Нет, ибо постсоветские начальники оказались гораздо хуже своих предшественников. Еще более косными и ограниченными...

Ну а тогда... В феврале 1936 года в Кремле состоялось совещание, посвящённое будущей экспедиции «Северный полюс-1». Доклад делал начальник Главсевморпути академик Отто Шмидт. Правительство одобрило план экспедиции — и началась подготовка к беспримерной высадке. К тому, что не совершал дотоле никто в мире...

Мне бы очень хотелось, чтобы такой всенародный «мозговой штурм» шёл сегодня и по Арктике.

И по Сибири с Дальним Востоком. И по дальнейшему пути развития всей страны, что для меня лично пролегает от камчатских вулканов и Колымы — до самого Днестра.

Нужен порядок в национальной голове. Если страна получит подлинный Новый курс, если мы вспомним Менделеева и Александра III, если страна получит внятную протекционистскую политику — в РФ потекут огромные деньги, ранее из нее бежавшие. Потому что покровительственный таможенный тариф сделает выгодным не везти в страну готовые товары, а производить их на месте. И даже иностранцы примутся ставить у нас не сборочные имитации, а настоящие производства. Особенно если всё это дополнить тем, о чём молчат неолибералы. Например, полным контролем цен естественных монополий, плановым сектором и налоговым манёвром. Да-да, тем самым, когда на личные доходы вводится прогрессивный налог, но зато предприятия обретают налоговые льготы. Так, чтобы богатые, уходя от прогрессивного налога, вкладывали свои доходы в предприятия — и только в них. А всё это дополнялось бы длинными и дешевыми кредитами — чтобы и производитель мог быстро переоснащать заводы, и чтобы покупатель мог покупать...

Вот тогда пойдёт полным ходом развитие страны, и производство поднимется — и потянет за собою науку с образованием. Хлынувшие в страну триллионы завертят «турбину» экономического роста — и роста народного благосостояния. Вот тут и станет вопрос об Арктической мечте и полярном мегапроекте. На твёрдой почве новой индустриализации мечты и восходят лучше всего.

Великая Северная цивилизация русских, овладевшая новыми знаниями, достигшая могущества и бессмертия, обустроившая и сохранившая и Заполярье, и всю свою землю, — вот наша Арктическая мечта. Ради которой жить и бороться хочется. Где мы не плывём по течению в сырьевой лодчонке, но овладеваем своею судьбой...

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫМА В РОССИЮ – БЫЛО ВРЕМЯ ЧУДЕСНОЕ, ВОЛШЕБНОЕ, БЫЛО ТРИУМФОМ РУССКОЙ МЕЧТЫ, КОГДА НАРОД ВИДЕЛ СВОЮ РОДИНУ СНОВА ЕДИНОЙ И НЕРАЗДЕЛЬНОЙ, НАРОД – НЕРАСЧЛЕНЁННЫМ, ЦЕЛОСТНЫМ. ОДНАКО СОЛНЦЕ КРЫМА СТАЛО МЕРКНУТЬ, РУССКАЯ МЕЧТА ВНОВЬ ПОГРУЖАЛАСЬ В СУМЕРКИ. ИЗБИЕНИЕ РУССКИХ НА ДОНБАССЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОБСТРЕЛЫ, ПРИ КОТОРЫХ ПОГИБАЛИ СТАРУХИ И ДЕТИ, ЗАСТАВЛЯЛИ РЫДАТЬ ВСЮ РОССИЮ. СМЕРТНАЯ МУКА ДОНБАССА БЫЛА НЕВЫНОСИМА ДЛЯ РУССКИХ ЛЮДЕЙ, И ОНИ СНОВА ПЕРЕСТАЛИ МЕЧТАТЬ, ОТВЕЛИ ГЛАЗА ОТ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ, УСТРЕМИЛИ ИХ В ГОРЬКУЮ ЗЕМЛЮ, ПОСЫПАННУЮ ГОРЯЧИМ ПЕПЛОМ ДОНБАССА.

/ Павел ГУБАРЕВ /

Новороссия – русская судьба

В 2014 году слово «Новороссия» не сходило с первых полос газет и с экранов телевидения. Слово это, восходящее ещё к царской России, тогда заново ворвалось в текущую реальность. словно сквозь некий туннель, какой-то фантастический портал из прошлого, восстали и вернулись славные герои тех лет, осваивавшие плодородные и приветливые причерноморские степи. Тогда, два столетия назад, в степях этих, до прихода русских считавшихся диким полем, выросли новые города, новая Россия, чудесный край.

Два столетия прошли – и снова зазвучало имя, которое весь XX век стирали из национальной памяти.

А вместе с ним уже в наш, XXI век, влетели души Суворова и Ушакова, Румянцева и Потёмкина, Екатерины Великой и Павла I, сотен тысяч людей, своими могучими руками превративших дикое поле в цветущий край, основавших великолепные города.

Сегодня в имени «Новороссия» – горящие руины тех городов. Мёртвые подбитые танки с поникшими стволами орудий и свёрнутыми набок башнями. Отчаянные православные бородачи в камуфляже и суровые патриоты СССР с загорелыми на солнце лицами. Истерзанная металлом земля Саур-могилы, иссечённый осколками и пулями, развороченный снарядами бетон мемориала Великой Отечественной. Трагедии,

окровавленные бинты, султаны разрывов над кварталами Донецка.

Но Новороссия не всегда была такой. Ещё совсем недавно она была процветающей плодородной землёй, славной колосающимися нивами и цветущими садами, гордыми промышленными гигантами и оживлёнными гаванями. Здесь шумела и бурно развивалась многоцветная, полнокровная жизнь. В университетах и на судостроительных верфях. В мастерских художников и в фабричных цехах. Густонаселённая, щедро напитанная солнцем, омытая синими водами Чёрного и Азовского морей, пронизанная полноводными реками, Новороссия давала великой стране всё. Уголь и металл. Горы хле-

ба, сочных овощей и фруктов. Корабли, двигатели и самолёты. Станки и электронику. Сотни видов самых разнообразных машин.

Эта статья — о нашей борьбе за Новороссию. О восстании настоящего Русского духа. О творении русской истории.

ВОЛЯ, ТРУД И СЛАВА

Новороссия была отбита русскими у Османской империи и у её татарских вассалов. Начиная с первых Азовских походов Петра Великого 1695 и 1696 годов Россия вгрызалась в северный бок Османской Турции. Мы отбили эти территории у свирепых османов, создав у Чёрного моря, на побережьях лиманов и вдоль течений больших рек край обильный и процветающий. Край, через который текут Дунай, Днестр и Южный Буг, Днепр, Северский Донец, Дон и Кубань. Край, населённый упорными, трудолюбивыми, предприимчивыми, зажиточными людьми с южнорусским говором. Новороссия, тянущаяся широкой полосой от Бендер и Тирасполя на Днестре, вдоль Чёрного и Азовского морей до самого Донбасса и Ставрополя, — это воистину жемчужина русской цивилизации.

Сюда, на её освоение, двигались несколько волн заселения. Купцы и предприниматели основывали тут новые предприятия. Крестьяне засевали плодородные земли. Рабочие и инженеры трудились на гигантских промышленных комбинатах. Учёные — в исследовательских институтах и университетах. Творцы создавали здесь величайшие произведения искусства — чего стоит один только художник Куинджи, недавно выставившийся в Третьяковской галерее, куда по 6 часов стояли на морозе очереди. А ведь он — уроженец новороссийского Мариуполя, выходец из греков Северного Причерноморья.

Да, каждому Новороссия давала шанс реализовать себя, несмотря на его национальную принадлежность. Этот изумительный край никогда не знал никакой национальной

розни. Не мелочная вражда и варварские предрассудки, а воля, труд и слава — вот что такое наша Новороссия.

НИКОГДА ОНА НЕ БЫЛА УКРАИНОЙ

В царской России Новороссия стала историческим названием для множества южных губерний и областей. Старейший университет Новороссии, Одесский, до 1917 года назывался не Одесским, а Новороссийским. Имя Новороссии жило и живёт в названии крупнейшего порта России на Северном Кавказе — Новороссийска. В краеведческом музее Донецка висит карта города 1912 года, называется «План завода Новороссийского общества каменноугольного, железного, стального и рельсового производств (Юзовский завод)». Это и есть Донецк образца 1912 года. Никогда и никто не считал её Украиной.

В аду охватившей страну Гражданской войны 1918–1922 годов образовалась Донецко-Криворожская республика, объединявшая обширные земли Новороссии. Столицей республики стал Харьков, а позже — Луганск. Здесь же вели свою борьбу за единую и неделимую страну белые армии Вооружённых сил Юга России. В военных сводках тех лет и мемуарах участников событий — те же города, что и теперь.

И тогда, в годы революционной смуты, Новороссия тоже не была Украиной.

В 1919 году Ленин, заигрывая с украинскими сепаратистами, добился включения земель Новороссии в состав будущей Украинской ССР. Тем самым он пытался разбавить крестьянскую среду только что придуманной Украины рабочим, промышленно-городским населением. По тем же причинам в состав советской Украины передали земли нынешних Одесской, Николаевской и Херсонской областей, а в 1954 году — и Крым.

Но Украиной Новороссию никто не считал даже тогда, в советское время. Пребывание в составе Украинской ССР воспринималось всеми её

жителями как издержки административно-территориального деления Советского Союза, но ни в коем случае не как цивилизационный выбор.

В СССР Новороссия поднималась и развивалась независимо от того, что была включена в Украинскую ССР. На всю страну гремели достижения Донбасса, Днепропетровска, Кривого Рога, Одессы, Николаева. К середине 1980-х годов эта историческая область отличалась высочайшей степенью развития индустрии, науки и образования, сельского хозяйства. Эти земли выступали как парадная витрина счастливой и обильной жизни великой страны. Были здесь машиностроение, металл и уголь Донбасса, верфи Николаева, мощные порты Одессы — Ильичёвска — Южного, развитый индустриально-аграрный узел Приднестровья (Тирасполь), здравницы, виноградники и заводы Крыма. А ещё повсюду — тучные нивы и сады с деревьями, чьи ветви гнулись под тяжестью спелых плодов.

Все жили и работали совместно, делая общее дело. Новороссия оставалась такой же многоликой, какой была до революции.

Но само её имя было забыто в языке официальной власти. Считалось, что это — Южная Украина, а также Ростовская область, Северный Кавказ. Позже это забытьё очень дорого обошлось всем нам.

ИДЕИ — КАК МИНЫ, МОГУТ ГОДАМИ ЖДАТЬ СВОЕГО ЧАСА

В конце 1980-х годов, с первыми порывами агрессивного украинского сепаратизма, возникает и первое движение за воссоздание Донецко-Криворожской республики. Возникает оно в противовес антирусскому беснованию, которое постепенно начало набирать обороты на Западной Украине и в Киеве. Тогда впервые и появился чёрно-сине-красный флаг будущей Донецкой Народной Республики.

В ту волну новой русской смуты рождается первый очаг сопротивления чуме русофобии и сепаратизма:

ПМР, Приднестровская Молдавская Республика. Там люди в схватках 1990–1992 годов дали вооружённый отпор молдавско-румынскому национализму, сначала пытаясь сохранить ПМР в составе Советского Союза, а затем — как независимую республику, которая стремится стать частью Российской Федерации. Увы, Москва пока так и не решилась на её присоединение. Но именно Приднестровье стало первым оплотом Новороссии, символом русского сопротивления силам зла, раздробления и дегградации. Саму память о Новороссии пытались стереть в национальном сознании, но этого не позволила сделать маленькая героическая республика — всего-то узкая полоска земли вдоль правого берега Днестра.

Донбасс мог бы стать аналогом ПМР ещё в 1992-м. Именно летом того года в Москву приезжали первые гонцы из Донбасса, чтобы попасть на приём к президенту Ельцину и предложить ему: поддержите отделение Донбасса от Украины, бьющейся в корчах национализма и страшного экономического кризиса. Поддержите русских так, как вы поддерживаете независимость Абхазии и Южной Осетии от русофобской Грузии.

Но ельцинскому режиму на это было наплевать. Тогдашняя РФ равнодушно взирала на то, как русских убивают, грабят и насилуют в «новых независимостях» и внутри собственной страны. В 1994 году была подавлена и попытка президента Крымской автономной республики Юрия Мешкова отделиться от Украины. Так и не появились тогда ещё два очага Большой Новороссии. Победа была отложена «на потом».

Все эти долгие годы Новороссия мучительно пробивалась сквозь каменную плиту саркофага, в который её стремились уложить. В 2000-е годы в Донбассе возникли общественные движения, выступающие за осознание региона частью Русского мира. Именно их, восходящий своими кор-

нями к символике «Интердвижения Донбасса», флаг теперь — знамя ДНР. Именно их активисты ринулись на штурм областной администрации ранней весной 2014 года.

Ещё в 2009-м мы казались большинству лишь небольшой группой политических маргиналов. Но идеи, как и мины, могут годами ждать своего часа. И потом двигать народные массы к их реализации. Так и случилось в 2014 году.

ВРЕМЯ ПОКАЗАЛО НАШУ ПРАВОТУ

Сейчас нас могут спросить: «А зачем вы пошли воевать за Новороссию? Что двигало вами весной 2014-го? Почему вы восстали? Чем вас не устраивала перспектива «евроинтеграции» Украины? И зачем, вообще, возрождать Новороссию?»

Что ж, отвечу откровенно.

Причина первая: победивший на Майдане украинский нацизм, ставший, по сути, государственным проектом. Вы хорошо представляете себе обстановку сразу же после государственного переворота в Киеве 21 февраля 2014 года? Подчеркну: именно тогда, а не сейчас. Вспомните: ещё толком не рассеялся дым от пожаров и горящих покрышек, а победители уже приняли закон о фактическом отказе от использования русского языка как регионального в областях, где «дэргавна мова» не использовалась. В Киеве открыто шествовали нацисты из «Правого сектора»¹: не только с портретами Бандеры, но и с нарезным автоматическим оружием. Они были готовы вот-вот хлынуть в «неблагонадёжные», недостаточно «свидомые» регионы — наводить свои порядки. В Донбасс — совершенно точно. Потому что, с их точки зрения, здесь живут «недоукраинцы», люди третьего сорта, «азиатчина», «москалы», «титушки», «сепары», «колорады». Бесчинствующие украинские нацисты начали крушить советские памятники,

которые пусть идеологически небесспорны, но по-человечески всегда были ценны нашему старшему поколению, и ни у кого в Донбассе никогда не поднялась бы рука сносить их. А укронацисты были готовы уничтожить всё, что может ассоциироваться у людей с великой Россией: хоть Пушкина, хоть Ленина, хоть памятники русским императорам.

Неужели нам нужно было покорно ждать, когда к нам ворвутся эти озверевшие бандеровские банды? Неужели нам надо было склонить головы перед наследниками даже не гитлеровцев, а их «шестёрки», туземных пособников?

Нам предлагали отказаться от своего родного языка и учить наших детей чуждой для них «мове», на которой даже самые ярые украинские националисты до сих пор не понимают, как правильно говорить, путаются в словах и от волнения переходят на русский. Документацию атомных электростанций, находящихся на подконтрольной Украине территории, на мову вообще до сих пор запрещено переводить — нет достаточного понятийного аппарата. Просто не хватает в «дэргавна мова» (сокращение от «дэргавна мова») слов, чтобы наглядно описать технологию полувековой давности — работу АЭС.

Всё русское на Украине планомерно изводилось. Русские школы закрывались. Озвучивание кинофильмов — только на мове. Добавьте к этому каждодневные выпады в сторону России и русских по ТВ, возвеличивание пещерных украинских нацистов первой половины XX века в школьных учебниках и в трудах самостийных «историков», провозглашение первых людей на Земле — украинцами, признание национальным героем гнусного предателя Мазепы, которому в России провозгласили анафему и который в нашей культуре считается воплощением иуды, — и вы получите более или менее понятную картину ежедневного оскорбительного безумия.

¹ Запрещенная в России организация

И только то, что Донбасс поднялся, только тот факт, что даже в силах АТО в основном говорят по-русски (воевать на украинском оказалось тоже как-то затруднительно), поумерило пыл языковых украинизаторов.

Мы поднялись на борьбу, чтобы остаться русскими. Отстоять свою русскую идентичность. Как и приднестровцы, которые в 1990-м встали против насильственной румынизации, против превращения русских в «чёрную кость» в тогдашней Молдавии.

И время показало очень скоро нашу правоту. В Одессе, где движение «Куликово поле» решило не брать в руки оружия и не захватывать власть силой, а надеялось мирным путём собрать подписи за автономию Новороссии, людей просто сожгли заживо. В Запорожье митинг был жестоко подавлен с применением силы. В Харькове прорусский актив пошёл на сотрудничество с мэром Геннадием Кернесом — и всех пересяжали. Наши соратники из других регионов Большой Новороссии сделали большую ошибку: пошли на соглашательский сговор с местной элитой, которая их немедленно предала, а ребята оказались в застенках СБУ.

Сегодня миллионы людей в этих регионах вынуждены делать вид, что они не русские, и официально отречься от родного языка в пользу непонятной мовы, которая, может, очень певучая, красивая и милая, но на которой невозможно даже писать техническую документацию. Мы не готовы к этому. Мы — русские, и хотим свободно говорить на родном языке — языке великой литературы и огромной цивилизации, даже если нам в ответ начнут угрожать автоматами и кошмарить артиллерийскими обстрелами.

Мы — действительно другие

Была и ещё одна причина: Киев двадцать три года обворовывал Новороссию. Все годы выморочной «независимости», начиная с 1991 года, Киев был вынужден поддерживать

существование депрессивных, нищих, но проукраински настроенных бандеровских регионов Галичины (и тянущихся за ними регионов центра Украины) за счёт дотаций из регионов Новороссии.

Новороссия не могла развиваться, мы напоминали истощённых узников концлагеря, которых заставляли ещё и переливать часть собственной крови жадным и подлым вампирам. И всё это — ради какой-то мифической «Украины», с которой себя тут никто и не ассоциирует, и в лучшем случае просто терпели, как досадное недоразумение.

Нам надо было покидать этот «корабль дураков», чтобы просто выжить.

Мы — действительно другие. Мы, русские Донецкого угольного бассейна, не выходили на шумно-балаганские митинги «украинствующей демократии» в конце 1980-х. Мы не летели на яркие политические приманки, как легкомысленные мотыльки. Потому что от нашего труда и собранности всегда зависела жизнь огромной страны, жизнь других людей, от Камчатки до Одессы. Мы были дисциплинированной, привыкшей к организации промышленной армии. Цеха и шахты наши — это полки, заводы — дивизии, производственные объединения — армии.

По психологии мы, донецкие русские, ближе к уральским русским, потомственным заводчанам, нежели к жителям Западной Украины или к полтавским селянам.

Когда СССР разрушили, директорат и украинские олигархи воспользовались нашей привычкой к дисциплине и системе, сумев убедить наших жителей не восставать против сходящей с ума Украины, повременить с великой мечтой о воссоединении с нашей Родиной в пользу того, чтобы в тяжёлые времена не подвести людей, работать дальше. Потому Донбасс так долго пробуждался.

Но как только донецкие русские взяли за оружие, как только мы поднялись против последней Бандеры с извлечёнными из белых хранилищ Соледача дедовскими

противотанковыми ружьями и карабинами, все эти западноукраинские пассионарии предпочли охранять Майдан в Киеве, куражиться во Львове и в Тернополе, отсиживаться по прикарпатским своим хуторам, бегать от повесток из военкомата.

Сегодня мы гордо несём знамя русских Донбасса! И мы не намерены подчиняться украинским нацистам, этим детищам затхлых схронов, одержимых ненавистью ко всему, что для нас свято!

Триединый русский народ

Восставая весной 2014 года, мы надеялись, что Россия не бросит нас, как не бросила она Крым. Но — переведём дух — не только это нас водушевляло. Мы думали и о гораздо большем.

Мы, русские патриоты, считаем, что русский народ состоит из трёх ветвей: великороссов (Петровых-Ивановых), малороссов-украинцев (Петренко-Иваненко) и белорусов (Петровичей-Ивановичей). И это — не фантазии, а стандартная мировая практика: триединый чешский народ состоит из богемцев, моравян и чехов Силезии. В Швейцарии — четыре языка. Немцы и вовсе настолько разнообразны, что с ходу не сосчитаешь: пруссаки, баварцы, ганноверцы, саксонцы, жители мелких германских княжеств. Их местные говоры отличаются гораздо больше, чем русский язык от украинской мовы, кроме того, на севере Германии живут в основном протестанты, а на юге — католики. Но все они вместе — единый немецкий народ.

Так и мы не признаём сведения русских только к великороссам, не признаём того искусственного разделения нашего народа, что проходило в течение всего советского и постсоветского периодов нашей истории. Мы — юго-западная ветвь русского народа, и мы всегда это помнили.

Мы считаем нелегитимной и выдуманной ту украинскую национальную идентичность, созданную как антипод России и русскому народу, которую нам пытаются навязать.

Во-первых, она не наша. Во-вторых, это просто пустышка, существующая с единственной целью — объяснить русским Новороссии и Малороссии, что они никакие не русские и с русскими всю историю враждовали. К этому украинство сводится, и этим же оно исчерпывается. Убери из украинского национализма русофобию — и в его содержательной сути не останется вообще ничего.

ЭТО НЕ ГОСУДАРСТВО — ЭТО КАТАСТРОФА

Распад Союза и «либеральные рыночные реформы» принесли ад. Деиндустриализацию, нищету, дикую коррупцию «элит», чудовищное социальное расслоение и вымирание коренного населения. Собственность досталась малочисленной группе олигархических кланов, которые и получили власть над обездоленным большинством. Это те самые люди, которые грабили мою Новороссию, мой родной Донбасс, когда мы готовили свои школьные домашние задания при свечах, потому что электричество давали по часам. Когда ужинали всей семьёй в верхней одежде, потому что отключалось отопление. Когда ходили пешком в школу многие километры, потому что не ходил общественный транспорт.

Став «независимой», Украина превратилась в злосчастный край, территорию деградации и одичания. Были уничтожены целые отрасли промышленности, погибли огромные предприятия, всё разворовано «под ноль». Это не государство — это катастрофа. Подобных разрушений здесь не было даже в ходе Великой Отечественной войны. Уже через 10 лет после Победы, в 1955 году, объём промышленной продукции УССР был в 2,2 раза больше довоенного уровня.

А теперь дошло до того, что Украина стала поставщиком разного рода, вплоть до проститутток, гастарбайте-

ров в Россию и Европу. И чем больше проваливалась экономика Украины с 1991 года, чем беднее становились «новые европейцы», тем больше расцветала коррупция и тем шизофреничнее, яростнее становилась антирусская пропаганда. Все беды валились на Россию, на СССР, на Российскую империю. И под эту дудку, заглушающую неприличное воровство, коррупцию и разбазаривание всего, созданного за несколько столетий в рамках русской цивилизации, были сломаны миллионы судеб.

«Независимость» принесла на территорию Украины массовое помешательство, вымирание, болезни, разгул дикого нацистского мракобесия. На момент провозглашения «независимости», в 1991 году, население Украины составляло 52 миллиона человек. Сегодня — 45 миллионов. То есть за годы «свободы от империи» вымерло 7 миллионов человек! Это какой-то «незалежмор». Неслучайно слово «украинизация» стало синонимом массового геноцида. А в 2014-м — ещё и бомбёжек донбасских городов, когда погибало мирное население: старики, женщины, дети.

Таким «государством» не просто нельзя гордиться. В таком «государстве» нельзя жить.

ВСЕ ГРАНТЫ РАСПРЕДЕЛЯЛИ БАНДЕРОВЦЫ

Когда мы слышим слово «бандеровец», традиционно представляем забитого парня из карпатского хутора, прячущегося в схроне и дурно пахнущего. Этот образ пришёл к нам из советского кинематографа, а дальше история обрывалась. Об украинской диаспоре, заселившейся в послевоенные годы страны Северной и Южной Америки, Западной Европы и Магриба, мы знали лишь по фамилиям хоккеистов НХЛ. Между тем украинцы, или как их называют в западных шпионских кругах «юки», в годы холодной войны играли одну

из ключевых ролей в организации глобального ультраправого подполья, действовавшего под зонтиком спецслужб НАТО.

После распада СССР эти организации не исчезли и продолжили работу на территории Украины. Их антикоммунизм за несколько лет с лёгкостью сменился на русофобию, которая на самом деле и была смыслом их существования. В подобном положении в своё время оказалась «Аль-Каида»²: после ухода советских войск из Афганистана смысл в созданном ЦРУ монстре пропал, и американцам пришлось потратить десятилетие, чтобы поменять формат агентурных сетей, зачистить отработанный материал и лишь затем представить миру ужаснувший человечество проект «Исламского Государства»³ — с изощрёнными массовыми казнями на камеру и варварскими разрушениями древних культурных городов. Вам это ничего не напоминает?

Соучредителями Всемирной Антикоммунистической лиги — организации, координирующей транснациональное ультраправое подполье, — стали генерал Чан Кайши и ОУНовец-бандеровец Ярослав Стецько. Учреждение этой организации стало переломным моментом для нацистской миграции, на тот момент запуганной фильтрационными службами. Интеграция в масштабный проект западных спецслужб позволила им не только «отбелить» свои биографии и начать новую жизнь, но и укрепить национальные общины, где главенствующую роль стали играть представители бандеровских организаций. Таким образом, жизнь нескольких поколений украинской диаспоры, её внеклассное образование, спортивные секции, летние лагеря прошли под присмотром бандеровских кураторов.

Ежегодно Гарвардским университетом в рамках программы Центра Исследований Украины (Украинские

^{2,3} Запрещенная в России организация

Студии) проводится Летняя Школа, участниками которой оказываются студенты из США, Канады, Украины и стран бывшего СССР. Значительная часть представителей американского континента попадает туда через инфраструктуру бандеровских (диспорных) программ, а опыт и знания, полученные в Гарварде, в дальнейшем капитализируются для продвижения как в сфере политологии, социологии и других теоретических дисциплин, так и практической сфере: политике, консалтинге, пиаре, СМИ.

Украинское диссидентское движение в УССР позднесоветской эпохи не контактировало с бандеровскими кругами, а тема коллаборационизма была жёстко табуирована. Поэтому в перестройку, когда джинн украинского национализма вырвался наружу, «Народный Рух», «Украинская Республиканская партия» и другие родоначальники национализма на Украине всячески отмежёвывались от Бандеры и бандеровщины. И пока умеренные представители советских научных и творческих элит формировали новый украинский политикум, радикалы создавали субкультуру наёмников частных армий, ездили воевать против русских в Приднестровье, Закавказье и на Кавказ, создавали местного масштаба организованные преступные группировки. Позднее, вследствие появления на Украине иностранных фондов, они взяли на себя и львиную долю бюджетов под развитие институтов гражданского общества и новых СМИ.

Ползучая бандеризация полностью устраивала украинские власти, которые видели оппонентов лишь в конкурирующих олигархических группах. Де-факто олигархи и номенклатуришки заключили с украинскими нацистами негласный договор: мы спокойно решаем дела, а вам — вся гуманитарная сфера.

Бандеровские организации успешно пополнили ряды украинского офицерства. Но самое страшное, что на Украине фактически не осталось никакой другой общественно-политической мысли. Сторонники

Нас окрыляет великая мечта о воссоединении русских земель! Мы считаем, что Донбасс положит начало русскому Рисорджименто — так называли воссоединение Италии бойцы армии Гарибальди за полтора века до нас. И это воссоединение случится, по историческим меркам, очень и очень скоро!

СССР находятся в глубоком подполье, а никаких других идей украинские гуманитарии так и не произвели. Все гранты распределяли бандеровцы, и на нищей Украине, дезориентированной крахом Советского Союза, многие гуманитарии, увы, повелись на эти приманки, увидев в них свет в конце тоннеля для себя и для своей новой страны. Природа не терпит пустоты, и какой бы по своим качествам ни была субстанция, пустоту она обязательно заполнит. Украинская идейная пустота наполнилась нацистским дерьмом.

Победа над бандеровщиной возможна лишь при наличии идеологической альтернативы. Это единая структура, щедро финансируемая из-за рубежа и оттуда же координируемая. Образованная, активно действующая во всех сферах и обученная всем современным технологиям: конспирации, коммуникации, отношениям с общественностью. Наша победа не будет лёгкой, но она обязательно наступит — бандеровская идеология чужда подавляющему большинству жителей Украины и Новороссии, враждебна большинству её регионов. А значит, никакая поддержка извне не обеспечит возможность кучке радикалов до бесконечности третировать абсолютное большинство своих сограждан.

ФАКЕЛ НОВОРОССИИ

Весной 2014 года, начав драться за Новороссию, мы мечтали создать новую русскую республику, свободную от олигархии и коррупции. От яда прошлых лет. Республику с подлинным народовластием. Такая Новороссия должна круто изменить историю всего Русского мира. И она будет создана.

Нам виделась сильная, процветающая Новороссия, которая освободилась от выплаты дани Киеву и олигархам. Которая благодаря этому дышит полной грудью, строится, развивается, поднимается. Здесь процветают промышленность, порты, сельское хозяйство, города и университеты. Такой она создавалась двести лет назад. Получилось тогда — получится и теперь.

Мечтали мы и освободить, наконец, остальную территорию так называемой Украины, историческую Малороссию, от захватчиков, которые привели её к нищете, вымиранию и полной внешней зависимости. Мы видели и видим до сих пор наши знамёна над освобождённым Киевом — древней столицей, «матерью городов русских».

И Киев будет освобождён, как уже был однажды освобождён от нацистов.

Нас окрыляет великая мечта о воссоединении русских земель! Мы считаем, что Донбасс положит начало русскому Рисорджименто — так называли воссоединение Италии бойцы армии Гарибальди за полтора века до нас. И это воссоединение случится, по историческим меркам, очень и очень скоро!

Тогда, в 2014-м, в ту прекрасную весну, навеки оставшуюся в истории Русской весной, мы зажгли факел Новороссии. И теперь этот огонь никогда уже не погаснет. Теперь он всегда будет гореть, всегда будет вести нас к победе и напоминать о славных днях русского восстания против нацистского проекта «Украина». И покуда не освобождена будет наша прекрасная Новороссия — суждено будет гореть этому факелу, освещая путь во тьме миллионам русских людей. Путь к великой мечте о свободе и национальном единстве.

И мы пройдем этот путь до конца!

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ /

На Донбассе возник русский фронт

События на Донбассе в 2014 году были настолько неожиданны, что казались каким-то историческим чудом. Однако очень скоро они, наоборот, возбудили завышенные надежды — многие ожидали отделения от Украины всей Новороссии от Харькова до Одессы — а затем, соответственно, и разочарования тем, что они не оправдались. Возникли разговоры о якобы «предательстве», «сливе», которые муссируются до сих пор. Но на самом деле подобные разговоры свойственны людям, далёким от происходящих событий и не способным к их адекватной оценке.

Для начала стоит задаться простым вопросом: а было ли возможно нечто подобное на 10 лет раньше? Естественно, что нет: тогда, во время первого «майдана», даже и мысли не возникало о народном восстании на Донбассе. Тогда Русский мир был ещё настолько ослаблен, что не имел возможности хоть как-то реагировать на подобные акции западных спецслужб. Первая такая реакция произошла на вторжение грузинских войск в Южную Осетию в 2008-м, но там действовала регулярная российская армия, а роль местного ополчения была лишь вспомогательной. И тот факт, что в 2014 году произошло полноценное русское народное восстание, — уже сам по себе является огромным успехом Русского мира. Кроме того, очевидно, что освобождение более обширных территорий, чем нынешние ДНР и ЛНР, было бы невозможно силами одного лишь ополчения, без официального ввода российских войск. Наконец, факт сугубо экономический: на территориях ЛНР и ДНР в 2014–2015 годах почти полностью исчезла экономика, она восстанавливалась очень медленно путём ин-

теграции в российское экономическое пространство — и только благодаря временной, но очень значительной российской экономической помощи. Если бы это происходило на более обширных территориях, то этот процесс был бы намного более тяжёлым, и это был бы такой удар по российской экономике, который мог бы просто «обвалить» её на очень значительное время. Этот чисто экономический фактор, как правило, совершенно не учитывается в дискуссиях, но, вероятнее всего, он как раз и был решающим в принятии решений, которые вырабатывались в аналитических центрах РФ.

Тем самым, произошедшее освобождение части Донбасса от Украины следует рассматривать как **огромный и, по сути, неожиданный и спонтанный успех Русского мира**, а все разговоры о других вариантах развития событий оставить историкам, поскольку прошло уже пять лет, и всё это уже стало историей. Нужно исходить из факта успеха и делать выводы о том, за счёт чего он стал возможен и как таких успехов можно добиться и в будущем.

Первым фактором этого успеха стала внутренняя готовность народа к подвигу и восстанию. Раньше, всего за 10 лет до этого, такой готовности ещё не было. В свою очередь, главным фактором появления этой готовности было возрождение России — и возрождение не только военно-политическое и экономическое, но и идеологическое: идея новой великой России и Русского мира как цивилизации, эффективно противостоящей Западу, сформировалась только накануне 2014 года. Во время первого «майдана» 2004–2005 годов их ещё не было. В 2014 году в Крыму и на Донбассе с первых дней киевского «майдана» было ожидание действий

России, а события в Крыму стали уже сигналом к народному восстанию и на Донбассе. Но это восстание добилось успеха и отстояло свои территории только благодаря всесторонней помощи России. Донбасс стал началом процесса, который следует назвать **Русской Реконкистой**. Анализ этих событий даёт определённое видение будущего.

Русская Реконкиста! Пусть мы используем термин из славной истории Испании, но это и хорошо, поскольку он известен во всём мире, и поэтому везде любой грамотный человек сразу поймёт, о чём идёт речь. Тот факт, что в XXI веке где-то идет Реконкиста своих земель, уже сам по себе внушает уважение любому человеку. Испанская Реконкиста шла более двух веков; но Россия тоже имела свою Реконкисту — отвоевание земель Киевской Руси, захваченных западными соседями. Эта Русская Реконкиста шла почти четыре века. Тем самым, во-первых, эта Русская Реконкиста — уже вторая; во-вторых, это процесс долгий, и за одно лето, как думали многие, он не делается.

В том, что новая Русская Реконкиста началась с Крыма и Донбасса и вообще с Новороссии — есть и Божий промысл, и практический урок. Промысл в том, что это земли, наиболее важные в стратегическом отношении. А уроки многообразны, и их следует рассмотреть подробнее. Первый урок, о котором было сказано выше, состоит в том, что успех Реконкисты в первую очередь зависит от состояния самой России и от её привлекательности для русских, живущих за её пределами. Второй урок — в том, что в этом процессе освоения и «переваривания» возвращённых земель экономические аспекты могут быть не менее трудными, чем военно-политические усилия.

Однако важнейшие уроки ещё не осознаны в полной мере, поэтому их следует рассмотреть подробнее. Во-первых, на Донбассе был осуществлен важный эксперимент создания нового мобилизационного общества. И в этом смысле Донбасс стал «моделью» всей России. Те вызовы, которые сейчас стоят перед Россией, также требуют создания мобилизационного общества, и Донбасс стал важным опытом на этом пути. Что показал этот опыт? Первое. В мобилизационный режим общество переходит само — в качестве ответа на вызов, который перед ним стоит. То есть не в результате государственной политики, а в результате самоорганизации. Если же к этому добавить и шаги самого государства, то такой переход будет более эффективным. Второе. Носителями мобилизационного сознания и мобилизационных действий становятся люди, которых по привычной терминологии уже можно назвать «пассионариями» — то есть люди, готовые жертвовать собой ради Родины. Эти люди, как правило, не заметны в мирной жизни, но они очень быстро появляются в «точках сборки» — местах, где происходит самоорганизация.

Третье. В мобилизационном режиме очень быстро происходит своего рода «фильтрация» и оздоровление общества. Люди с эгоцентрическими и гедонистическими жизненными установками («субпассионарии») очень быстро уезжают, бросая всё своё имущество, поскольку в мобилизационном обществе они жить абсолютно не способны. Зато на их место приезжают добровольцы из других регионов Русского мира — ярко выраженные «пассионарии». Тем самым резко повышается «пассионарность» общества и меняется общественная мораль: начинают цениться в первую очередь личностные качества людей — совесть, героизм, самопожертвование и ум, а не богатство, карьера и пронырливость. Это означает резкое обновление народа в целом, возвращение его в «героические времена». Но подобный процесс, хотя и в более мягкой форме, чем на Донбассе, в настоящее время идёт и в России: эми-

В самой России наличие Фронттира на Донбассе является мощным фактором общественного сознания: благодаря ему страна вновь воспринимается как защитник угнетаемых и собиратель всех русских земель. Наличие Фронттира означает то, что цивилизация Русского мира здесь уже находится в реальном состоянии войны со своими геополитическими противниками. И хотя Фронттир удерживается не самой Россией, а армией ДНР и ЛНР (два армейских корпуса), но это противостояние цивилизаций, а не государств. Отношение к донбасскому Фронттиру стало ныне очень чётким тестом на русскость.

грируют из России на Запад эгоисты-гедонисты, а на их место из ближнего зарубежья приезжают скромные работники, благодаря которым население России увеличивается, даже несмотря на вымирание коренного населения. Последнее обстоятельство является главной проблемой русских, однако нельзя не видеть, что этот процесс происходит в рамках формирования «мобилизационного общества». Эту проблему государство должно решать путём стимуляции рождаемости и ассимиляции мигрантов.

Во-вторых, на Донбассе Россия создала Русский Фронттир — здесь её фактическая граница проходит по линии фронта. Собственно говоря, эта территория вообще всегда и была Русским Фронттиром — начиная со времён князя Игоря, памятник которому стоит в том месте, где он, по преданию, переплывал Донец — а ныне там проходит фронт у Станицы Луганской. Затем на этих землях на протяжении веков существовало донское и запорожское казачество, удерживающее границу с мусульманским миром. А ныне этот Фронттир развернулся лицом на Запад и удерживает границу с западной цивилизацией в лице её нищего и подневольного вассала — Украины. И так же, как и раньше, Фронттир притягивает к себе пассионариев всего Русского мира. Термин «фронттир», так же, как и термин «реконкиста», в данном случае уместны для использования, поскольку они известны во всём мире и позволяют нам находить союзников везде, где остались мыслящие люди. В самой России на-

личие Фронттира на Донбассе является мощным фактором общественного сознания: благодаря ему страна вновь воспринимается как защитник угнетаемых и собиратель всех русских земель.

Наличие Фронттира означает то, что цивилизация Русского мира здесь уже находится в реальном состоянии войны со своими геополитическими противниками. И хотя Фронттир удерживается не самой Россией, а армией ДНР и ЛНР (два армейских корпуса), но это противостояние цивилизаций, а не государств. Отношение к донбасскому Фронттиру стало ныне очень чётким тестом на русскость: всякий, кто считает, что Россия якобы «вмешивается в украинские дела», сам выдаёт себе удостоверение национал-предателя.

В-третьих, на Донбассе отработывается **модель русского «собираения земель»**, которая имеет далеко идущие международные последствия. Первым последствием стало введение Западом санкций — и хотя они были введены после возвращения Крыма, но сейчас ассоциируются с Донбассом. Россия показала свою экономическую, политическую и моральную устойчивость перед санкциями, и это значительно усилило её авторитет на мировой арене. Модель «собираения земель» основана на прецедентах Крыма и Донбасса и чётко показывает мировому сообществу следующие принципиальные факты: 1) За пределами Российской Федерации проживают миллионы русских не только по языку, но и по национальному самосознанию; 2) Эти русские не боятся репрессий и способны на восстание

и народно-освободительную войну, что было ясно продемонстрировано на Донбассе; 3) Россия обладает достаточным экономическим потенциалом для поддержки русских земель, которые стремятся вернуться в её состав. Это самым эффективным образом опровергает либеральный миф о современной России как «бензоколонке»; 4) Россия вновь обладает достаточным военным потенциалом, для того чтобы игнорировать все угрозы Запада. Тот факт, что Запад возобновил холодную войну против России, лучше всего это подтверждает; 5) Россия уже обладает достаточными ресурсами для эффективной информационной войны со своими геополитическими противниками, в том числе и идеологическим обоснованием права на собирание всех русских земель, в силу исторических обстоятельств оказавшихся под фактической оккупацией других государств.

Наконец, в-четвёртых, в связи с событиями в Крыму и на Донбассе, фактически создана и отработана на уровне массового сознания идеология *русского освобождения*. Эта идеология имеет особое значение для проекта Русской Мечты, являясь одним из важнейших его элементов. Он является не локальным, а глобальным проектом, хотя и возникал в связи с локальными событиями 2014 года (точнее, отчасти ещё и 2008-го). Глобальность идеологии русского освобождения как части проекта Русской Мечты состоит в новой модели миропорядка, альтернативной модели Рах Americana, которая представляет собой глобальную диктатуру мировой финансовой олигархии, основанную на расистском разделении народов земли на якобы «избранных» людей сверхпотребления и всех остальных, выброшенных из Истории.

В противоположность этому агрессивному миропорядку, фактически продолжающему политику Третьего рейха в глобальном масштабе, Россия предлагает и уже достаточно эффективно реализует свой проект мирового содружества и взаимопомощи. Вышло так, что на этом самом первом этапе реализации русского проекта мироустройства

первое серьёзное столкновение с Рах Americana на конкретной территории и в форме боевых действий произошло именно на Донбассе. Тем самым **Донбасс уже стал символом борьбы двух мировых проектов**. Это означает, что этот символ должен получить мощное смысловое наполнение, которое было бы ясным и убедительным для всего мира и содержать в себе суть Русского мира.

История и современное состояние Донбасса (и Новороссии в целом) дают все основания для этого, но их нужно грамотно использовать. Нужно создать особый дискурс о Донбассе (способ понимания и описания), который бы нёс все эти смыслы. Укажем здесь основные элементы этого дискурса:

1) Донбасс — это продукт мощного развития России как евразийской империи, созданный на месте Дикого поля, населённого кочевыми народами. Такое историческое происхождение Донбасса является мощным символом и для современности. Это внезапное возникновение мощного региона «на пустом месте» сто лет назад даже подвигло А. Блока назвать его «новой Америкой» в одноимённом стихотворении. Однако учитывая современные коннотации слова «Америка», это название явно не подходит. Исконным и самым правильным является название «Новороссия», которое на самом деле намного старше названия «Украина» (Новороссийская губерния создана в 1764 году, а термин «Украина» стал широко известен только в 1918-м); 2) Донбасс — полиэтнический регион Русской цивилизации. Здесь самым очевидным образом было продемонстрировано создание единой русской нации на основе синтеза представителей разных этносов в рамках единого государства. Синтез обусловлен единством государства и общей исторической судьбы. Ещё более важным фактором является их единство в рамках евразийской цивилизации Русского мира, которое собрало эти этносы на данной территории. Без общей цивилизации не было бы и государства; 3) Донбасс — это регион стремительной индустриализации и массового трудового подвига.

Именно это создало и «душу» Донбасса (характер его жителей и общую «атмосферу» жизни), и его восприятие в России. Но именно эти качества сейчас требуются России для рывка в будущее — и в этом смысле Донбасс может быть историческим символом русской эпохи Прорыва — не только в историческом прошлом, но и в будущем; 4) Донбасс — это земля возрождающегося народа. Таким был Донбасс после Гражданской войны 1920-х, после Великой Отечественной 1940-х, и сейчас снова этот «архетип» повторяется. Но сейчас и вся Россия, и весь Русский мир как цивилизация находятся в усилии возрождения — и в этом смысле они представляют собой один «огромный Донбасс». Сама Русская Реконкиста — это не только возвращение территорий, но и возвращение нашей способности к историческому бытию и историческим свершениям; 5) Донбасс — «точка сборки» большой Новороссии. Не стоит думать, будто бы русскоязычные территории Украины от Харькова до Одессы якобы уже разочаровались в Русской весне. Постоянное общение с людьми оттуда убеждает, что это не так. Просто люди там молчат, чтобы не попасть под репрессии на Украине. Наоборот, опыт освобождения Донбасса убеждает их, что это возможно, и этим опытом они тоже неизбежно воспользуются.

Перечисленные исторические смыслы Донбасса и большой Новороссии нужно внедрять в российское массовое сознание не только для прекращения невежественных вопросов: «Зачем нам этот Донбасс?» Через тему Донбасса очень хорошо видна и судьба всей России в XX веке, и её задачи в будущем. Донбасс и Новороссия изначально, с самого своего возникновения в XVIII веке были **территориями Русской Мечты**. Сюда ехали люди большой души, искавшие волю и новую жизнь (отсюда и название романа Г. Данилевского «Беглые в Новороссии»). Пока Республики Донбасса не признаны и не вошли в состав России, они держатся на одной только Русской Мечте и уже успели показать, что Мечта бывает сильнее страха и сильнее любой армии.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Вернуть народу мечту

Русская Мечта — это ожидание божественного царства, где царят справедливость, любовь, обожание друг друга, где земля соединяется с небом, а цветок полевой — со звездой небесной, где нет болезней и смерти, а жизнь вечная. Русская Мечта отразилась в народном сознании в виде сокровенных постулатов, волшебных кодов. Эти коды — как клавиши на величественном клавесине, на котором играет таинственный пианист. Нажми одну клавишу — и русские землепроходцы, казаки выходят к Тихому океану и смотрят, как из пучин всплывает сказочная рыба-кит. Нажми другую клавишу — и русские танки танцуют кадрили на куполе имперской канцелярии в Берлине, замуровывая вход в преисподнюю. Нажми третью клавишу — и русский человек с ослепительной улыбкой улетает в лазерный космос.

Советский народ был Народом Мечты. Сталин управлял историческим процессом, зная потаённые народные коды. Возбудив эти коды, Сталин в предвоенные годы построил тысячи оборонных заводов. Управляя народными кодами, Сталин выиграл невиданную, небывалую в мире войну. Эти коды помогли советскому народу в считанные годы создать атомную и водородную бомбы, сберечь страну от гибели. Этими кодами являлись пусковые кнопки на Байконуре, откуда в космос взлетел Гагарин.

В годы перестройки народ потерял мечту. Она была изрезана,

раздроблена, превращена в пепел и прах. Когда последний волшебный постулат был уничтожен, советская страна исчезла, а народ-великан, выигравший грандиозную битву в Великой Отечественной войне, превратился к концу перестройки в народ-лилипут, смирился с тем, что его разделили на части и каждую часть отдали в услужение ханам, баронам, бессовестным олигархам. Смирился с тем, что у него, у народа, отняли природные богатства: нефть, алмазы и руды, а ему оставили крохи на пропитание. Смирился с тем, что его заставили забыть о великой Победе, о великом искусстве, о святом оружии. Клавесин, на котором таинственный пианист играл музыку русских сфер, оказался заброшенным, с поломанными клавишами, с оборванными струнами.

Однако **Русская Мечта не погибла, тайные коды продолжали звучать**. После краха советского царства государство Российское возродилось, потому что русский народ — это народ-государственник, и на развалинах он вновь стал возводить государство.

Был остановлен распад страны, усмирены безумные суверенитеты, потому что Россия — это симфония народов, симфония вер, языков, и русский народ — это имперский народ. Знамя Победы и музыка советского гимна перенеслись из предшествующей эры в сегодняшнее русское время, ибо в русском народе живы коды Победы. Победа 1945 года — это вселенское воплощение Русской Мечты.

Возвращение Крыма в Россию было время чудесное, волшебное, было триумфом Русской Мечты, когда народ видел свою Родину снова единой и нераздельной, народ — нерасчленимым, целостным. Русское время, распавшееся в 1991 году, вновь соединилось в световод русской истории.

Однако солнце Крыма стало меркнуть, Русская Мечта вновь погружалась в сумерки. Избиение русских на Донбассе, чудовищные обстрелы, при которых погибали старухи и дети, заставляли рыдать всю Россию. Смертная мука Донбасса была невыносима для русских людей, и они снова перестали мечтать, отвели глаза от небесных светил, устремили их в горькую землю, посыпанную горячим пеплом Донбасса.

Сегодня русский народ печален, полон сомнений и горестей. Одни бунтуют и ропщут. Другие омертвели и стихли. Третьи буйствуют в безумном разгуле и пьянстве.

Русская Мечта, воскресни! Русский народ, обрети мечту! Огромная, гигантская мировоззренческая задача — вернуть народу мечту. Убедить народ, что затмение — временно, Русская Мечта пробьёт в оледенелом небе польню, из которой снова хлынет в Россию свет небесного царства.

Космос в советское время был вершиной Русской Мечты, был триумфом советского государства. Сегодня русский космос окуклился, стал почти невидимым, космонавты из ангелов небесных превратились в водителей космических такси. Русский человек больше не привет-

ствует взлёт ракеты, как это было со взлётом космической системы «Энергия»–«Буран», веря, что взлёт этот приблизит русского человека к восхитительной тайне мироздания.

Советский ядерный проект — это русское чудо, когда под «зонтиком» американских атомных бомб русские инженеры и учёные с великим Курчатовым во главе создали в Сарове атомную бомбу, которая, как утверждают сегодня богословы, возникла при покровительстве Се-рафима Саровского — русская православная бомба.

Возвращая русскому народу мечту, создавая великий проект «Очищение», избавляя Россию от коррупционеров, стяжателей, бессовестных олигархов, вновь ставя на первое место человека труда и творчества, мы вернём российскому космосу образ Русской Мечты. Вернём «Росатому» образ негасимого русского реактора. Создадим экономику Русской Мечты, культуру Русской Мечты, превратим Москву в город Русской Мечты, ибо в Москве храм Василия Блаженного есть образ русского рая. В Москве 9 Мая совершаются великие парады,

похожие на церковные мистерии. По Москве идёт «Бессмертный полк», где погибшие воины воскресают из мёртвых. Верочение Русской Мечты — это учение о грядущей России, о неизбежной Русской Победе, о преодолении зла и уныния. Русская Мечта соберёт под своими сверкающими крыльями православных, мусульман, евреев. Под её восхитительным покровом обнимутся татарин и русский, башкир и чеченец. И вновь золотой наездник оседлает красного коня и помчит его в ослепительную лазурь.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Невидимая ось мира

Что такое человек без мечты? «Полено дров» в геенну преисподнюю...

В.В. Розанов

1. ПРОМЕЖ ПОЛЁТОМ И ГИПНОЗОМ

Сущность мечты — один из сложнейших философских вопросов и одно из белых пятен психологии. Этот вопрос нуждается в скорейшей разработке. Потому что проблема мечты — едва ли не самая фундаментальная проблема, стоящая перед современным человечеством. Из неё во весь рост вздымается другой, страшный вопрос: удастся ли человеку остаться человеком. Если удастся — он будет мечтать, несмотря ни на что. А если не удастся, то порождённая им Антисистема, чтобы сделать его управляемым и увековечить своё господство, — превратит его в потребителя суррогатов мечты — в виде виртуальной «кашицы». В слабоумного недочеловека-киборга, у которого горизонт вожделений предельно узок, чаяния которого еле теплятся, сонные и серые.

Свободный от целей человек несвободен — он раб бесцельности. Свободный человек сам ставит себе цели, но делает это всерьёз, а потому он преданный слуга избранных целей.

Мечта — это путешествие в пространстве идеальных целей. В первую очередь состояние мечты характерно для детей и аристократов, тех, кому обществом даны большие возможности для творческой игры сознания. Мечта связана с духовной избыточностью жизни, когда

есть время и силы для созерцаний и раздумий, воображения и парения над обыденным. В то же время мечте противна пресыщенность, она, чтобы приносить плоды, должна быть предметом благородного труда. Творчество, познание с его открытиями и изобретениями — это высшие ипостаси мечты.

Мечта — живое время. Стремление утопистов всех времён освободить человека от постоянных и непосильных забот связано именно с этим. Однако здесь есть хитрость. Творчество чаще расцветает в условиях гнёта, когда за свободное время, за право на мечту и вдохновение нужно бороться, завоевывать их. После социальных революций вопреки породившим их утопиям включается обратный ход. Цивилизация на каждом новом витке технократического прогресса требует всего человека, она стремится сожрать всё его время. Сначала буквально, выжимая человека как лимон, что было доведено до апофеоза в ряде рабовладельческих государств, и совсем недавно — до рационального идеала в «потогонной» системе Тейлора. Тому, кто перегружен рутинной работой, — мечтается, пусть урывками, пусть с трудом, вопреки обстоятельствам. Хуже дело, когда обыватель получает от цивилизации избыток досуга.

На излёте эпохи индустриализации, когда сокращается рабочий день, увеличиваются выходные, вводятся

отпуска — вдруг оказывается, что цивилизация высвобождает время не для внутреннего поиска и возрастания, а только лишь для потребления чужих изобретений и произведений — то есть для «развлечения», «отвлечения», тонких видов «самозабвения», своего рода регулярной летаргии. В основе этого времяпрепровождения не свободный полёт мечты, а скорее трясина пребывания в банальных фантазмах и фантомах.

С каждым витком социальной эволюции эта тенденция лишь нарастает. Мёртвая цивилизация не высвобождает людей для живой фантазии. Ей опасны созерцатели, самоуглублённые художники священных игр (играющие на струнах небесных сфер и колоколах языковых бездн). В прошлом творец — это счастливый избранник, сумевший ценой невероятного стечения обстоятельств и страданий вырваться из силков нужды и условностей, стяжать мудрость. Нынешний Homo Ludens, человек играющий, — погружён в игры, которые не воскрешают дух, а убивают время. А убить время — то же самое, что убить душу.

Главная цель Антисистемы — аккумуляция отчуждённых мёртвых ценностей, накопление количества всевозможных благ, товаров, денег, ресурсов цифросферы. И эту машину, которая изначально должна была служить людям, цивилизация пестует как своё главное достижение. Из-

держки от людишек слишком велики, они балласт для Антисистемы. Поэтому она избавляется от избыточных людей, вытесняя их из процесса духовного и материального производства. Чтобы вытесненные люди не представляли угрозы, их нужно так или иначе нейтрализовать. Отсюда императив, описанный писателями-фантастами, — человечество должно быть опутано нитями и сетями низших грёз, low dreams, наркотического опьянения. Желательно, чтобы оно не мыслило, не дерзало и не размножалось. Бездеятельное человечество будет плыть по течению навязанной «антимечты» и угасать в ней.

Каков же горизонт антимечты? Современные «излишки», которые нечем занять, помещаются в нечто вроде виртуальной лечебницы, глобальной Канатчиковой дачи, образ жития в которой — «поесть, помыться, уколоться и забыться». Ну а если не удаётся целиком свести жизнь к такому режиму, то проблему решает монитор Великого Ничто, ящик зрелищ, сплетен и небылиц, гипнотическая «чёрная дыра» Антимечты, воплощённая на данный момент в гаджете. В будущем, вероятно, она будет вживлена прямо в мозг и напрямую припаяна к главному, слуховому и тактильным нервам.

Даже изобретатели в эту эпоху становятся другими — ориентированными на потребительское стадо, готовое слопать ту «мечту», которую ей подsunут. В конце 90-х гг. вышла книга Ролфа Йенсена «Общество мечты», выпущенная в свет Стокгольмской школой экономики. Автор провозгласил, что на смену «обществу информации» грядёт «общество мечты», в котором в центре мироздания окажутся «тематические парки» и скрытые компьютерные развлекательно-образовательные программы для детей, которые будут так увлечены этим, что даже «не заметят, как поумнеют».

Гиганты «глобального рынка духовной близости», наследники Диснейленда и Голливуда захватят практически всю экономику, создав шесть

новых рынков: рынок приключений на продажу, рынок дружбы и любви, рынок заботы, рынок душевного покоя, рынок убеждений и рынок «Кто-Я-Такой». Последний предложит человеку богатый выбор стилей жизни и различных элементов моды и дизайна, из которых он сможет собрать своё Я как в конструкторе. Гиганты индустрии любви позволят человеку избавиться от всяких забот, обеспечив ему качественные и убедительные романтические свидания, семейные праздники, свадьбы, похороны и всю сопутствующую символику. Мечта нового постинформационного общества превратится в товар на огромном рынке «историй» — этаких суррогатных мифов на все случаи жизни, в том числе для придания себе значимости и изящества. При этом, утверждает мыслитель, *«нельзя позволить, чтобы новым историям препятствовали большие религии или традиционный жизненный уклад»*. К примеру — *«как показали события в бывшей Югославии, важна власть над телевизионными каналами, и понятно, что ключом к разрешению конфликта может быть именно обеспечение того, чтобы населению транслировались правильные установки»*.

За прошедшие 20 лет планы построения подобного «общества мечты» уже в значительной мере воплощены. Создана многомиллионная армия «мечтателей» (или «антимечтателей»), выходящая на «климатические марши» и манифестации за «сетевой нейтралитет» по всему миру. Эта армия пигмеев-эпигонов, которым рокфеллеровские и соровские фонды вложили в голову их «мечту», использует в диалоге с оппонентами язык вражды. Вождем толп назначили не так давно девочку-инвалида Грету Тунберг, провозгласившую протест молодёжи против старших и наделённых властью, которые «украли мечту» (главный лозунг сегодняшнего момента). Точно так же украли мечту у огромных масс либертарианцев, ЛГБТ-шников, «зелёных» и правозащитников, фру-

стрированных проигрышем партии Клинтон на выборах в США.

Мечта современного глобального обывателя — о полном доминировании прав меньшинств над косностью и злобой «гадкого большинства», о мире без физического насилия, о честных выборах с правильными кандидатами и при этом бойкоте всех «неправильных», то есть инакомыслящих, о полном преодолении коррупции, о гендерном терроре против традиционных отношений, включая привычку мужчин сидеть, раздвинув колени, о реванше цветного населения над белым, о сыворотке правды и вакцине бессмертия, о вечной юности, о благостной нирване, о том, что изменчивый мир «прогнётся под нас» и т.п. — всё это говорит о том, что глобальная Канатчикова дача уже вовсю работает, и стерилизация мозгов «ради успокоения нервов» идёт полным ходом.

Почему режиссёры действуют так беззастенчиво и чувствуют себя столь неуязвимыми? Может быть, потому, что они провели большую предварительную работу по установлению мягкого террора политкорректности и толерантности? А в лице девочки Греты не идёт ли нажим на иррациональные страхи европейца? И вслед за этой Гретой, как в цирке диковин и уродов (старая европейская забава — «фрик-шоу»), на сцену будут выпущены еще менее эстетичные персонажи: горбуны, карлики, увечные, трансгендереры, мутанты, глухонемые и прочие «альтернативные»? Некоторые из них, как, например, «бородатые женщины», уже налицо. Старые средневековые страхи перед уродством и новые страхи перед собственной неполиткорректностью, которую нужно выдать из себя «по капле», сомкнутся и породят новый феномен — общества молчания, общества виртуальных сомнамбул, живущих согласно утверждённому официальному списку дозволенных мечтаний?

Надо сказать, и в русском, и во многих других языках само слово «мечта» неоднозначно. Также и религиозные

традиции говорят как о высокой духовной мечте, так и о мечтательных искушениях. Рационалист Иммануил Кант утверждал, что мечтатель — человек, не способный справиться со своей «беспорядочной фантазией». И в этом есть доля правды — пусть и небольшая, узкокобая доля. Ведь гипнотизм мечты велик, а человек слаб и нередко зависим от глубочайших форм как внушения, так и самовнушения.

В XX веке учёные на волне психоделической революции заговорили об изменённых состояниях сознания. Нельзя сказать, что они достигли в объяснении этих состояний больших успехов. В эти «изменённые состояния», как в кучу, свалены были, помимо творческих озарений и откровений, также и пассивные грёзы, и мутные сновидения, и патологические бреды и иллюзии, вплоть до галлюцинаций. Конечно, тяжёлые недуги психики нельзя назвать мечтой, они напоминают то, что в религиозных мифах описывается как ад: это страдания души, от которых она не в силах убежать. Кошмары и навязчивые состояния — предельное воплощение антимечты.

Также к изменённым состояниям относили и всевозможные добровольно испытываемые людьми транс и медитации. В транс возникает внутренний фокус внимания, из-за чего человек может полностью отрешаться от внешней реальности, погружаться в видение либо становиться «конём» для осёдлывающего его духа (одержимость). Известное у северных народов России медитативное «мереченье», полярная истерия — однокоренное «мечте» слово, кстати говоря. Оба они этимологически родственны «мерцанию», проблеску света в сумерках, а также слову «мерещится» с отсылкой к призрачности, к обманам восприятия. В мечтах человек прозревает свет не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Обратная сторона «сумеречного» — помрачение, затмение ума, одержимость иллюзиями. Сегодня у поколений, увлечённых психонавтикой, психоделическими трипами, трансовой музыкой, — забвение в галлюцинаторных грёзах стало уже

У нас «украли мечту» (Грета Тунберг) — главный лозунг сегодняшнего момента. Точно так же украли мечту у огромных масс либертарианцев, ЛГБТ-шников, «зелёных» и правозащитников, фрустрированных проигрышем партии Клинтон на выборах в США.

Мечта современного глобального обывателя — о полном доминировании прав меньшинств над косностью и злобой «гадкого большинства», о мире без физического насилия, о честных выборах с правильными кандидатами и при этом бойкоте всех «неправильных», то есть инакомыслящих, о полном преодолении коррупции, о гендерном терроре против традиционных отношений, включая привычку мужчин сидеть, раздвинув колени, о реванше цветного населения над белым, о сыворотке правды и вакцине бессмертия, о вечной юности, о благодатной нирване, о том, что изменчивый мир «прогнётся под нас», и т. п. — всё это говорит о том, что глобальная Канатчикова дача уже вовсю работает...

привычным досугом. Это разновидность «социальной эвтаназии»...

Индийские духовные учения говорят о майе как имени всей нашей реальности — дескать, вся она есть наведённый сон, морок, в котором дух является пленником. Но в авраамических традициях мыслят иначе:

*Мир сей не морок, не майя,
Он сотворен не шутя,
Редкий нектар собирая,
Бродит в нём рая дитя...
Сосланы в узы ли, в сети ли,
Странники, кáлики бездн,
Ценных событий свидетели,
Мы как разведка небес...*

Во многих древних традициях транс-мечта, транс-откровение связываются с прорывом в подлинную реальность. У язычников (а всё так называемое «примитивное» язычество представляет собой различные версии шаманизма) транс означает путешествие на небеса или в ад, поиск потерянной и заблудившейся души, общение с богами и духами предков. Шаманы, волхвы отправляются в полёт, чтобы решить какую-то конкретную поую-

стороннюю задачу, исцелить больного, упротить богов или демонов отвести напасть или даровать милость. Но вот что интересно — сильные шаманы из своих путешествий приносят новые песни. Каждая подлинная песня, входящая в эпический арсенал сибирских народов, не сочиняется в бодрственном состоянии, а приносится оттуда — из сумеречного полёта сознания, предельной экзотической мечты. Знаток мировых религий Мирча Элиаде писал, что магическая мистика шаманов целиком пронизана тоской по утраченному раю, тому времени, когда люди могли беспрепятственно восходить на небо и спускаться обратно.

В развитых цивилизациях до эпохи атеизма и материализма сложились изошрённые мистические школы, которые объясняли творческую активность человека соприкосновением с духовной полнотой бытия (это откровения, пророчества — причём не только чисто религиозные, но и научные, художественные, мифопоэтические, то есть как раз то, что выше было названо благородной мечтой). В современной цивилизации узакон-

нено раздвоение на будни и хобби. С другой стороны, различают обычное активное состояние сознания и «дефолтное», когда человек отдыхает, предоставлен самому себе. Но подлинная мечта — это нечто третье, она пронизывает и будни, и праздники, и труд, и досуг, и бодрствование, и сон. Человек в таком состоянии как одержимый. Но он не одержим каким-то чужим, навязчивым духом, он парит в пространстве мечты, лелея внутренний план своего бытия. Такая свобода не предрасполагает к тому, чтобы расслабиться, забыться, потерять нить высокой цели, напротив, она «подсвечена» переживанием смысла жизни, которым захвачен человек. Только такой и бывает настоящая свобода. Свобода рыцаря, находящегося на пути служения, а не «свобода» брошенного, лишнего человека, отданного на откуп пассивному безделью.

Это «третье состояние», не сводимое ни к так называемому «потокослову», ни к «дефолтному» режимам психики, не являющееся рациональным, рассудочным актом или, напротив, эмоциональным переживанием. Точнее всего было бы обозначить его философским термином «сверхрациональная интуиция». Ведомый ею, человек пронизан мечтой, и перед этим меркнут меркантильные мотивы, эгоизм, страсти и пристрастия — человек преображается, силится взобраться на высшую ступень своего бытия, преодолеть гравитацию собственной судьбы.

Ключевое слово здесь «полёт» — устойчивый эпитет мечты, отражающий её суть. В полётах человек растёт, вернее, возвращает в себе высшее, световое Я. **Мечта — это развитие в сердце человека нового органа, органа 4-го измерения, где он господствует над временем.**

2. СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАРОД

Трудно где на земле найти случаи такой пронзительной манифестации мечты, как в России. И знаменитое тютчевское «В Россию можно только

верить» — это ведь о мечте как общей судьбе. И мечта наша бывает совершенно противоположна скудости окружающей реальности, о чём писал Батюшков:

*Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить
в убожестве — Мечтой!*

В то же время это мечта не о том, чего нет, а о том, что глубинно и сокрыто присутствует и никуда деться не может, — однако не очевидно, не всем явлено, прикровенно. По слову Паустовского, мечта не бывает крикливой: *«Никогда! Чем больше её любишь, тем глубже прячешь в сердце, тем сильнее её бережешь»*. Русская Мечта — это драгоценный камушек за пазухой. Но он жжёт сердце. Это чувство подобно переживаниям героев Стивенсона, тайно владевшим алмазом Раджи и страстно желавшим всем его показать. Так и русский мечтатель — он и хранит свою мечту, и в то же время хочет со всеми поделиться её таинственной красотой и волшебством...

Настоящая мечта — всегда тайна, всегда неизъяснимое. Генералиссимусу Суворову принадлежит потрясающая фраза: *«Я живу в непрестанной мечте»*. «Непрестанной» — заметьте, превосходная степень! А Суворов, как известно, никогда не кривил душой. О чём же мечтал Суворов? Об очередной победе? Но и сами победы были для него лишь временными стоянками, минутами торжества и славы между чудотворческими полётами-мечтаниями, которые он осуществлял вместе со своими орлами — чудо-богатырями.

Другой наш генералиссимус Иосиф Сталин, как вспоминает Коллонтай в своих записках, говорил о том, что русский народ мечтателен, и в самих этих словах Сталина раскрыта и его собственная мечта о народе, с которым он намертво был связан судьбой: *«Русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа ясный ум. Он*

как бы рождён помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него — стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ — неодолим, неисчерпаем». Сталинская мечта — это полёт России, когда она полностью расправляет свои крылья. И его мечта была реализована не по малому, а по большому счёту: в 1945 году в победоносном полёте над Европой и уже после его смерти — в триумфальном полёте Гагарина.

По структуре своей мечта — это вместилище для «отсутствующего», сосуд, который не полон или даже опустошён. Но именно благодаря этой пустотности происходит таинственное соприкосновение с полнотой бытия. Пустота пустоте рознь. Есть **творческая пустота-хаос**, которая является молчаливой, но благодатной почвой для мельчайших горчичных семян, из которых вырастают деревья и целые леса новой жизни. Отсюда, из резервуара мечты, разворачиваются миф, религия, искусство, наука, вся человеческая культура.

Пустота мечты связана с полнотой и притягивает её к себе. Пустота соотносится с полнотой так же, как полый сосуд с тем источником, откуда этим сосудом черпают воду. О живородящей пустоте учили мистики и мудрецы всех школ и традиций. Здесь и фундаментальный принцип творения мира «из ничего», прообраз любого творчества, и «пустотная цельность» Лао-Цзы, и «внутренний мрак» апофатических богословов, и «пустой алтарь» немецких мистиков, и «тьма на подступах к Полюсу» Авиценны, и, конечно же, вдохновенные мечты великих поэтов. Эта зияющая в сердце пустота, «зияние», как назвал его философ-антрополог Арнольд Гелен, нечто вроде коридора духа, открываемого, чтобы по нему пошёл трансцендентный сквознячок. В нём нам слышится библейское «веяние тихого ветра», трепет крыльев

Святого Духа, в нём распаляется мистическая «искорка» Мейстера Экхарта, частица бессмертия, заложенная в человеческом существе.

Мечта — это не только спонтанное состояние, в ней есть своя техника, приёмы, мастерство — и мечтою можно овладевать. Осознанное овладение мощью мечты — религиозное качество. Человек, умеющий мечтать и направлять свою мечту, близок к состоянию чудотворения. Но даже умение просто «включать» режим мечты даётся далеко не каждому.

Мечта творит чудеса: во-первых, она является средством творческого самостроительства, прокладки собственного жизненного пути. Во-вторых, мечта иконична, в её пустоте нагнетается вакуум, создающий силу вопрошания. Это великое вопрошание, великая общительность с тем, чего ещё нет, или с тем, чего здесь нет, что представляется невероятным. Так пишутся иконы — иконописец долго молится и размышляет, и в высшем тонком сновидении ему даруется «явленная икона», с которой потом уже ученики пишут многочисленные списки и копии.

Мечта — это насос или нефтяная вышка высших прозрений. Она качает энергию залегающих глубоко в будущем, в небесах, в иных мирах аттракторов, событий, которые могут произойти, а могут и не произойти. Таким образом, через мечту мы преобразуем время: как прошлое, так и будущее, а может быть, даже вносим и коррективы в вечность (ведь через горячую молитву, как учат православные старцы, можно склонить чашу весов божьего милосердия в другую сторону).

Мечта — антенна для «отсутствующего», которая настраивается на волну возможного или даже невозможного. **«Так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же всё возможно» (Матф. 19, 25–26).** Здесь мы видим, что Христос призвал нас к деятельной мечте.

Александр Блок по-своему изваял ту же мысль, в которой всё насквозь

провеяно образами мечты, её острым «зиянием»:

*И невозможное возможно...
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..*

В высокой мечте мы не просто создаём коридор для благодати, мы вызываем встречные потоки сверху и снизу, строим общее дело — с людьми, с природой, с ангелами... По мечте, как по таинственной и невидимой оси, человек поднимается в небо, вокруг этой оси кристаллизуется нечто нереальное, которое становится реальнее реальности, обретает плоть и кровь.

Когда разношёрстные, разнокалиберные, бредущие кто куда индивидуальные мечты находят друг друга и сливаются в поток мечты соборной, коллективной — происходит чудо.

Совместные чаянья, общая песня, хоровое устремление порождают симфонические личности. И в этих симфонических мечтах все болезни и заблуждения исцеляются. Всевозможные индивидуальные блуждания исчезают, когда они складываются в длительном, вековом опыте общего дела и общей жизни, все уклоны и отклонения, шероховатости и заусенцы отшлифовываются, отваливаются. Перед великой простотой национальной мечты отступают в бессилии всякого рода сектанство и мудрования, завиральные хитрости и внешние заговоры. Мечта всенародная — это то, что проверено временем, испытано на прочность, а значит, подлинно.

Существуют три фундаментальных взгляда на историчность мечты. Первый из них — традиционное мечтание о золотом веке, идеальном прошлом, неповреждённом райском времени, откуда мы выпали, как птенцы из гнезда. Здесь и мечта романтиков о высоком духе

Средневековья, и идеализация домонгольской Киевской Руси, и «ретроспективная утопия» славянофилов с их обожанием московской старины, и легенды о скрывшемся под водой граде-Китеже, а также о праславянском родном величии, об утраченном гиперборейском корне. Само по себе тяготение мечты к прошлому не означает регресса. Даже Маркс писал, что всё прогрессивное и революционное, когда оно приходит, рядится «в тогу седой древности». А эпоха Возрождения заявляла и, по-видимому, искренне верила, что она восстанавливает античность.

Будущее беспредметно, не оформлено, тёмно, а в прошлом можно отыскать некие острова мечты, идеала, который смог воплотиться. Чаще всего это мечты о невозвратном. По крайней мере, так считал Беранже, сказавший: *«Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой».*

Другой взгляд — прогрессизм, утверждающий, что история ускоряется, время сжимается, человек успеет сорвать новые плоды познания, и благодаря этому национальные и коллективные мечты могут сбываться. Идея ускорения развития была любима многими в эпоху Модерна, но в сущности ближе к оккультной, чем к инженерной мысли. В физическом плане ускорение свойственно не столько процессам развития, сколько распаду. А если вся социальная система неминуемо и неуклонно ускоряется, это может кончиться только одним — грандиозной катастрофой. Получается, что у прогресса есть изнанка, есть свой потолок, после достижения которого ускорение необходимо тормозить или поворачивать вспять. По этому поводу вспоминаются скорбно-ёрнические, но не лишённые здравого смысла строки побасенки: *«Ускоренье важный фактор, // Но не выдержал реактор...»* Упадочный фольклор упадочной эпохи, горькое послевкусие неизбывной веры в прогресс.

Однако русский народ — это ванька-встанька. И после падения он поднимается ещё выше. Народная же

мечта верит не только в утраченный рай, но и в благодатное развитие и в то, что удастся открыть новые горизонты. По мысли «будетлянина» Велимира Хлебникова, в поэзии которого встретились и сомкнулись глубокая древность и безоглядный футуризм, *«народ-младенец, народ-ребенок любит грезить о себе в пору мужества, властной рукой повёртывающем колесо звёзд. Так в Сивке-Бурке-вещей-каурке он предсказал железные дороги, а ковром самолётом — реющего в небе Фармана... Провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества»* («О пользе изучения сказок»).

Третий взгляд, по всей видимости, наиболее мудрый, в том, что настоящая национальная мечта — не о прошлом и не о будущем, она о вечном образе России. Поэтому самой глубокой мифологемой Русской Мечты была и останется «Святая Русь». Мы можем отдаляться от Святой Руси или возвращаться к ней — но это не значит, что мы развиваемся или ускоряемся. Скорее возвращаемся — и в нашей истории бывают «зимы», когда Святая Русь светит, но почти не греет, а бывает «зной», растапливающий мерзлоту и прогревающий почву на три штыка глубиной.

Главный источник сведений о Святой Руси — народный эпос, былины и духовные стихи, ядро которых сложилось в конце первого тысячелетия, а корни уходят далеко в дохристианские времена. В самих этих источниках недвусмысленно говорится, что сущность Святой Руси в народном сознании значительно старше исторического христианства, а география — существенно шире Северной Евразии. На земле Святорусской расположен и Иерусалим, там Ирод избивает младенцев, там же обитает и Самсон-богатырь, и Егорий Храбрый утверждает веру, езда по Святой Руси. Когда пал Константинополь, то перестали звучать не какие-нибудь, а русские колокола, иссякла русская вера. Наконец, в «Плаче Адама» уже даже в раю земля именуется Святорусской...

Святая Русь — это фокусировка сакральной истории, а вовсе не конкретно-географическая реальность. Как объяснить эту загадку — историки и фольклористы нам не ответят. Важно понять главное: дело не в «наивной» средневековой картине мира. Народ в лице сказителей воспроизводил неистребимый архетип святорусскости/светлорусскости, который пробился через века неприятия. Это не «кража» имени у Святой земли, это одновременно констатация и мечта о премирном естестве России.

Здесь необходимо от простого чтения строк перейти к полновесной сакральной топографии бытия. Тогда мы сможем приблизиться к пониманию того, что слово «Русь» было синонимом «мира», «белого света», всей земли (об этом свидетельствует и В. И. Даль, и другие лингвисты-этнографы). Святая Русь, кажется, тотальна, объёмлет собою всё. Однако в сказках кроме Святой Руси как белого света описывается ещё и какой-то «нижний свет», который нам противостоит. Если бы кто-то сумел воссоздать сакральную карту русского эпоса — то мы увидели бы, где конкретно обитает Змей-горыныч и его родственники, по какой дороге сообщаются Баба-яга и Кощей, откуда грядет Идолище поганое, посягающее на святорусскую «территорию», и т.д. Сейчас для нас всё это условно-необязательные образы, а внутри старого эпоса они строги по законам научной строгости. Ещё в «Голубиной книге», этой древнейшей завязи русского духовного стиха, содержится ключевая формула вселенскости Святой Руси: *«Святая Русь-земля всем землям мати...»*

Святая Русь свята не потому, что русские люди святы, а потому, что она служит мощным барьером против вторжения в мир нижних инфернальных сил. Русь — это преграда для гибели мира... Русский человек, простец и труженик, чувствовал это всегда не хуже книжников. Отсюда величие и масштаб у нас Отечественных войн. В них за Русь встают вместе с ныне живущими могучие

невидимые силы, князя и полководцы, именованные в сталинской речи 1941 года, силы православных чудотворцев, силы Святогора и Микулы Селяниновича, века и зоны древности, ибо корень Святой Руси — в самом средоточии сакральной истории. Грешный русский человек, участвуя в миссии Святой Руси, причащается её святости.

И не в этом ли святорусском корне сакральной топографии коренятся и Новый Израиль с Новым Иерусалимом, и Новый Рим, и второй Царьград, и вера в то, что именно Русь стала Удерживающим, о котором пророчествует Новый Завет?

И только слепому не видно, о чём все эти мифы нам говорят!

Непонятный для носителей секулярного и демифологизированного сознания секрет состоит в том, что грешность людей и царей, церковные расколы, упадок христианства, революции и наступление лютых времён — всё это никак не способно поколебать Святую Русь. Поэтому на Руси буквально строятся архитектурно-пространственные иконы сакральной истории, Новые Иерусалимы, Гефсимании и Вифлеемы. Многие храмы, соборы и монастыри создавались как иконы Небесного Иерусалима. К примеру, этот образ проецировался на центр Москвы — где стержнем стал Троицкий (Покровский) собор на Рву, в народном наименовании храм Василия Блаженного. Его пёстрый и красочный экстерьер изображал райский сад.

Патриарх Никон водружает свои иконы священной истории в географии и топонимике Истры, то же делает после него преподобный Серафим вокруг Дивеева, то же самое делает в своей ослепительной поэзии Сергей Есенин, придавая с истовой верой родным русским местам и просторам звучание библейских имён. На Руси собираются все драгоценности мира, создаётся мировой музей, но это и не совсем музей, а скорее священный ковчег, куда приносятся сакральные остатки и останки. Чужие

святыни не чужие для нас, о чём писал Достоевский, тем самым устами Версилова оправдывая отчасти русских западников: *«О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим!»*

Народ мечтает в своей сказке о том, что он добывает для Святой Руси любое чудо — и жар-птицу, и царь-девицу. Русский народ подобен Гераклу, крадущему золотые яблоки сакральной истории в саду Гесперид. Но и сам сад этот находится от нас недалеко, он где-то в самой сердцевине Святой Руси. Святая Русь является не только символическим, но и буквальным местом «царства блаженных» с медовыми и молочными реками, а также и местом изначальной гиперборейской прародины. Остров Буян с камнем Алатырём незримо пребывает рядом, где-то здесь та самая Ось Мира. Ведь и Царствие Небесное ходит недалеко от нас, а святые помогают нам здесь и сейчас: *«На море на Окиане, на острове на Буяне, на белгорючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья Пророк, Николай Чудотворец»*. Так обнимаются церковная иконопись и роспись с праславянским мифом. И на Святой Руси не просто верили, а твёрдо знали, что в Ирий можно добраться, что на «востоке солнца, близ блаженного рая» есть острова, где видели райских птиц, что некоторые из новгородских моряков доплывали до рая, о чём свидетельствовал святитель Василий Калика, архиепископ Новгородский.

Другой важнейшей ипостасью Русской Мечты является царство правды, имеющее разные воплощения. Здесь и идеал бегунов и странников, и разнообразная народная утопия, поиски рая соединяются в ней с поисками Беловодья. Но это также идеал социально-исторический, вера в то, что царство правды может и должно действительно реализоваться, — и здесь народники, а затем большевики угадали вековое

чаяние, дав его довольно-таки приземлённую трактовку как социальной справедливости и равенства в распределении благ.

Важнейшим изводом Русской Мечты, русского мессианства является идеал твердыни, Третьего Рима, царства верных, в котором — финальное и наивысшее воплощение странствующего града, переходящей империи. Это не мечта о мировом господстве, как у некоторых других народов, это мечта о царстве, где люди живут по правде. Но мечта эта в реальной истории воплощается не как идеальное государство, которого построить русским пока не удалось, — а как государство микродержавия, то есть обуздания зла, сокрушения претендентов на мировую власть. В сущности это полностью соответствует тому же учению об Удерживающем, образ которого дан и в змеборце-Победоносце, гербе града Москвы. Мы видим этот мотив и у Пушкина, который напоминал в письме Чаадаеву, что Россия спасла Европу, остановив в себе энергию страшного нашествия монголов. Победа для русских сладка не из-за воинственного сладострастия, победа важна потому, что «наше дело правое», отчего на алтарь её могут быть принесены и жертвы совершенно невероятные.

Если перечитать сегодня те письма, в которых старец Филофей в XVI веке сформулировал доктрину Русского царства как Третьего Рима, то на поверку окажется, что они, особенно письмо к великому князю Василию III, удивительно актуальны. У псковского старца его мечта вырастает из трёх тезисов об очищении Руси: во-первых, из очищения власти от сребролюбия, во-вторых, из очищения от нечестивости и ошибок в церковной вере и благочестии, в-третьих, из очищения от содомской мерзости.

И действительно, несчастно то государство, где власть, являющаяся сама источником всех экономических благ, всех возможностей созидания, замыкается на мелкой мыслишке

о частном обогащении и создаёт для этого вокруг себя слой паразитов. Если власть погрязнет в клептомании — то всё государство, как черной плесенью, мгновенно поражается цинизмом, трусостью и слабоумием. Несчастен народ, утративший чистоту своей религии, потерявший духовные ориентиры, безалаберный в вере. Эта мысль была пророческой, и она упреждала споры в расколе XVII века. Содомия же во времена Филофея поразила часть общества, ту прослойку, которая, как мы знаем, была связана с известной новгородской ересью жидовствующих. Нужно встать накрепко в духовную брань против этой мерзости, ибо в ней самоуничтожение человеческого естества, утверждает старец. Куда уж актуальнее!

Именно в контексте трёх этих тезисов рождается определение: *«И твоё христианское царство не сменится другим царством. Два Рима пали, третий — стоит, четвёртому же — не бывать»*. Иными словами, весь мир опускается в бездну, силы бездны пытаются проникнуть и в Россию, но — *«ты являешься оплотом того, что тебе вверено»*. И результатом всего — пророчество Филофея, что Россия достоин до конца времён. Это пророчество-мечта, самый высокий из всех видов мечты.

Когда русский народ верен своей миссии — он ценим и уважаем всеми, в том числе и врагами. Когда же он отказывается от своей миссии — он слаб, разобщён, гоним и презираем. Наша нация особенная. Её нельзя мерить чужими лекалами. Неудивительно, что русские люди, люди Третьего Рима, как специальный народ-удерживающий всегда остро переживали мировые проблемы. Есть такая шутка: *«Одёжка на нём — заплатка на заплате, // А думает о китайском пролетариате»*. Это действительно так.

Известные недостатки русских — такие как анархизм, максимализм, необязательность, расхлябанность, иногда доходящая до халатности, неорганизованность и недисциплинированность — всё это расцветает пышным цветом в эпохи безвременья,

когда нет чувства миссии, цели, большого дела. Но всё это мгновенно уходит во времена тяжёлых и сложных обстоятельств (войны, катастрофы, беды, напасти). И тогда миссия тотчас восстаёт из забвения — и самые недостатки вдруг превращаются в нечто иное, противоположное. Тогда выдвигает народ и когорту самых дисциплинированных и высокоорганизованных деятелей, гениальных подвижников.

И какой ещё народ на земле мог бы поднять бремя лидерства? Не созерцательного неделания, не воинствующего обращения в свою веру, не гегемонизма, попирающего всех остальных, не оболыщения богатством и властью, не приготовления царства Антихриста, а совсем наоборот — способности послужить всем и провозгласить свое кредо: «Кто не против нас, тот с нами».

Именно такой народ призван к мировому лидерству.

3. НАМ НУЖЕН ОРДЕН МЕЧТАНОСЦЕВ

Этносы исторической России, особенно в тех регионах, где проживают рядом представители разных национальных общин и культур, давно выработали важный принцип общезжития: нет лучшего и более справедливого третейского судьи, чем русский человек. Понятно, что русские в Российской империи и СССР воспринимались всеми как имперский, царский народ, как «старший брат», носитель государственной воли и силы. Однако на голой силе далеко не уедешь.

Секрет — в менталитете. Русский видит в представителях всех племён в первую очередь людей, то есть образ Божий, а не материал или субстрат для своих корыстных задач. Русский народ терпим, не приемлет насилия над совестью. По выражению Достоевского, русская душа несёт в себе трезвый взгляд, прощающий враждебное, различающий и извиняющий несходное, снимающий противоречия. Отсюда и мета-проект

Достоевского, его формула Русской Мечты, угаданная им через всматривание в гений великого Пушкина: всемирная отзывчивость, всечеловеческое братство.

Самой своей судьбой русские были воспитаны как народ, который готовится к большой мировой миссии и воспроизводит её исходя не из ожиданий сиюминутной отдачи, выгоды или тем более прибыли, но целенаправленно — как духовную установку на преображение мира. Русская цивилизация — это лаборатория, в которой Бог и история поставили эксперимент по выработке сверхнарода будущего. В ней варились и насыщали её раствор множество архетипов иных культур и цивилизаций.

Замечательный немецкий мыслитель, хорошо знавший и понимавший Россию, Вальтер Шубарт, считал, что Европа выступила для русских в роли «дьявола-искусителя». *«Англичанин, — писал он, — хочет наживаться от ближнего, француз — импортировать ближнему, немец — командовать ближним, а русский ничего от него не хочет. Он не желает превращать ближнего в своё средство. Это братство русского сердца и русской идеи. И это есть Евангелие будущего. Русский всечеловек есть носитель нового солидаризма»*.

Русская Мечта нередко приобретала крайние экстатические формы, связанные с размахом, масштабом стоящих перед нашим народом задач. Эта безразмерность хорошо выражена у позднего Гоголя с его пасхальной мечтой: *«У нас отвaga, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросив с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имущества, жгли дома свои и земные достатки, так рванётся у нас всё сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, нена-*

висти, вражды — всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия один человек. Вот на чём основываясь, можно сказать, что праздник Воскресения Христова воспринимается прежде у нас, чем у других».

За эту истовую веру уцепился и Юрий Мамлеев и развил на её основе совершенно фантазмагорическую мечту о России как запредельном бытии, «России вечной», обладающей особым неотмирным свойством недоступного для других народов сакрального хаоса. «Это, конечно, не “религия”, — говорил Мамлеев, — а некая глыба исторически Запредельного... Русская тайнореальность... Национальная вера (о которой идёт здесь речь) имеет совсем другую направленность, другой «предмет» веры и другой смысл. Поэтому она может существовать, не «мешая» религиозной вере. Весьма условно это можно сравнить, скажем, с верой отдельного человека в своё особое предназначение, в свой гений и с его же верой в Бога — что совершенно разные, но совместимые «явления»».

Данные мысли Мамлеева, суперреалиста и авангардиста, заигрывающего с запретными темами, тем не менее поразительно близки пророчествам православных святых о будущем русского народа. В 1932 году, когда существование русских оказалось под угрозой в ходе коллективизации — а это был фактически геноцид нашего крестьянства, — великий православный подвижник святитель Николай Сербский сказал, что мир ждёт явление нового народа — «Это — народ судьбы мира, из которого Промысл Божий месит лучший хлеб для духовной трапезы всей изголодавшейся земли. Сегодняшние крестные муки русского народа принесут миру непреходящую пользу. А сам русский народ выйдет из огня страданий более сильным, святым и славным, чем был прежде».

Наш старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) спустя полвека вторил ему, видя в русской истории семь великих циклов, которые символически соответствовали семи христианским

И какой ещё народ на земле мог бы поднять бремя лидерства? Не созерцательного неделания, не воинствующего обращения в свою веру, не гегемонизма, попирающего всех остальных, не обольщения богатством и властью, не приготовления царства Антихриста, а совсем наоборот — способности послужить всем и провозгласить своё кредо: «Кто не против нас, тот с нами». Именно такой народ призван к мировому лидерству.

таинствам: крещению, миропомазанию, покаянию, браку, елеосвящению, евхаристии и рукоположению. Река русской духовной жизни, по выражению отца Иоанна, то ускоряется, то замедляет своё течение, но движется всё время в заданном направлении. Если в XX веке Русь прошла через период Евхаристии, омывшись кровью новомучеников и страсто-терпцев, то вскоре она должна выйти на траекторию взлёта — наступает эпоха, когда над Россией свершится Таинство Рукоположения, и русские выдвинут из себя новое поколение, «станет русский народ священным народом, утренней звездой между народами». Это поразительное пророчество, если учитывать ту глубину падения, в которой мы оказались сейчас.

Но, несмотря на всю её запредельность и невероятность, Русская Мечта обитает в обычном нашем человеке, о чём свидетельствовал Твардовский в своем описании «русского чудо-человека»:

*Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной заповяске,
Человек простой закуска,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян...*

Русская истовость сопряжена и с бегством от мелочности и суеты, и с готовностью к самопожертвованию во имя Высшей Правды, и в самом высоком воплощении — в стремлении к преображению всего мира, как это сказалось в духовном подвиге преподобного Серафима Саровского.

Как я уже говорил выше, мечта — это выход в четвёртое измерение. В мечте подаётся нам благодать, идущая свыше. А с нашей человеческой точки зрения, мы поднимаемся на более высокую ступень эволюции, на следующий этаж мироздания. Мечтатели — победоносцы, пророки, чудотворцы — это те, кто смог поймать и «осадить» в нашу брентную реальность энергии иного мира, частицы высшего бытия, краски и отблески Царствия Небесного.

И духовный сын Достоевского, Василий Васильевич Розанов, один из самых радикальных мыслителей-мечтателей, утверждал: «Жизнь — раба мечты. В истории истинно реальны только мечты. Они живучи, их ни кислотой, ни огнём не возьмёшь. Они распространяются, плодятся, овладевают воздухом», вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья. А факты — в вечном полинянии». Розанов впервые, может быть, высказал мысль, что именно национальная мечта способна преодолеть, побороть «космополитическую мечтательность», которая подменила «мечту своей Родины» революционной мечтой. И в то же время парадоксально, как это часто свойственно Розанову, признавал он, что в революции есть очень много натуральной мечты, мечты живой, что подкреплено и удостоверено пролитой кровью...

И наверное, безумнейший из всех священно-безумствующих русских мечтателей отец русского космизма

Без Ордена Мечтаносцев Россия задыхается, без смыслократии, способной оперировать не годами и пятилетками, а большими тенденциями и стратегиями, в том числе категориями времени и вечности, веками сакральной истории, — мы обречены ходить по спирали новых «Смутных времён» и «перестроек», спускаясь по этой спирали в пропасть исторического небытия.

Николай Фёдоров стал ярчайшим прозорливцем, ясно увидевшим, к чему катится глобальное западноцентричное человечество, если его не остановить. Фёдоров предложил этому глубинную, запредельную русскую мечту-альтернативу. Мало кто из космистов сумел поднять и осилить фёдоровскую мечту об «общем деле воскрешения отцов», хотя и Циолковский, и Вернадский, и позже Ефремов разделяли коренной пафос своего учителя. Разделяли его, по большому счёту, и современники: Достоевский, Лев Толстой, Владимир Соловьёв, Бердяев и многие другие. Фёдоров и не настаивал, что его проект обязательно воплотится. Полемизируя с Толстым, он говорил: *«Утверждать, что воскрешение свершится, не будем; но то уже верно, что если все не соединимся в деле воскрешения, в деле несомненно братском, то братьями не будем»*. Фёдоров мечтал о восстановлении человечества как соборного организма, в котором можно жить по принципу **не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех**. Самое главное в этой мечте об «объединении сынов для воскрешения отцов» — что только такое объединение спасительно для самих сынов. Ибо только в этом есть надежда избежать Апокалипсиса. «Пасха заменяет и отменяет Суд», — провозглашал Фёдоров, ссылаясь на то, что Бог в Библии иногда сменял, казалось бы, уже неотвратимый гнев на милость при условии покаяния. Иными словами, история не predetermined, зависит от нашей воли и нашей способности к «общему делу». В этой связи рождается у великого мечтателя и мысль о покорении космоса, «отыскании новых земель» как подготов-

ления «небесных обителей» для воскрешаемых отцов. Фёдоров заявил не что иное, как мечту об остановке и повороте вспять смертоносного колеса истории, объединении людей вокруг этого противотока, свидетельствующего о духовной, бессмертной душе человека.

Родовое воскрешение Фёдорова прямо противоположно современному «атлантистскому» поиску эгоистического «эликсира бессмертия». Даровое бессмертие трансгуманистов, если бы оно и могло быть достигнуто в принципе, не ценилось бы людьми, увековечивающими себя как они есть в их текущем, падшем состоянии. Их победа над смертью была бы не выстрадана, а стала бы ещё одним актом потребления, а значит, и оскотинивания уже самого бессмертия. Мечта Фёдорова — принципиально иной человек, высшее существо, способное к органотворению и тканетворению, к мгновенному перемещению на любые расстояния. Он бессмертен и при этом скромный и радостный, могущество центрального существа вселенной (Богочеловека Христа, дело которого и есть наше высшее «общее дело») сочетается у него со скудостью достаточности и полным отсутствием превознесения себя как единицы. Радость Новой Земли и Нового Неба делает для него абсурдной и даже непонятной радостью «старого человечества» в их конкуренции, алчности, жадности, зависти и зверообразии.

Многие скажут: как далеки мы от этих мечтателей, наша молодёжь уже совсем безнадежна! Но — хватит ныть! Это не так! Мы можем, и мы обязаны повернуть мир к нашей мечте не только через мотивы правед-

ности и целомудрия, но и от противного — через ужас перед мерзостью и погильбью, через отрезвление. Нужно мечтать, чтобы спастись самим и спасти всех.

Мысль о национальной мечте как явлению высшего духовного плана заставляет говорить о великих русских мечтателях в качестве членов ещё не созданного Ордена Мечтаносцев. Такой орден, не партийный, не провластный и не оппозиционный, парящий выше политики, но не презирающий политики, не совсем земной и не до конца посюсторонний, — как воздух необходим России. Без Ордена Мечты Россия задыхается, без смыслократии, способной оперировать не годами и пятилетками, а большими тенденциями и стратегиями, в том числе категориями времени и вечности, веками сакральной истории, — мы обречены ходить по спирали новых «Смутных времён» и «перестроек», спускаясь по этой спирали в пропасть исторического небытия.

У Ордена Русской Мечты непочатый край работы. Замахиваясь на большие задачи, нам предстоит развернуть человечество от трансгуманизма — к идеалам в стиле русского космизма Фёдорова и духовной науки Флоренского. Новые поколения русских научатся подбирать ключи ко всякой культуре, и вместо взятой Западом за основу его экспансии «игры на пороках» — мы поведём за собой народы с мечтой об общем планетарном деле, не убивающем разнообразие, ценящим культуры такими, какими их вручили нам Бог и история. Мы предложим другим народам не подобие американского «стиля жизни», являющегося приукрашенным вариантом «борьбы за существование», но русский «стиль мечты», стиль общего проекта, общего дела, — такого как освоение космоса, океана, раскрытие сверхспособностей в человеке, разумное управление природой, наконец, мечты о пасхальном торжестве человечества, его победе над смертью.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Музыка русских сфер

Народ-мечтатель движется к своей сокровенной мечте все тысячи лет своей бесконечной истории, совершает беспримерные подвиги, испытывает небывалые страдания, рушится в бездны и вновь возрождается, влекомый к своему лучезарному будущему. И каждая невзгода, каждое преодоление, каждый взлёт и падение оставляют в народном сознании свои отпечатки, свои тайные знаки. Они копятся, складываются, превращаются в сокровенные народные коды, каждый из которых приводит в движение народную волю, веру, готовность на великие жертвы, на великие светоносные откровения. Так древо жизни, стремя свои кроны к свету, откладывает в толще ствола древесные кольца. И в каждом из этих колец — засухи, половодья, лютые морозы, благополучные тучные годы. В этих кольцах — история дерева, устремлённого к солнцу. В кодах народной жизни — история народа, её движение к божественной мечте.

Богородица в храме святой Софии — золотая мозаика, сложенная из бесчисленных драгоценных частиц. Так и Русская Мечта складывается из множества волшебных кодов, берегаемых в народной душе. Есть музыка русской истории, музыка русских сфер. Коды — как клавиши огромного фортепиано, стоящего среди трёх океанов. Нажми одну клавишу — и русские казаки, землепроходцы выходят к студёному Охотскому морю и смотрят, как из пучин всплывает сказочная рыба-кит. Нажми другую клавишу — и советские

танки Т-34 танцуют русскую кадрили на куполе имперской канцелярии, закупоривая вход в преисподнюю. Нажми третью клавишу — и русский человек с белоснежной улыбкой улетает в космос. Прислушаемся к потаённым кодам народной жизни — услышим музыку русской истории. Великие русские правители: князья, цари и вожди знали эти потаённые коды. Строя непомерное государство среди трёх океанов, использовали для его построения казачьи отряды и армейские батальоны, искусство дипломатов и золотую казну, переселение крестьян, уходивших на восток вплоть до Тихого океана, движение монастырей к Соловкам за Полярной звездой. Владеющий кодами — владеет сокровенным знанием, сокровенной властью, которая с властью видимой создаёт небывалое в мире явление — государство Российское.

Во всех русских землях народ, возводя монастыри и города, распахивая земли, одерживая победы, творил свою историю, копил в себе сокровенные коды. Коды, как зёрна, брошенные в пространство русских земель. Эти зёрна прорастали, создавали колосящееся поле русской истории. Русская Мечта — это урожай, собранный с этих плодоносных полей. Каждая земля сотворяет волшебные коды народной души. Каждая земля несёт в себе образ Русской Мечты, питает эту мечту своими глубинными силами.

Пересвет родился на Брянщине. Воин, монах, причисленный к лику святых, совершил свой жертвенный

подвиг на Куликовом поле в единоборстве с татарским богатырём Челубеем. Копьё Челубея было длиннее и мощнее копья Пересвета. Чтобы дотянуться до соперника и ударить его своим копьём, Пересвет перед битвой совлёк с себя кольчугу и рясу, голый по пояс сел в седло и помчался навстречу противнику. Он подставил грудь под удар враждебного копья, насадил себя на копьё, тем приблизив себя к противнику. И, будучи мёртвым, с пробитым сердцем, нанёс ему свой смертоносный удар. Он достиг священной победы ценой своей жизни. Русский народ — это народ-Пересвет. Подвиг Пересвета повторил Иван Сусанин. Этот подвиг повторили Гастелло и Талалихин, повторил его Александр Матросов. Пересвет — это код русской жизни, передаваемый из поколения в поколение, дошедший до наших дней, сподвигший на подвиг в смертельном бою среди чеченских гор 6-ю воздушно-десантную роту.

Брянщина — край партизан. Среди брянских лесов широко раскинулась Партизанская поляна, уставленная памятниками партизанским отрядам, которые в немецком тылу убивали фашистов, пускали под откос поезда, освобождая целые районы, куда больше не ступала нога оккупантов. Русский народ — это народ-партизан. Если приходит враг и низвергает русскую власть, народ уходит в леса, точит там топоры и с заточенными топорами выходит на опушки лесов, поёт вековую песню «Шумел сурово брянский лес». Партизаны действовали в тылу наполеоновских

войск, поднимая на рогатины и вилы незваных пришельцев. Партизанами были Ляпунов, а затем Пожарский и Минин, созвавшие в Нижнем Новгороде ополчение и пошедшие в Москву свергать ненавистных поляков, восстанавливать законную русскую власть. Партизанами в 90-е годы были работники великих советских заводов, над которыми нависла угроза гайдаровских разорений. В Северодвинске есть завод «Севмаш», который сегодня выпускает громадные лодки «Бореи». В окаянные 90-е годы директор завода Пашаев спас завод от разорения, укрыл великие технологии, хитрил и обманывал Гайдара и Ельцина, не позволив им уничтожить великолепный завод.

На Брянщине родился Тютчев — великий русский поэт и провидец. Здесь дули такие русские ветры, сыпались такие русские снега, так летела с деревьев и растений золотая листва, так звенели в снегах серебряные весенние лучи, что среди этого многоголосья русской природы возник великий провидец, учивший нас тому, что Россия — это святая икона, это божественная тайна, которую не постичь умом, не осмыслить рассудком, а познать можно только сердцем, только бесконечной любовью. Эта любовь к ненаглядной Родине, это бесконечное обожание лежит в основе русского патриотизма, непонятного для других народов.

Когда президента Владимира Путина спросили, чем является для него Россия, он страстно воскликнул: «Люблю её, люблю!» Такой любовью можно любить только божественную икону, только святую Русь.

Труд — один из глубинных русских кодов, делающих русских самым трудолюбивым в мире народом. Благодаря этому коду русские освоили громадные территории, казалось бы, непригодные для жизни. Ввели эти территории в общечеловеческий оборот, создали на этих территориях, среди льдов и песков, великую цивилизацию, построили среди топей, пустынь и гор грандиозные железные

дороги, возвели города, создали само государство. Этот код в полной мере ощутим на Урале. Труд — вот главная идея Урала. Урал — обладатель грандиозных заводов, делающих Россию цивилизацией. И сами эти заводы суть заводы-цивилизации, выпускающие уникальные машины, электронику, танки, ракеты. Эти заводы — государствообразующие. Они, как столпы, на которых держится государство Российское. «Уралмаш», «Уралвагонзавод», «Челябинский трубопрокатный», «Магнитка», Белоярская электростанция с реакторами на быстрых нейтронах. На этих заводах собран труд миллионов людей, делающих уральских людей особым уральским братством.

Трудом сберегается не только земля, усилием берётся и Царствие Небесное. Данила-мастер — герой бажовского сказа, спустился под землю в чёрную крошечность горы и там своим трудом и восхитительным умением сотворил цветок небесного рая, своим духом взлетел из глубин земли в небесное царство. Урал, который в тяжких трудах погружается в недра гор, плавит металлы, создаёт машины: то огромные, как стальные глыбы, то утончённые и хрупкие, как хрустальные кристаллы, — Урал выполняет вековечную русскую работу, превращает тьму в свет, ненависть и ярость — в любовь. Здесь, на Урале, был сконструирован и построен танк Т-34 — танк великой Победы. Что может быть страшнее танка, который мчится по полю брани, изрыгая огонь, сметая на своём пути дома и деревья, горит, подбитый снарядами, и экипаж погибает среди расплавленной стали? И этот жестокий танк — танк-победитель, стал святым танком, олицетворением победы рая над адом, света — над тьмой крошечной.

На Урале были расстреляны царь с царицей, с невинными принцессами и хрупким наследником. Это страшное злодеяние витало над Россией, требовало возмездия, порождало ненависть. На месте царской Голгофы, на фундаментах Ипатьевского дома

был построен дивный храм на Крови — чудотворная икона царских мучеников. Причисленные к лику святых, святомученики не требовали возмездия, не источали ненависти, а только любовь и прощение. Храм на Крови — это храм вселенского русского примирения, храм искупления зла, храм превращения ненависти в любовь, а тьмы — в лучезарный свет.

Код, делающий русского человека великим тружеником и творцом, позволил в кратчайшие предвоенные сроки преобразовать страну, создать тысячи новых городов, победить в неосветных сражениях, воссоздать разорённые города и деревни, построить на испепелённой земле космодромы и улететь в небеса. Тот же самый код позволил нам после сокрушительных 90-х годов восстановить разорённую индустрию, создать невиданные по своей красоте храмы, построить уникальные машины.

Загадочный вековечный зов звучит в русском сердце, заставляя русского человека сниматься с насиженных мест и двигаться в туманные, неоглядные дали, словно в этих даях ждёт его чудесное откровение, сбудется его вековечная мечта. Этот код необъятных пространств сделал Россию самым большим, необъятным государством. Казаки, землепроходцы, пахари, богомольцы, офицеры Генерального штаба, повинувшись этому влечению, шли на восток, одолевая хребты и великие реки, переплывая сам океан, оседая на Аляске и форте Росс. Поморы уходили в студёное море не только за рыбой и зверем, они двигались на север за Полярной звездой, надеясь, что там, среди хрустальных льдов, находится вход в Беловодье, в русский рай, где жизнь совершенна и где люди бессмертны.

Купец из Твери Афанасий Никитин, побуждаемый тайным зовом, влекомый сказочной красотой восточных дворцов, висячих садов, волшебных птиц и несравненных красавиц, отправился в Индию. Этот код бесконечных странствий присутствует в нашем современнике Фёдоре

Конюхове. Конюхов — очарованный странник. Он уходит на лыжах на Северный полюс, пересекает бушующий океан, поднимается на вершину Памира. Мятельный, он «просит бури, как будто в бурях есть покой». Он говорил, что во время страшных океанских штормов, когда, казалось, смерть была неизбежна, он звал на помощь своих предков. Они являлись ему среди океанского шторма, спасали его. И он движется в эти необъятные дали для встречи со своими умершими предками, желая убедиться, что смерти нет, что жизнь вечная возможна и неизбежна.

Русские верят в чудесное избавление от гибели, в чудесное преображение. Русская история, чреватая страшными разрывами времён, падениями русских империй, являет категорию чуда — чуда воскрешения из пепла, из чёрных исторических дыр. Каждый раз испепелённая и поруганная Россия восстаёт из праха в новой красоте и величии. Идёшь по Псковщине, и там чуть ли не у каждого храма, у каждого холма, у каждого придорожного камня являлась людям Пресвятая Богородица, отгоняла нашествия, избавляла от мученической смерти, обещала людям чудесное будущее.

Чудо Пресвятой Богородицы под Москвой в 1941-м году. Когда немецкие танки колесили по Подмоскovie и казалось, что падение столицы неизбежно, вдруг случилось чудо, и разом встали все немецкие броневики и машины, солдаты были объяты ужасом и, бросив свою технику, бежали по заснеженным московским дорогам. А за ними летел светоносный столп, изгоняя их из-под Нового Иерусалима и Истры. До сих пор в подмосковных лесах можно встретить остовы немецких броневиков и штабных машин, сквозь которые из кабин и люков вырастают огромные деревья русского леса — деревья познания добра и зла.

Возвращение Крыма было русским чудом. Оно было дано русским людям, чтобы одолеть их уныние, воскресить их волю и веру, соединить

рассечённое русское время, разделённый русский народ. Крымский мост — это образ русского чуда. Храм Василия Блаженного, похожий на соцветие волшебных каменных цветов, — это образ русского рая. Сама Россия в русском сознании есть чудо несказанное, есть преддверие Небесного Царства.

Русский народ — победитель. Его победы, будь то победа на Куликовом поле или Ледовая сеча, Бородинское сражение или битва на Курской дуге, светоносная Победа 1945-го года — все эти Победы сливаются в единую русскую Победу, что и является Русской Мечтой, которой одолевается вселенская тьма, изгоняются демоны, торжествует восхитительный свет божественной справедливости. В Победе, в этом глубинном восхитительном русском коде, слиты все представления русского человека о труде, о братстве, о героической жертве, о русском чуде, о райских садах, которые Сталин повелел сажать в то время, когда ещё дымились развалины разрушенных городов и не осели могилы погибших. И тогда на израненной земле зацвели весенние сады русского рая. Сталин в те же годы повелел в разорённых и стеноющих городах строить планетарии, чтобы люди, четыре года смотревшие в землю, рывшие окопы и могилы для близких людей, падавшие ниц среди воя снарядов и грохота бомб, чтобы люди вновь подняли глаза в небеса, увидели звёзды. У русской Победы — лицо Сталинграда, лицо грандиозной женской фигуры с мечом, которая зовётся Родина-мать.

В Сталинграде есть мистический фонтан, где взявшиеся за руки пионеры ведут хоровод, окружая своим детским танцем чудовище — крокодила, не выпуская его за пределы волшебного круга. Когда немцы страшным авиационным ударом сожгли Сталинград, бомбы попали в фонтан, но эти пионеры, лишённые ног и голов, продолжали кружить среди дыма пожарищ, не выпуская из волшебного круга разъярённое

чудище. Так советские войска взяли в кольцо армию Паулюса, не давали ей вырваться, добывая врага в своих огненных стальных объятиях. Сталинградский фонтан — образ русской Победы. И вода, которая бьёт сегодня из этого фонтана, есть живая вода бессмертия.

Русский народ — мечтатель. СССР был страной мечты. Большевики вознамерились спустить Царствие Небесное на землю. Царствие Небесное опускалось на землю, стремилось слиться с красной страной. И это приближение сопровождалось грохотом пушек, атаками конных армий, возведением великих заводов, строительством университетов и школ, колымскими этапами и расстрельными рвами, великими озарениями и неиссякаемыми слезами. Приближение Царствия Небесного к земле было бурей XX века. Но приблизившись, это Царство стало отдаляться, мечта покидала народ. Поздние советские лидеры забыли священные коды, позволившие советскому народу, претерпев великие беды, создать небывалую цивилизацию, окрасить две трети земного шара в красный цвет. Эти коды сокровенной власти, забытые советскими правителями, были прекрасно известны противнику. Бесчисленные советологи и русологи изучали русские летописи и сказки, анализировали Достоевского и Толстого, слушали русскую музыку, смотрели советские спектакли, выуживая из них эти сокровенные коды. Перестройка — это время избиения русских кодов, чудовищная камнедробилка, в которой враг, взломав сейфы, хранившие русские коды, устроил бойню, где гибли коды русской Победы: русское упование на чудо, великое русское трудолюбие, почитание павших героев, братство с другими народами. И когда последний код был истреблён и растоптан, советское государство пало, народ потерял мечту, наступило безвременье, разъялась «чёрная дыра» русской истории. Народ потерял государство, перестал быть

народом, жил, как в бреду, среди мерцающих миражей, погружаясь в мучительный сон. Все 90-е годы русский народ лежал в гробу, и не было царевича, который склонился бы к спящей царевне и разбудил её волшебным поцелуем. Путин был царевичем, наклонившимся над хрустальной усыпальницей России. Его приход не был предсказан, он явился в русскую власть случайно, как случайно является чудо. Он разбудил дремлющие коды России, скрытые в усыпальнице. Путин и сам был кодом, который порождает русских правителей особого типа. Правителей, являвшихся в русской истории в её роковые мгновения и спасавших Россию от полного испепеления.

Русская история двигается рывками. Каждый рывок — это русский лидер, создающий и спасающий государство Российское. Такими лидерами были князь Владимир Святой, русский царь Иван Васильевич Грозный, император Пётр Великий, генералиссимус Сталин. Эти четыре лидера — носители Русской Мечты, провели государство Российское и русский народ по чудовищным мелям истории, сквозь огненные пучины и смертоносные топи, каждый раз добиваясь великого цветения непревзойдённого могущества государства Российского. Путин был пятым правителем, кому судьба доверила возведение пятого государства Российского, пятой российской империи. Он сумел задействовать сокровенные русские коды так, словно ему нашёптывал их тайный голос, словно они являлись ему во сне, и он нажимал на волшебные клавиши русской истории.

Путин задействовал код народа-государственника. Русский народ исповедует религию государства, усматривая в государстве, пусть жестоком и подчас несправедливом, гарантию своего существования на земле, возможность исторического творчества, верит в государство, угадывающее Русскую Мечту и прокладывающее народу путь к этой мечте. Эта вера народа в своё государство

Россия — Ковчег спасения среди бурного XXI века, готова принять в себя все гибнущие святыни и ценности, всех обиженных и оскорблённых. Этот великий вселенский русский код открывает врата русского рая для всех народов земли. И когда-нибудь все народы-мечтатели сойдутся в русском рае под сенью Русской Мечты.

сказалось во время кавказских войн. 6-я воздушно-десантная рота погибла во имя государства Российского. Народный святой Евгений Родионов, обезглавленный террористами, отдал жизнь за бесценную святую Россию: за это молодой человек, почти ещё отрок, отдал свою юную жизнь. Сражаясь с суверенитетами, Путин задействовал код русской всемирности и братской любви ко всем народам России. Сегодняшнее государство Российское — имперское по своему характеру, состоящее из множества народов, культур, языков, называет каждый народ, составляющий нашу державу, бесценным, без которого государство будет считаться несостоявшимся, прогнётся и обрушится в том месте, где отринутый народ не станет поддерживать столп государства Российского. Каждый народ государства Российского — государствообразующий, складывает свою национальную мечту с Русской Мечтой, образуя симфонию народов-мечтателей. Перенеся из прошлого в нынешнее время музыку советского гимна и красное знамя Победы, Путин задействовал коды русской Победы, которые для русского человека слились воедино: мечта о божественной справедливости, обожание Родины как чудотворной иконы, явление русского чуда, соединившего все поколения, все народы, все сословия, исполнение великой русской миссии превращения тьмы в свет, одоления адских сил русскими силами рая.

Запуская оборонные заводы, которые сегодня производят лучшее в мире оружие, Путин задействовал сокровенные русские коды, позволившие народу возвести из праха великие предприятия, создавать системы

оружия, которое, будучи ракетами, танками, сверхскоростными самолётами, оставалось святым русским оружием, неся в себе таинственные частицы меча Александра Невского и шлема Дмитрия Донского. Возрождая и возводя дивные монастыри и приходы, Путин вернул в Россию православное учение о Царствии Небесном. Одухотворил этим учением опечаленные и уснувшие души, укротил озверевшие и безжалостные сердца, вновь создал сословие людей, проповедующих любовь и бессмертие.

Вернув России Крым, Путин воскресил русские коды, говорящие о чуде, о сакральности российской власти и российского государства, которое повелось от той древней купели в Херсонесе, куда ступили стопы князя Владимира Святого, и свет православия хлынул по всей Руси вплоть до Тихого океана. Россия повенчалась с Крымом, в Кремль вновь вернулся сакральный смысл Херсонеса — началось второе крещение Руси.

Россия — душа мира, русская всемирность, которую провозгласили Пушкин, Достоевский, побудили Путина затеять сирийский поход, сберечь от истребления ближневосточный народ, сделать Россию хранительницей вековых европейских христианских ценностей, которые стали гибнуть и гаснуть в изнурённой современной Европе. Россия — Ковчег спасения среди бурного XXI века, готова принять в себя все гибнущие святыни и ценности, всех обиженных и оскорблённых. Этот великий вселенский русский код открывает врата русского рая для всех народов земли. И когда-нибудь все народы-мечтатели сойдутся в русском рае под сенью Русской Мечты. В Москве, на ВДНХ, есть фонтан, где

сошлись золотые богини в ликующем солнце, орошённые Святой водой.

Но лучистое солнце Крыма вдруг стало меркнуть. Его затянули дымка и гарь разгромленных донецких городов. Россия рыдала, глядя, как установки залпового огня украинцев превращают в щебень цветущие города, уносят жизни стариков и детей, и упорные закопчённые ополченцы ведут оборонительные бои на окраинах Донецка и Луганска. Русская Мечта остановила свой полёт. Россию мучают санкциями, народ беднеет, исполнен забот о хлебе насущном, ропщет. Вновь русская история задышала смутой: демонстрации, замелькали полицейские дубинки. Молодёжь — не из числа футбольных фанатов, не влачащая жалкое существование в обездоленных городках и селениях, а московская благополучная, обеспеченная, обласканная крупными корпорациями, из университетских аудиторий вышла на улицы, требуя смены власти. Вновь заработала камнедробилка, истребляющая русские коды. Блистательные нигилисты, весёлые осквернители набрасывались на русские святыни, гасили русские коды. На Россию полились кислотные дожди, под которыми расцветают ядовитые цветы новой перестройки, угроза распада, бесчисленных распрей, сокрушения неокрепшего, со множеством изъянов государства Российского. Неужели возможен ужас 90-х годов? Русская власть, очнись, верни народу мечту, готовь Россию к новому взлёту, к великому проекту «Очищение», когда мы станем убирать мусорные свалки с окраин городов и опушек наших лесов, станем вымывать шлаки, накопившиеся в нашей общественной жизни, станем изгонять из власти бессовестных воров и алчных стяжателей, отключим человеческую душу от чудовищных мусороводов, которые днём и ночью с экранов телевизоров сыпают на человека мерзкие отходы. Очищение — это всё то же стремление к идеальному бытию, к справедливому общежитию, к божественным ценностям, которые

проповедует нам церковная проповедь и русская литература, к чему вызывают сокровенные коды русской истории. Как восстанавливают лес после пожаров, вживляя вместо обугленных пней зелёные ростки и саженцы благородных дубов и кедров, так станем одухотворять те гнёзда, что свила в недавнем прошлом Русская Мечта, гнёзда, которые теперь опустели и ждут возвращения мечты.

Космос Русской Мечты. Мы стремимся к звёздным мирам, к разноцветным созвездиям, как стремились к ним наши древние предки, уповая найти среди звёзд волшебное царство, где нет неправды и смерти, обращая молитву к небу, чтобы «Млечный путь расцвёл нежданно садом ослепительным планет». Русский космист, великий Николай Фёдоров, верил в одухотворённый космос, где человек приобщается к божественным тайнам, становится бессмертным, зажигает погасшие звёзды, латает «чёрные дыры» Вселенной. Космос Русской Мечты вновь обращает русского человека к непостижимым тайнам, делая земную жизнь прекрасной и одухотворённой.

Атомный русский проект вновь станет воплощением Русской Мечты, ибо в своих истоках он связан с русским кодом о чуде, о преодолении смерти. Курчатов, русские инженеры, рабочие сотворили чудо, создав в кратчайшие сроки русскую атомную бомбу, не позволив американцам превратить Россию в бесчисленные Хиросимы. В Сарове, где работали советские физики, на развалинах монастыря, в монашеских кельях были развёрнуты первые атомные лаборатории. И Серафим Саровский отдал свой дом советским атомным оружейникам, благословлял их на создание русской ядерной бомбы, православной бомбы, как теперь её называют.

Армия Русской Мечты, оснащённая лучшими в мире танками, самыми быстрокрылыми самолётами, боевыми смертоносными лазерами, эта армия сильна религией русской

Победы, на которой строится её духовная мощь. Победа священна. Армия, которая её одержала, исполнена святостью. Оттого сегодняшние Парады Победы в своём грозном величии и торжественной красоте, проходящие среди кремлёвских святынь на Красной площади, напоминают священнодействие. И министр обороны, выезжая из Спасских ворот, готовясь к параду, осеняет себя крестным знаменем, а миллионное шествие «Бессмертного полка» есть крестный Пасхальный ход, где живые несут над собой лики умерших предков, воскрешая их, не давая им исчезнуть. Не это ли заповедная мечта космиста Фёдорова, когда живые дети воскрешают умерших отцов?

Арктика Русской Мечты, где сегодня плывут ледоколы, работают на океанской кромке могучие заводы, ныряют под полярной шапкой русские подводные лодки. Арктика по-прежнему влечёт человека своей таинственной полярной мечтой, волшебными радугами, таинственной Полярной звездой, ведущей русского человека к восхитительным тайнам, как некогда вела волхвов Вифлеемская звезда.

Россия смотрит в будущее широко раскрытыми, обожающими мир глазами. Все сегодняшние муки и боль, неразрешимые терзания и вопли отчаяния, все судороги и терзания мира найдут своё разрешение, своё великое утешение в новой ослепительной идее, мировом открытии, которое несёт в себе русская душа. Мир ждёт не погибель, страшная, всеобъемлющая катастрофа, а всеобщее прозрение, великое озарение. И об этом говорит Русская Мечта, об этом говорит древо познания добра и зла, наполненное русскими кодами. Об этом говорит золотая Богородица, собранная из драгоценных сверкающих частиц. И каждая частица — это русский код неутомимого русского трудолюбия, неиссякаемой русской веры, безграничной русской любви. Божественный пианист, перебирая русские коды, нажимая на клавиши божественного фортепиано, играет музыку русских сфер.

